

АКАДЕМИЯ НАУК
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ТАТАРСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
ФӘННӘР АКАДЕМИЯСЕ

Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ

Научный журнал

ИЗ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

2025. Том 15, № 2

Казань

Academic Journal

FROM HISTORY AND CULTURE
OF PEOPLES OF THE MIDDLE VOLGA REGION

2025, vol. 15, no. 2

Kazan

Издание основано в 2011 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Государственное научное бюджетное учреждение
«Академия наук Республики Татарстан»
(420111, ул. Баумана, 20, Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС 77-87862 от 22 июля 2024 г.

Выходит 4 раза в год

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420111, ул. Батурина, 7, Казань,
Республика Татарстан, Российская Федерация
Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
Тел./факс +7(843) 292 84 82 (приемная), +7(843) 292 19 15

ТИПОГРАФИЯ:

Издательство Академии наук Республики Татарстан
(420111, ул. Баумана, 20, Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация)

<https://iknsp-journal.ru>

E-mail: istkazan@mail.ru

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=52839

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons "Attribution"
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

© ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», 2025

© «Из истории и культуры народов Среднего Поволжья», 2025

The journal was founded in 2011

FOUNDER AND PUBLISHER:

State Institution "Tatarstan Academy of Sciences"
(20, Bauman Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation)

The journal is registered by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)
ПИ № ФС 77-87862 from Yuly 22, 2024

Published four times a year

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

7, Baturin Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Tel./Fax +7(843) 292 84 82 (reception), +7(843) 292 19 15

PRESS:

Publishing House of the Tatarstan Academy of Sciences
(20, Bauman Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation)

<https://iknsp-journal.ru>
E-mail: istkazan@mail.ru

The journal is included in the Russian Science Citation Index Database
https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=52839

All the materials of the journal are available under
the Creative Commons License "Attribution" 4.0 International (CC BY 4.0)

© State Institution "Tatarstan Academy of Sciences", 2025

© "From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region", 2025

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: **Исхаков Радик Равильевич**, д.и.н., заведующий отделом истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Научный редактор выпуска: **Ахтямова Алсу Вазиховна**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Ответственный секретарь выпуска: **Файзрахманов Ильшат Завдатович**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Редактор английских текстов: **Шарафиев Эмиль Илхамутдинович**, к.и.н., младший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Технический редактор: **Багаутдинова Халида Зиннатовна**, научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Минниханов Рифкат Нургалиевич, д.тех.н., президент Академии наук Республики Татарстан, академик АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Салихов Радик Римович, д.и.н., директор, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, академик АН РТ, председатель редакционной коллегии (Казань, Российская Федерация)

Загидуллин Ильдус Котдусович, д.и.н., доцент, старший научный сотрудник, Центр исламоведческих исследований АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Иванов Ананий Герасимович, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Марийский государственный университет (Йошкар-Ола, Российская Федерация)

Самигулов Гаяз Хамитович, к.и.н., старший научный сотрудник, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Российская Федерация)

Николаев Геннадий Алексеевич, к.и.н. (Чебоксары, Российская Федерация)

Иштван Вашари, Dr. Sci. (история), профессор отделения тюркских и центрально-азиатских исследований факультета гуманитарных наук, Университет им. Лоранда Этвёша, член-корреспондент Венгерской Академии наук (Будапешт, Венгрия)

Михаэль Кемпер, Dr. Sci. (история), профессор сектора Европейских исследований факультета гуманитарных наук, Университет Амстердама (Амстердам, Голландия)

Марискин Олег Иванович, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой экономической истории и информационных технологий Историко-социологического института, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (Саранск, Российская Федерация)

Кабытов Петр Серафимович, д.и.н., заведующий кафедрой российской истории Социально-гуманитарного института, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева (Самара, Российская Федерация)

Пол Верт, Ph.D. (история), профессор кафедры истории, Университет Невады (Лас Вегас, США)

Таймасов Леонид Александрович, д.и.н., профессор кафедры археологии, этнографии и региональной истории историко-географического факультета, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (Чебоксары, Российская Федерация)

Фахрутдинов Раиль Равилович, д.и.н., и.о. директора Института международных отношений, истории и востоковедения, Казанский федеральный университет (Казань, Российская Федерация)

EDITORIAL OFFICE

Chief editor: **Radik R. Iskhakov**, Dr. Sci. (history), Head of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Scientific editor of the issue: **Alsu V. Akhtyamova**, Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Executive secretary of the issue: **Ilshat Z. Faizrakhmanov**, Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

English texts' editor: **Emil I. Sharafiev**, Cand. Sci. (history), Junior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Technical editor: **Khalida Z. Bagautdinova**, Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Rifkat N. Minnikhanov, Dr. Sci. (technical sciences), President of the Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Radik R. Salikhov, Dr. Sci. (history), Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences, Chairman of the Editorial Board (Kazan, Russian Federation)

Ildus K. Zagidullin, Dr. Sci. (history), Associate Professor, Senior Researcher of the Center for Islamic Studies, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Ananiy G. Ivanov, Dr. Sci. (history), Professor, Head of the Department of Russian History, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Gayaz Kh. Samigulov, Cand. Sci. (history), Senior Researcher, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation)

Gennadiy A. Nikolaev, Cand. Sci. (history) (Cheboksary, Russian Federation)

István Vásáry, Dr. Sci. (history), Professor of the Department of Turkic and Central Asian Studies, Faculty of Humanities, Eötvös Loránd University, Corresponding Member of the Hungarian Academy of Sciences (Budapest, Hungary)

Michael Kemper, Dr. Sci. (history), Professor of the Sector for European Studies, Faculty of Humanities, University of Amsterdam (Amsterdam, Netherlands)

Oleg I. Mariskin, Dr. Sci. (history), Professor, Head of the Department of Economic History and Information Technology, Historical and Sociological Institute, Ogarev National Research Mordovian State University (Saransk, Russian Federation)

Petr S. Kabytov, Dr. Sci. (history), Head of the Department of Russian History, Social and Humanitarian Institute, Korolev Samara National Research University (Samara, Russian Federation)

Paul W. Werth, Ph.D. (history), Professor of the Department of History, University of Nevada (Las Vegas, USA)

Leonid A. Taimasov, Dr. Sci. (history), Professor of the Department of Archeology, Ethnography and Regional History of the Faculty of History and Geography, Ulyanov Chuvash State University (Cheboksary, Russian Federation)

Rail R. Fakhrutdinov, Dr. Sci. (history), Acting Director of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Дубовиков А.М. Дореволюционная литература об Ахалтекинских экспедициях 1879 и 1880–1881 годов	10
Шарафиев Э.И. Офицерский состав тептярских казачьих полков в конце XVIII – начале XIX века (по послужным спискам)	57
Николаев Г.А. О месте и роли этнокультурного фактора в переселенческом движении волжских крестьян на земледельческие окраины России в конце XIX – начале XX века	71
Роднов М.И. К истории отечественного бахчеводства в XIX – начале XX века (по материалам Оренбургской и Уфимской губерний)	89
Сибгатуллина А.Т. Об одной публикации И.Алкина в журнале «Революционный Восток»	121

Публикация источника

Белоусов М.Р. Новые документы Московского стола Разрядного приказа 1645–1677 гг. о представителях рода ногайских князей	130
--	-----

Новые книги, рецензии

Хэйретдинов А.Г. Китапка бэяләмә: Гәрәева-Акчура А. Төркиядә табылган татар эзләре: публицистик мәкаләләр, эсселар, тәржемәләр (Конья, 2024)	145
---	-----

Научная жизнь

Гайнутдинов А.М. В поисках историко-культурного и литературно-художественного наследия татарского народа (посвящается памяти Марсея Ибрагимовича Ахметзянова)	150
Хамидуллин С.Р. Историк-энциклопедист. В память об Айдаре Ильсуровиче Ногманове	161

CONTENTS

Articles

Dubovikov A.M. Pre-revolutionary literature on the Akhal-Teke expeditions of 1879 and 1880–1881	10
Sharafiev E.I. Officers of the Teptyar Cossack Regiments in the late 18th – early 19th centuries (according to service records)	57
Nikolaev G.A. On the place and role of the ethnocultural factor in the migration movement of Volga peasants to the agricultural outskirts of Russia in the late 19th – early 20th centuries	71
Rodnov M.I. On the history of domestic melon growing in the 19th – early 20th centuries (based on materials from the Orenburg and Ufa provinces)	89
Sibgatullina A.T. About one publication by I. Alkin in the Journal “Revolutionary East”	121

Publication of the source

Belousov M.R. New documents of the Moscow department of the Razriadny Prikaz of 1645–1677 on the representatives of the Nogai Princes	130
--	-----

New books, reviews

Khairutdinov A.G. Book review: Garayeva-Akchura A. Tatar traces founded in Turkey: publicism articles, essays, translations (Konya, 2024)	145
--	-----

Scientific life

Gaynutdinov A.M. In search of the historical, cultural and literary-artistic heritage of the Tatar people (dedicated to the memory of Marcel Ibragimovich Akhmetzyanov)	150
Khamidullin S.R. Historian-encyclopedist. In memory of Aidar Ilsurovich Nogmanov	161

СТАТЬИ

УДК 94(470.5)

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-2.10-56>

Дореволюционная литература об Ахалтекинских экспедициях 1879 и 1880–1881 годов

А.М. Дубовиков

*Поволжский государственный университет сервиса
Тольятти, Российская Федерация*

После распада СССР история присоединения к России регионов Средней Азии обрела как научную, так и политическую актуальность, поскольку сегодня в бывших республиках Средней Азии преобладает не научная, а политическая оценка событий, далекая от объективности. Положительные результаты отрицаются практически полностью, тогда как упор делается на негативных последствиях, описание которых порой доводится до абсурда. Можно сказать, что прежний советский подход получил продолжение, но в менее объективном и более политизированном виде, поскольку советские историки признавали наличие и позитивных последствий. Сегодня историческая наука Средней Азии стремится показать былые страдания своих народов и нечеловеческую жестокость «завоевателей», хотя со стороны первых жестокости было не меньше. Причем, не только в отношении «завоевателей», но и в отношении соседних народов или даже в отношении других местных племен. Обращение к дореволюционной литературе, прежде всего, к той, авторами которой были сами участники тех военных кампаний, позволяет взглянуть на события прошлого их глазами и более объективно оценить все, что происходило между Россией и среднеазиатскими ханствами. Поскольку анализ дореволюционной литературы, посвященной Ахалтекинским военным кампаниям 1879 и 1880–1881 гг., пока не проводился, данная статья имеет научную новизну.

Ключевые слова: Ахалтекинская экспедиция 1879 г., Ахалтекинская экспедиция 1880–1881 гг., штурм Геок-Тепе, присоединение Средней Азии, дореволюционная военная литература

Для цитирования: Дубовиков А.М. Дореволюционная литература об Ахалтекинских экспедициях 1879 и 1880–1881 годов // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №2. С.10–56. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-2.10-56>

Ахалтекинская военная кампания 1880 – начала 1881 г., итогом которой стало взятие крепости Геок-Тепе (Денгиль-Тепе) и «приведение к покорности» туркменского племени текинцев, была продолжением неудачной кампании 1879 г.

Кампании 1880–1881 гг. дореволюционные авторы посвятили много работ, разных как по объему, так и по стилю написания. Гораздо меньше внимания было уделено кампании 1879 г. Так как она оказалась неудачной для русских, ей было посвящено очень мало работ, а те строки в журналах и книгах, где о ней шла речь, рассматривали ее, прежде всего, как прелюдию к следующей, более успешной военной кампании, организаторы которой учли недавние ошибки.

Исключение – крупная статья **А.Черняка**, размещенная в 1887 г. в четырех номерах «Военного сборника» [39; 40; 41; 42]. В том же журнале, но уже в 1889 г., вышла его статья о второй Ахалтекинской кампании [43]. Отыскать биографические данные автора, включая даже его точные имя и отчество, не удалось. Известно, что он – участник тех событий. Более того, из названия его статей следует, что он – офицер-сапер. В первой из статей он подписывается как «штабс-капитан Черняк», во второй – просто как «А. Черняк». Упоминают его имя и некоторые авторы, например, А.Н. Маслов, также офицер-сапер, и, видимо, начальник Черняка, так как он, на тот момент капитан, в своей книге называл Черняка поручиком, который 3 января, вместе с подпоручиком Гринёвым, руководил возведением очередного редута. Их обоих капитан Маслов назвал офицерами 2-го саперного батальона [32, с.87]. Упомянув Черняка вторично, Маслов отметил, что тот лично руководил «траншейными работами» для подрыва стены: *«Работами в галерее управляет поручик Черняк. Он следит за правильностью и успехом работы, и поверяет по временам направление главной линии особыми инструментами»*. Помогали ему два подпоручика – тот же Гринёв и Погосский [32, с.100]. Штабс-капитаном Черняк стал уже позже. Несмотря на то, что первая статья Черняка выходила в четырех номерах журнала, а вторая – лишь в одном, объем второй не меньше, и даже больше, чем общий объем первой – 62 страницы против 56-ти.

Ценность первой статьи Черняка состоит, прежде всего, в том, что в ней подробно описаны события 1879 г., которые прочие авторы предпочли или не упоминать, или упомянуть мельком из-за ее провальности. Начинается она с описания тяжестей следования отряда по безводной туркменской пустыне. Автор ведет подробную датировку событий с указанием дат: *«Чекишляр. 5-го июня»*, *«Аты-Буюн. 6-го июня»*, *«Дели-ли. 7-го июня»* и т.д. Заканчивается первый номер статьи Черняка абзацем о появлении в отряде цинги, о смерти солдата от «кровавого поноса» и о дожде, грозящем перерасти в ливень. Все это описано после стандартных слов: *«Дуз-Олум. 25-го июня»* [39, с.293].

В следующем номере статья начинается словами *«Бек-Тепе. 26-го июня»*. Дальнейшие события продолжают разворачиваться в Бек-Тепе на

протяжении почти месяца, о чем свидетельствует последняя запись, связанная с этим объектом – «*Бек-Тепе. 19-го июля*» [40, с.133]. Затем события разворачиваются в селении Терсакан («*Терсакан. 20-го июля*»), переход к которому, по словам Черняка, был «*прелестной прогулкой*» [40, с.134]. Потом автор вновь пишет о трудностях похода. Интересна информация о проводнике-туркмене, который помогал русским и даже сдружился с Черняком, которому в Тарсакане принес «*зеленого винограда и трех курочек*», хотя, не зная языков друг друга, оба использовали язык жестов. Последнее упоминание о Терсакане относится к 5 августа. Последним стало известие, что в Чекишляре открылось почтовое сообщение [38, с.138]. Далее упоминается Бендесен, куда первая колонна выступила 5 августа, и уже на следующий день вступила в бой с текинской шайкой. Второй номер журнала со статьей Черняка завершается 22 августа в том же Бендесене. Центральное место заняли работы по устройству спуска с гор, требовавшие от инженеров-саперов немало усилий. Не менее важным стало известие о неожиданной смерти генерала И.Д. Лазарева и назначении новым начальником экспедиции генерала Н.П. Ломакина [40, с.143–144].

Третий номер включил в себя события от выдвижения в Ахалтекинский оазис русского отряда до столкновений с текинцами уже в непосредственной близости с крепостью Денгиль-Тепе (Геок-Тепе). Здесь уже нет расписания по дням событий, как прежде. Описаны сложности пути, нападения текинцев, и все, происходившее в отрядах, рассредоточившихся друг от друга на разных расстояниях. Заканчивается третья часть статьи рассказом о бое с текинцами близ аула Янги-кала [41, с.136–138].

В четвертой части рассказывается непосредственно о неудачном штурме Геок-Тепе и последующем отступлении. «Небольшие крепостцы» близ Геок-Тепе автор еще не называет их так, как их будут называть участники второй кампании – «Правофланговая кала», «Мельничная кала» и т.п.

В ходе штурма Геок-Тепе отряд понес большие потери, после которых Ломакин решил завершить осаду и покинуть Ахалтекинский оазис. Черняк пишет: «*Утомленные войска были потрясены постигшей их неудачей*» [42, с.267]. И далее: «*Трудно указывать все причины постигшей нас неудачи*», хотя он все же попытался перечислить причины краха кампании: 1) «*войска были пущены в бой не спавшие, голодные, прямо с похода*»; 2) «*атака была поведена цепью на отвесные высокие стены с рвами впереди, и захватила громадный район*»; 3) «*для действия артиллерии не было поставлено никакой определенной цели*»; 4) «*не было произведено рекогносцировки*»; 5) «*не было заготовлено никаких приспособлений, облегчающих штурм стен*»; 6) «*войска слишком неравномерно были разделены на боевую часть (пять батальонов) и резерв (один батальон), вследствие чего им не на что было опереться*» [42, с.268].

Неясно, зачем фамилии ряда командиров Черняк решил не называть, хотя на момент публикации его статьи прошло восемь лет после той кампании, но в статье зачем-то фигурируют некие «Г.», «Ш.» и др.

Статья Черняка о второй Ахалтекинской кампании мало чем отличается от многих других работ (например, А.Н. Куропаткина, Н.И. Гродекова или «капитана Муравцева»), если не считать различий в количестве страниц, хотя ряд ее особенностей все же можно найти.

Как сапер, Черняк уделил много внимания вопросам, связанным с его военной специальностью: испытанию воздействия динамита на глинобитные стены, возведению редутов, наведению переправ и прочим работам, особенно рытью подземной траншеи для подрыва стены.

Интересна и его информация о том, где и как текинцы отливают ядра для своей пушки; это делается на вершине холма Денгиль-Тепе, где была вырыта траншея, в которой располагалась их единственная пушка, до того, как у русских были захвачены еще две [43, с.444].

Странно, что, готовя взрыв, автор не упомянул подвиг Кунаковскова, но, сообщая о переговорах с текинцами относительно уборки трупов, в качестве парламентариев упомянул сотника «Кунаковского» и полковника Йомудского [43, с.459]. Черняк не единственный, кто упомянул Йомудского. А вот А.А. Майер наверняка ошибся, слегка изменив его чин и фамилию: *«Подполковник Гомудский, главный переводчик штаба, вышел из траншеи и вступил в беседу с двумя старшинами»* [27, с.225]. Кунаковскова Майер вообще не заметил.

Фамилию Йомудского Майер явно указал ошибочную. Тот, наверняка, был представителем туркменской знати, поступившим на русскую службу, о чем свидетельствует его фамилия: йомуды – одно из основных туркменских племен. В то время часто давали подобные фамилии, связывая их с этническим происхождением (Аварский и т.п.). К тому же Майер не случайно назвал Йомудского «главным переводчиком», как бы подчеркнув его свободное владение языком текинцев. Еще один участник кампании, К.К. Гейнс, верно назвав фамилию Йомудского, полагал, что тот был вообще майором: *«Майор Йомудский, получив приказание вступить в переговоры с текинцами относительно уборки тел, из траншеи стал выкликивать текинцев с предложением прекратить огонь и выслать людей для переговоров»* [8, с.58].

Удачному осуществлению взрыва стены Геок-Тепе Черняк был так рад, что на этом фактически закончил рассказ, посвятив штурму лишь одно предложение: *«К часу дня крепость была в наших руках»*. Далее – ряд последних строк, где автор отметил, что русские доказали, что *«они не остановятся перед решением поставленной им задачи»*, а текинцы *«своей геройской обороной ясно показали всем, что не в магазинном ружье, а в человеке сосредоточено главное боевое могущество»* [43, с.462].

Абсолютное большинство авторов работ об Ахалтекинских кампаниях были офицерами, участниками тех событий, некоторые потом дослу-

жились до генеральских чинов. Среди генералов, не участвовавших в той кампании, но нашедших для нее место в своих книгах, надо отметить М.А. Терентьева, автора «Завоевания Средней Азии», и **А.И. Макшеева**, автора «Исторического обзора Туркестана и наступательного движения в него русских». У Макшеева информация об Ахалтекинских кампаниях помещена в самой последней (XIV) главе и занимает лишь 20 страниц [28, с.353–373]. Поэтому информация о тех кампаниях предельно сжата, изобилует цифрами и таблицами. В конце главы размещены примечания, из коих следует, что автор книги опирался на труды таких участников Ахалтекинских кампаний, как А.Н. Куропаткин, Н.И. Гродеков и К.К. Гейнс.

Николай Иванович Гродеков (1843–1913) – автор самого обширного труда, полностью посвященного Ахалтекинской кампании 1880–1881 гг., вышедшего в четырех томах [10; 11; 12; 13]. Уроженец Елисаветграда, он в 1862 г. окончил 2-е Константиновское военное училище, после чего принял участие в подавлении польского восстания. Окончив Академию Генштаба в 1868 г., проходил службу на Кавказе, где впервые попробовал себя в качестве военного историка, написав книгу «Нагорная полоса Кубанской области». После того как в 1870 г. Мангышлакское приставство было выведено из состава Уральской области и передано в ведение Кавказского наместничества, он нес службу на восточном берегу Каспия, принял участие в Хивинском походе 1873 г., будучи начальником штаба Мангышлакского отряда полковника Н.П. Ломакина. В 1883 г. вышла его книга «Хивинский поход 1873 г. Действия Кавказских отрядов». В период службы начальником штаба войск Ферганской области он сблизился с ее военным губернатором М.Д. Скобелевым. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., затем в качестве разведчика посетил Персию и Афганистан, о чем написал книгу «Через Афганистан». Участвовал в обеих Ахалтекинских экспедициях. Во время боевых действий близ Геок-Тепе в конце 1880 – начале 1881 г. был начальником штаба у Скобелева. Незадолго до этого побывал в Иране, куда был направлен для заготовки в приграничных районах продовольствия для русской армии. О миссии в Иране подробно рассказано в 4-м томе его книги [13, с.135]. В Персию он отбыл в чине полковника, но уже летом 1880 г. был произведен в генералы.

Первые три тома его книги вышли в 1883 г., четвертый – в 1884 г. Всего в них около 1700 страниц, много карт, схем, таблиц. В конце томов – приложения с приказами, рапортами, инструкциями, циркулярами, письмами, предписаниями, отчетами, справками, ведомостями и прочими документами.

Первый том начинается с обзора географических и этнографических особенностей края [10, с.1–15, 22–35]. Далее внимание уделено разработке планов экспедиции, включая вопросы снабжения [10, с.170–207], а также деятельности Скобелева после прибытия в Тифлис, затем на восточный берег Каспия [10, с.223–236, 241–245, 260–261 и др.]. Заканчивается том 39 приложениями [10, с.1–158 в Приложениях].

Во втором томе продолжена тема подготовки к походу, описаны события весны-лета 1880 г., происходившие после прибытия Скобелева: занятие Ходжакалы и Бами, июльская рекогносцировка и др. [11, с.41–152].

Осаде и штурму Геок-Тепе посвящен третий том. Далее – подробная информация о новых планах [12, с.1–9, 86–91 и др.], о переброске войск с Кавказа [12, с.51–52, 55–56], о движении передовых отрядов и столкновениях с текинцами [10, с.42–45, 48–50, 59–65 и др.], о встрече Туркестанского отряда [12, с.101–114], обо всех рекогносцировках [12, с.154–158, 160, 164–166 и др.], о занятии разных «кал» (кала – укрепление, земляная цитадель) [12, с.179–193, 230–236], об осадных работах [12, с.213–222, 228–229, 236–237 и др.] и вылазках текинцев [12, с.221–228, 239–243, 254–257 и др.], о производстве подкопа [12, с.259–260, 268–271 и др.], о штурме и взятии Геок-Тепе [12, с.280–293].

Четвертый том посвящен событиям, произошедшим после взятия Геок-Тепе: занятию Асхабада (Ашхабада), признанию текинцами покорности, их возвращению в свои аулы [13, с.5–37, 56–59, 91–92, 112–113], смене начальства и следованию отрядов в места их постоянной дислокации [13, с.62, 111 и др.]. Проведен подробный анализ организации снабжения войск и контроля над ним [13, с.206–296], медико-санитарной обстановке и влиянию на здоровье природных условий края, организации военно-медицинской службы [13, с.50, 125, 284–286, 297–382]. Очень подробно автор описал свою миссию в Персии [13, с.135–181].

Во всех томах много места заняли вопросы, связанные с верблюдами, что характерно для работ многих авторов. В Средней Азии и казахских степях верблюды незаменимы для перевозки грузов, но русские (и даже кавказцы) не владели достаточными навыками по уходу за верблюдами, и эти функции выполняли казахи-верблюдовожатые («лаучи»), которых нанимали на взаимовыгодных условиях. Сохранять свежее мясо при переходах через жаркие бескрайние степи и пустыни было невозможно, отчего при отрядах имелись стада овец, названных в отчетах «порционным скотом», поголовье которого определялось из расчета норм потребления мяса. Во втором томе две последние главы почти полностью посвящены верблюдам: их приобретению и заботе о них, причинам падежа скота, формированию и охране караванов и т.п.

Алексей Николаевич Куропаткин (1848–1925) – автор книги, меньшей по объему, нежели книга Гродекова [22], но схожей с ней по стилю изложения материала. Ее автор родился в семье офицера, окончил столичный кадетский корпус и 1-е Павловское пехотное училище и в чине подпоручика в 1868 г. начал службу в 1-м Туркестанском батальоне. Он принял участие во многих сражениях в Средней Азии. В 1871–1874 гг., будучи штабс-капитаном, обучался в Академии Генштаба. Службу в Средней Азии продолжил в 1875 г. Тогда же принял участие в подавлении восстания кокандцев, отличился при взятии Уч-Кургана. Весной 1876 г. возглавил посольство в Кашгар, а во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. был начальни-

ком штаба пехотной дивизии. В 1879 г. вернулся в Среднюю Азию, возглавив Туркестанскую стрелковую бригаду. Во время Ахалтекинской экспедиции 1880–1881 гг., будучи в чине полковника, возглавил Туркестанский отряд, а в следующем году был произведен в генералы.

Туркестанский отряд был сформирован в Петро-Александровске, откуда предполагалось идти на соединение с «кавказцами» (так условно называли отряд, шедший из Чекишляра (с берега Каспия), сформированный преимущественно из переброшенных с Кавказа войск), чтобы вместе идти к Геок-Тепе.

Хронологические рамки событий, описанных в книге Куропаткина, как следует из ее названия, охватывают период с 1839 по 1881 г. Книга состоит из двух частей. Первая называется «Очерк военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 год» и занимает треть книги [24, с.1–77]. Название второй (и главной) части совпадает с основной частью названия книги: «Завоевание Туркмении. Поход в Ахал-теке в 1880–81 гг.» [24, с.78–220]. Четыре последних страницы [24, с.221–224] заняло приложение, не связанное напрямую с ходом кампании (нормы снабжения войск в «степных» походах: продовольствие, скот, боеприпасы, повозки и т.п.).

Вторая часть содержит 4 главы. Первая начинается с описания природных условий края и заканчивается неудачным завершением похода 1879 г. [24, с.78–86, 98–102]. Там же подробно описаны возможные маршруты передвижения в регионе (расстояния, колодцы, примерное число переходов, дней и т.п.) [24, с.86–92]. Интересно описание туркменских племен, прежде всего, текинцев: расселение, численность, общественное устройство, хозяйственные занятия и военные традиции, этнопсихологические особенности, а также их набеги на соседей и русских [24, с.92–97].

Вторая глава похожа на сокращенный текст книги Гродекова: планы действий, заготовка необходимого, поиск верблюдов и лаучей, устройство складов и причалов, занятие аула Бами, июльская рекогносцировка, встреча с «туркестанцами» [24, с.103–135]. Завершается глава событиями ноября.

В третьей главе описаны события декабря: занятие аула Егян-Батыркала (ставшего «Самурским укреплением», названным в честь Самурского полка) и Янги-калы, декабрьские рекогносцировки, основание лагеря близ Геок-Тепе, начало осады крепости и вылазки текинцев [24, с.136–179].

В четвертой главе описаны январские события: продолжение осадных работ, последняя вылазка текинцев, «минные работы», подготовка к штурму и его проведение, подсчет потерь обеих сторон [24, с.180–220]. Завершается глава событиями, напрямую не связанными с кампанией, даже выходящими за хронологические рамки, указанные в названии книги: присоединение Мерва и конфликт с афганцами (1884–1885 гг.) [24, с.216–218].

Михаил Африканович Терентьев (1837–1909) – автор трехтомника «История завоевания Средней Азии», хорошо известного военным историкам как фундаментальный труд, в котором Ахалтекинской экспедиции отведено около половины страниц третьего, последнего тома [37].

Окончив в 18 лет столичный Константиновский кадетский корпус, автор успел поучаствовать в Крымской войне, будучи в чине корнета. В 1862 г. в чине поручика поступил в Академию Генштаба. Окончив ее в чине штабс-капитана, продолжил службу при Генштабе и начал обучение при Азиатском департаменте МИД, получил востоковедческое образование, изучил турецкий и арабский языки. В 1867 г. стал старшим помощником начальника Аулие-Атинского уезда Туркестанского генерал-губернаторства. В 1867–1868 гг. отличился в боях с бухарцами, в 1869 г. был произведен в ротмистры. Затем служил при начальстве Зеравшанского округа, Ходжентского и Чимкентского уездов, а с 1871 г. – при штабе туркестанского генерал-губернатора, где участвовал в разработке плана Хивинской кампании, в рекогносцировках путей в Хиву, но в той кампании не участвовал, так как до ее проведения начал обучение в Военно-юридической академии, окончив которую начал службу в военно-судебном ведомстве. Тогда же начал писать книги – «На прощание с Средней Азией» (1873), «Статистические очерки Среднеазиатской России» (1874), «Россия и Англия в борьбе за рынки» и «Россия и Англия в Средней Азии» (1875). Также он написал учебные пособия для обучения русских азиатским языкам и наоборот. После участия в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. продолжил службу в военно-судебном ведомстве. Над своим трехтомником он начал работать, еще служа в Средней Азии, а закончил уже после выхода в отставку в чине генерал-лейтенанта. Два первых тома вышли в 1903 г., третий – в 1906 г.

В той части, где речь идет об Ахалтекинской кампании, автор часто ссылается на работы участников – А.Н. Куропаткина, А.В. Верещагина и других, поскольку сам не участвовал в ней (тогда он был майором и военным следователем Виленского военного округа).

Третий том его книги содержит 18 глав. В первых четырех речь идет о подготовке кампании 1879 г., ее неудачном завершении, новых планах и назначениях [37, с.1–44]. Далее следуют вопросы, касающиеся заготовок всего необходимого, о срыве поставок, хищениях, плохом контроле, проблемах военно-полевой медицины и об отъезде Гродекова в Иран [37, с.45–87].

Большая часть пятой главы посвящена М.Д. Скобелеву – рассказу о его геройских поступках в прошлом и настоящем, например, его решительным действиям в ходе июльской рекогносцировки [37, с.88–110], где Терентьев обнаружил расхождения в описании тех событий у Гродекова и Майера [37, с.106–107]. Терентьев справедливо принял версию генерала, нежели версию бывшего унтер-офицера флота.

События конца июля – середины декабря нашли отражение в шестой главе; в основном – это столкновения с текинцами. Там же упомянута встреча отряда Куропаткина [37, с.111–133].

Главы с седьмой по десятую посвящены самой горячей фазе кампании (событиям, происходившим со второй половины декабря до 12 янва-

ря): занятие Келете, рекогносцировка 22 декабря, гибель генерала Петрушевича (об этом в седьмой главе), о событиях 23 декабря – 1 января (седьмая глава). Здесь главное место отведено началу осадных работ и вылазкам текинцев, а также взятию ряда кал людьми Куропаткина [37, с.134–176]. В девятой главе показаны последние (январские) события – от начала траншейных работ до подземного взрыва и штурма крепости [37, с.177–199]. Упомянут и Кунаковсков [37, с.180–181].

Событиям, происходившим после взятия Геок-Тепе, посвящена десятая глава: освобождение текинских рабов, изъятие у текинцев оружия, отъезд отрядов и Скобелева, подсчет потерь и материальных затрат и т.п. [37, с.200–228]. В последних восьми главах описаны уже другие события.

«**Капитан Муравцев**» – автор статьи, которая, будучи во многом схожей с работами вышеуказанных авторов, выходила в пяти номерах «Военного сборника» [19; 20; 21; 22; 23]. Однако в Туркестанском отряде, членом которого представлялся автор, такого капитана не было. А так как он не раз упомянул себя как адъютанта Куропаткина, можно догадаться, что это был капитан Муромцев. К сожалению, что-то узнать, кроме фамилии и чина, не удалось.

В заглавие его статьи вкралась ошибка (или опечатка): не «с ноября 1860 г.», а с ноября 1880 г. Часть статьи, где описан поход Туркестанского отряда до встречи с «кавказцами», похожа на походный журнал – как и у Черняка, все начинается с дат: «15-го ноября», «16-го ноября», «17-го ноября» и т.д.

Муромцев более детально, чем другие офицеры отряда Куропаткина (кроме самого Куропаткина – А.Л. Гуляева, П.П. Калитина), описал состав его подразделений: аулы, водоемы и колодцы, через которые он проследовал, расстояния между ними, даты, продолжительность дней и ночевков, вопросы фуража и прочее. Все это нашло место в первом номере «Военного сборника». Остальные номера посвящены военным действиям, от мелких стычек с противником до взятия Геок-Тепе (Денгиль-Тепе).

Александр Викторович Щербак (1848–1894), выпускник медико-хирургической академии, участник сербского восстания против турок в качестве военврача, а после вступления в войну России – начальник врачебно-санитарного пункта при отряде Великого князя, будущего Александра III. По окончании тех событий он написал книгу «Черногория и ее война с турками в 1877–78 годах».

Во время Ахалтекинской экспедиции 1880–1881 гг. он руководил обустройством санитарных пунктов. Будучи на Великокняжеской позиции, он всегда направлялся туда, где раненные нуждались в его помощи, в том числе и при штурме Геок-Тепе.

Его книга о тех событиях увидела свет в 1884 г., а спустя 16 лет вышло ее дополненное издание [44]. Она содержит 23 небольшие главы, размещенные в двух частях, названных «периодами»: «Период 1-й. Органи-

зация тыла» и «Период 2-й. Наступательные действия». Первая часть содержит 10, вторая – 13 глав.

В первой речи идет о событиях, предшествовавших выступлению из Бами. Рассказ начинается с прибытия автора из Астрахани в Красноводск, а затем – в Чекишляр (он называет его «Чигишляр»). Далее – описание этих селений, похожее на дневник путешественника, знакомство с их новыми обитателями – комендантом Чекишляра полковником Арцишевским, сестрой милосердия графиней Милютиной, отрядным интендантом Кальницким и др. Затем речь идет о проблемах снабжения, найме верблюдов и т.п., о прибытии Скобелева [44, с.1–16]. Заканчивается первая часть недовольством Скобелева ходом снабжения кампании, ревизией складов, арестом виновных, признанием неудовлетворительного состояния медицинской части [44, с.79–87].

Целых две страницы автор уделил рассказу о коллеге, отрядном враче Гейфельдере: *«Хотя красноватое лицо его со следами некоторой угреватости нельзя было назвать красивым, но серые блестящие глаза, которые он по произволу делал томными, слегка захватывая их к небу, были недурны. Сам почетный хирург находил в них что-то магнетическое, уверяя, что не только женщины, но даже и многие мужчины не в состоянии вынести блеска его глаз. Благозвучный теноровый голос, которым любил он распевать арии из “Риголетто” и других опер во время вечерних прогулок, производил на многих приятное впечатление»*. Далее автор отметил *«высокий рост и стройную походку»*, позволяющие коллеге походить на *«нечто поэтическое в оффенбаховском жанре»*. Плохой русский язык, *«который он коверкал иногда до невозможности, вызывая у окружающих невольную улыбку»*, не мешал ему *«пускаться в рассуждения о философских теориях»*. Не менее образно, но саркастически, звучит рассказ о родословной коллеги, чей отец был *«очень умный человек из Берлина»*, а мать – *«очень нежная дама с берегов Рейна»*, и от такого брака *«могло произойти только нечто особенное и гениальное»* [44, с.17–18].

Так же образно автор описал не только людей, но и населенные пункты, укрепления, климат и природу. Вот фрагмент пути из Чекишляра в Бами: *«Было еще очень рано. Солнце только что взошло, но в воздухе стояла уже духота, которая, все увеличиваясь, часам к десяти стала печь, как в паровике. Кругом, на всем пространстве, которое мог обнять только глаз – голая степь, устланная кое-где небольшими тощими кустиками саксаула. На горизонте, казавшимся очень недалеким, серебрились разных величин обманчивые озера степного миража. Иногда казалось, что озера эти, с выступавшими из них островками или длинными полосами кустарников совсем близко – так вот и въедешь в них»* [44, с.25–26].

Вторая часть начинается с событий 26 ноября, начала похода: *«Но вот протрубил рожок, за ним другой, третий, несколько... во всех частях войска, успевшего стянуться в передовой пункт. Прогудел заревой выстрел. Раздались торжественные звуки гимнов: “Коль славен Бог” и “Боже, Царя»*

храни”. Лагерь пробудился. Шумный говор, торопливая суетня выбегавших солдат из кибиток и палаток, глухой стук колес орудий, выкатываемых из укрепления, отчаянные крики верблюдов, нагружаемых разнообразным провиантом, юломейками, ротными котлами, боевыми снарядами и т. п., все это скоро сменило утреннюю тишину, придав лагерю необычайно оживленный вид, не походивший на многие прошлые дни монотонной стоянки. Это был день, так долго, так томительно ожидаемый всеми. День 26-го ноября – “общего наступления вперед”» [44, с.88].

Завершается книга штурмом Геок-Тепе и дальнейшими событиями до отъезда Скобелева. Как всегда, Щербак образно описал состояние солдат в ожидании штурма: «Лица у всех бодрые, оживленные, глаза смотрят серьезно – в ожидании чего-то торжественного. В Апишеронском батальоне сознание важности наступившей минуты как-то резче. Это тот батальон, который так несчастливо и такой дорогой ценой потерял свое знамя. Ему предоставлена честь умереть первым, находясь во главе штурмующей колонны левого фланга. Боевая традиция батальона должна в этот день обогатиться новым славным подвигом, который, быть может, создаст ему знамя. Пусть оно развеивается хоть над общей могилой, сделавшись достоянием страниц истории, но оно должно развеиваться. Так говорят блестящие глаза этих солдат. Так слышится это в сдержанных, отрывистых фразах: “Дай-то, Господи, победить, да там и умереть – по мертовому не спомянут лихом”» [44, с.163].

Конечно, автор с таким литературным даром не мог использовать сухой язык военных сводок, который предпочли «Муравцев», Гродеков, Куропаткин и Терентьев. Зато, благодаря таким, как он, лучше узнаешь действующих лиц, упомянутых генералами. К стилю Щербака близок стиль А.Н. Маслова, А.А. Майера, А.В. Верещагина.

Алексей Николаевич Маслов (1852–1923) родился в Варшаве в семье офицера. Окончив Николаевское военно-инженерное училище в 1871 г., в чине подпоручика начал службу в 1-м Кавказском саперном батальоне. С тех пор инженерно-саперная служба стала его основной военной профессией. В составе Мангышлакского отряда Н.П. Ломакина участвовал в Хивинской кампании 1873 г. Главными его занятиями были: обустройство причалов для судов, доставлявших войска с Кавказа, возведение мостов и переправ через водоемы во время движения отряда. Он часто развлекал сослуживцев песнями, за что получил прозвище «отрядного соловья». По окончании той кампании был произведен в чин поручика. Осенью 1877 г. под Эрзерумом был контужен, будучи командиром саперной роты. В следующем году стал штабс-капитаном, а еще через два года – капитаном, окончив к тому времени Николаевскую военно-инженерную академию.

В Ахалтекинской кампании его непосредственным начальником был подполковник Я.К. Рутковский, руководивший инженерными работами. Книга Маслова переиздавалась дважды – в 1882 и 1887 гг. [32; 33]. Перед выходом первой книги в трех номерах «Инженерного журнала» он напи-

сал статью «Осада крепости Денгиль-тепе (1880–1881)» [29; 30; 31], ставшей основой его будущих книг.

Второе издание было дополнено материалами о Скобелеве, о чем автор в предисловии писал: *«Первое издание явилось еще при жизни М.Д. Скобелева. В настоящее время, когда его жизнь и деяния становятся достоянием истории, я прибавляю к этим воспоминаниям о текинском походе еще значительную часть своих записок о Скобелеве, составленных по личным наблюдениям, по рассказам близких к нему лиц, и, наконец, по документам. В записки вошли сведения о происхождении Скобелева, об его детстве и воспитании, и об участии его в Хивинском и Коканском походах»* [33, с. III].

Первая глава названа «Михайловской линией», где речь идет о казахах и их преимуществах по сравнению с туркменами в качестве проводников или лаучей, о местном климате и ландшафте, флоре и фауне, о строительстве железной дороги, об июльской рекогносцировке и ноябрьском набеге Тыкма-сардара. Заканчивается глава выступлением в поход передового отряда и его стычкой с текинцами [33, с. 1–26].

Вторая глава («От Баши до Геок-тепе») рассказывает о движении к Геок-Тепе, рекогносцировках, захвате Великокняжеской позиции, жизни в осадном лагере и на опорных пунктах, текинских вылазках [33, с. 27–46].

Третья глава («Под стенами Денгиль-тепе») сообщает о приближении лагеря к крепости, об упадке в нем духа после потерь, о Скобелеве, сумевшем воодушевить солдат [33, с. 47–66].

В четвертой главе, согласно ее названию («Великокняжеская позиция»), основное внимание уделено данной «позиции», где разместился Куропаткин (ее взятием завершалась третья глава). Описаны действия людей Куропаткина – уральских казаков и прибывших к ним саперов и пехотинцев Ширванского полка, именем которого назван очередной устроенный редут. Упомянут впервые гардемарин Майер, будущий автор еще одной книги [33, с. 67–89].

Пятая глава («Последние дни осады») [33, с. 90–122] осветила события 4–11 января: последнюю вылазку текинцев, уборку трупов, рытье минной траншеи, подвиг Кунаковска, использование тяжелых мортир при обстреле крепости.

Многие авторы, рассказывая о подготовке к подрыву стены Геок-Тепе, упоминают слово «мина», ведя речь о рытье «минной траншеи» или «минной галереи». Сегодня под словом «мина» подразумевается скрытое устройство, взрывающееся при определенных условиях. Но слово «mine», пришедшее в русский язык из французского, означает просто «подкоп». Именно такое значение данного слова указано в «Толковом словаре» В.И. Даля, согласно которому, мина – *«подкоп, подземный ход под неприятельские укрепления для взрыва их»* [15, стб. 853].

Рассказывая о Кунаковске, автор дал характеристику уральским казакам его отряда: *«Уральцы – народ гордый, и только себя считают на-*

стоящими казаками. Вследствие системы найма, в рядах их войска наполовину служат старые казаки, увешанные крестами, хорошо снаряженные, и на добрых конях; понятно, что к оренбуржцам, где все – народ молодой, они относятся несколько свысока» [33, с.103].

В шестой главе («Штурм Денгиль-тепе») описаны события 12 января: создание трех штурмовых колонн и их действия во время штурма, бегство текинцев и их преследование [33, с.123–156].

Последние главы («Лагерь после победы» и «Занятие и умиротворение текинского оазиса») [33, с.156–205] посвящены последующим событиям.

В книге Маслова много деталей быта сослуживцев, их диалогов и т.п. Не зря ее автор, став профессором военной академии, позже увлекся писательской деятельностью, взяв псевдоним «Бежецкий» (видимо, потому что происходил из дворян Бежецкого уезда Тверской губернии), и даже ударился в вошедшие в моду мистику, оккультизм и спиритизм, написав ряд рассказов, включенных в сборник «Музей восковых фигур».

Александр Александрович Майер (1858–1919), сын офицера, окончив в Петербурге морской кадетский корпус в 1879 г., стал гардемарин. В разные годы в России так называли либо учащихся военно-морских заведений, либо унтер-офицеров флота. В данном случае имеется в виду второй вариант. Начав службу на Каспии, он принял участие в Ахалтекинской экспедиции в том же чине, будучи помощником командира небольшой морской батареи, участвовал в рекогносцировках, а во время штурма Геок-Тепе, находясь в колонне полковника П.А. Козелкова, получил пулевое ранение в челюсть. По окончании кампании был произведен в мичманы.

О той кампании Майер написал ряд мемуарных статей, выходивших в «Кронштадтском вестнике», которые затем вошли в его книгу [27]. По сути, это сборник из семи рассказов: «На биваке», «Переход в степи», «Укрепление Бендесен и охотники», «Правофланговая Кала», «В горах Копет-Дага», «Ночь в Эгян-Батыр-Кала» и «Осада и штурм Геок-Тепе». Все они, в зависимости от значимости содержащегося в них материала, различны по объему – от 4 страниц, которые занял первый рассказ, до 69 страниц, которые занял последний.

Автор часто использует иностранные слова и выражения (французские или немецкие, записанные с использованием оригинальной графики – «*Jusqu' au bout des ongles*», «*Dieser barbarischen Sprache*», «*Hinterhalt! Wie heist dae auf Russich?*», «*So jung und so verdorben!*» и т.п.) [27, с.83, 84, 91 и др.].

Иногда он сравнивает своих персонажей с историческими лицами или литературными героями. К примеру, текинскую женщину, отправившуюся на вылазку вместе с мужчинами и погибшую в бою, он называет текинской Жанной Д'Арк («у одной убитой в руках была длинная палка с насаженной на конце половиной ножниц; красиво разбросавшись, лежала эта текинская Жанна д'Арк с несколькими штыковыми ранами, сжимая свое импровизированное оружие в руке, с выражением ненависти на искажен-

ном лице») [27, с.74]. А одного барона и его слугу Майер назвал «ахалтекинским Дон-Кихотом» и «современным Санчо Панса» [27, с.83]. При этом о себе он всегда пишет только в третьем лице, называя себя просто «гардемарином».

Автор часто сравнивает пейзажи Туркмении с пейзажами других регионов, давая им соответствующие имена: «Босфор» (129), «Альпы» (130), «Замок Габсбургов» (131) и т.п. [27, с.129, 130, 131 и др.].

В отличие от основной массы работ, посвященных Ахалтекинской кампании, в книге Майера практически нет ни цифр, ни номеров батальонов, рот или полков. Солдат автор называет солдатами, не уточняя, к какому подразделению они принадлежат. То же касается и казаков; упоминая их, он не называет ни подразделений, ни войск, к которым они относятся.

Как истинный литератор, Майер не заикливается на одних лишь военных событиях, а обращает внимание на самые разные стороны походного или лагерного быта, например, на то, как флотский лейтенант велел связать пьяного матроса, устроившего драку, какие цены на водку и табак взвинтили маркитанты, как офицеры устроили пьянку, как они играют в карты, как поручик воспитывает нерадивого солдата и т.п. [27, с.137–141, 173, 223 и др.].

Майер, еще не став популярным писателем, уже мог в ярких красках описать обычные явления и обычные предметы. К примеру, обычный выстрел из пушки: *«Медное 4-футовое орудие изрыгает пламя, раздается гром, звон откатывающегося орудия, свист удаляющейся гранаты, и через несколько мгновений далекий гул разрыва. От выстрела сыплется земля с бруствера и некоторое время в облаке пыли ничего нельзя разобрать, что делается около орудия. Но вот облако рассеялось, и взорам наблюдателя представляется длиннейший поручик Берг с самой свирепой наружностью, но с сердцем незлобивым, как у агнца. Расставив ноги стоит он, высовываясь на полгруды из-за бруствера, и смотрит в бинокль на действие снаряда»* [27, с.49].

Или описание знакомых офицеров, которых автор обнаружил убитыми: *«Вот лежит Сандецкий с перерубленным горлом и без верхней части черепа, снесенного шашкой; открытые глаза потускнели, ничего не выражают... а недавно они еще блестели юмором, отвагой, добродушием. Вот Готто, красивый некогда брюнет, которого нельзя узнать, так как семь шашечных ран обезобразили его лицо, и только усы, чудные, длинные усы заставляют его узнать»* [27, с.74–75].

А вот как описаны муки солдата-артиллериста, захваченного в плен во время текинской вылазки: *«Приведу в пример героя в серой шинели, зурядного, плюгавенького солдата, о котором едва ли кто знает. Взятый в плен вместе с пушкой, в числе прислуги которой он находился, он подвергается самым страшным пыткам, которыми его хотят принудить открыть неизвестный текинцам способ обращения с орудием не-*

знакомой им системы. И вот ему последовательно режут все пальцы на руках и на ногах; наш серый герой крепится, призывает на помощь свою веру и молчит! Вырезают ремни из спины – тоже молчание; полуживого поджаривают – он умирает, не сказав ни слова! Фамилия этого малоизвестного мученика и героя – Никифоров, канонир 6-й батареи 19-й бригады!» [27, с.148–149].

Там, где речь идет о ходе боевых действий, основное внимание Майер уделяет не ходу боя, а эмоциям и чувствам его участников – от безрассудства до паники и страха. Вот как он видел злобу и ненависть, которую, по его мнению, должен был ощущать обычный текинец: *«Там, где еще утром стояла его кибитка, где он оставил свою молодую жену, всего одиннадцать месяцев тому назад украденную им в Асхабаде, этот перл между красавицами оазиса, подарившую ему месяц тому назад славную девочку с быстрыми глазенками, там находит он куски решеток от кибитки, полусгоревшие ковры, громадную лужу крови и разбросанные останки дорогих ему существ. И все это наделал “огненный змей”, брошенный сюда “белыми рубахами”. Он оборачивается на восток, губы его что-то шепчут, воспаленные глаза мечут молнии – он дает Аллаху обет в эту же ночь отомстить гяурам! И вот ... смертельная ненависть заставляет громко, громко стучать его сердце. Горе тебе будет, солдатик, если прозеваешь врага. Образ жены и дочери, убитых твоими, сделали текинца беспощадным, и его шайка одним ударом разрубил тебя до пояса»* [27, с.182–183].

Очень образно, на нескольких страницах, описал он свои чувства, включая мысли о скорой смерти, испытанные в день штурма Геок-Тепе, когда он, тяжело раненый, находился на грани жизни и смерти [27, с.253–254, 256–258]. Очень тонко он передал стоны и страдания других раненых и умирающих сослуживцев – графа Орлова, прапорщиков Усачёва и Каширина и прочих, чьих имен он не знал или не помнил [27, с.255–258].

Завершается книга Майера очень трогательными словами, занявшими целую страницу, посвященными сестрам милосердия, которые вернули его к жизни после тяжелого ранения. В то время как *«вино льется рекой – войска пируют! Маркитанты-армяне больше всего в барышах от победы – десятки и сотни ценных вещей, в особенности ковров, приобретено за несколько бутылок водки. Уцелевшие офицеры мечтают о наградах»*, рядом находятся *«две сестры милосердия»*, с которыми *«является успокоение для несчастных раненых»*. Вот фрагменты теплых слов Майера, адресованных им:

«Заботливая, нежная женская рука поправляет умирающему подушку, и его душа отлетает в то время, когда уста посылают благословение этому существу, облегчившему последнюю минуту расставания со страдальческой жизнью».

«Лежит раненый. С ангельской осторожностью и заботливостью сестра подымает ему голову, и струя прохладной освежающей воды с

вином льется ему в горло. Дрожащим голосом, еле слышимым, говорит он: "Спасибо, сестрица". Холодящая рука едва приметно пожимает руку сестрице, и для нее, для этой чистой души, полной бескорыстия, эта благодарность стоит всякой другой».

«Вам, лучшие самоотверженнейшие из русских женщин, обязан я жизнью, обязан больше чем жизнью – облегчением мучительных, нечеловеческих страданий, и вам посвящаю последние строки моих воспоминаний, переполненных сценами кровавой борьбы, среди которой вы явились воплощенной идеей самопожертвования на пользу страждущих людей» [27, с.260–261].

Советский историк Л.Г. Левтеева назвала книгу Майера «одним из интересных источников второй ахалтекинской экспедиции» благодаря ее «непритязательности и простоте в изложении» [25, с.32].

Александр Васильевич Верещагин (1850–1909) родился в семье череповецкого предводителя дворянства Василия Васильевича Верещагина. Александр доводился братом известному художнику-баталисту. Все пятеро его братьев в свое время получили военное образование, но при этом, кроме него, в армии надолго никто не задержался, если не считать одного из них (Сергея), погибшего в Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. Вскоре после окончания Николаевского кавалерийского училища, он тоже вышел в отставку, но добровольно вернулся в строй с началом Русско-турецкой войны, продолжив службу в качестве офицера Терского казачьего войска. Поправившись после полученного ранения, принял участие в Ахалтекинской кампании, через год после которой вновь вышел в отставку, и вновь, спустя еще 12 лет, вернулся в армию.

Он, как и Майер, описал свое участие в Ахалтекинской экспедиции через серию отдельных рассказов. Но если у Майера это – обычные очерки, то у Верещагина это – именно рассказы, коим присущи все характерные черты произведений художественной литературы, хотя и основанные на реальных событиях. Причем, Ахалтекинской кампании автор уделил только часть своей книги, к тому же не самую большую. В книге Верещагина собраны различные истории из жизни ее автора, как связанные с его военной службой, так и не имеющие к ней никакого отношения [7].

Книга состоит из двух частей, причем, военной тематике посвящена ее первая часть, которая в свою очередь имеет два раздела – «За Дунаем» (о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.) и «В Ахал-теке». В общей сложности оба раздела содержат девятнадцать рассказов, десять из которых относятся к первому разделу и девять – ко второму.

Во вторую часть книги включены такие рассказы, как «Каникулы», «Деревенский праздник», «Стерлядка», «Тросточка», «Из записок оценщика», «В гостях у князя Кунгурова», «Нефтяное отопление», «Мое знакомство с литераторами» и другие (всего 15), названия которых наглядно свидетельствуют, что с военной тематикой они никак не связаны.

Первый рассказ об Ахалтекинской кампании носит название «Воны умёрлы» [7, с.83–88], что в переводе с кубанского «суржика» означает «они умерли». В данном рассказе кубанский сотник Бабиш поведал одну из историй своих подопечных, чью цитату Верещагин разместил в заглавии рассказа. В рассказе «Прогулка» [7, с.88–92] Верещагин поведал, как Скобелев приказал офицерам, ехавшим с ним через кукурузное поле, рубить кукурузу, и как неудачно был выполнен приказ генерала: один отрубил своей лошади ухо, другой – оба, третий поранил себе колено. Все это вызвало у Скобелева смех, и он, обращаясь к одному из офицеров, шутя запретил ему по возвращении в лагерь менять свою «корноухую» лошадь. Юмористическим кажется и рассказ «Казначей» [7, с.92–96], посвященный тому, как даже сам Скобелев никак не мог разбудить казначея Пушкарёва. Рассказ о том, как его автору и сотнику Бабишу было приказано впервые побыть в роли адвокатов в судебном процессе над текинцами, обвиненными в шпионаже, Верещагин назвал «Защитники» [7, с.96–99]. Но выступить в качестве «защитников» ни сотнику, ни войсковому старшине не удалось из-за бегства обвиняемых. В этом рассказе автор решил посмеяться над из рук вон плохо организованным судебным процессом.

Рассказы Верещагина об Ахалтекинской кампании – это не только смешные моменты, запечатленные автором. В них описываются и серьезные события, о чем свидетельствуют названия рассказов: «Рекогносцировка Геок-тепе», «Штурм Геок-тепе» или «После штурма».

Но и эти рассказы Верещагина часто сопровождаются, если не юмором, то ироничными и саркастичными строками. Вот как описан взрыв фрагмента стены Геок-Тепе, который автор рассказа наблюдал лично: *«Взорам нашим представляется громадный темный столб дыма и огня, перемешанный с песком. Столб этот взвивается все выше и выше, причем, почти на самой вершине его я отчетливо вижу человеческую фигуру в сидячем положении, как бы намеревающуюся улететь за облака. Картина эта удивительно напомнила мне лубочное изображение – поднятие Еноха живым на небо»* [7, с.135]. Трагичному, по сути, фрагменту гибели людей (пусть и врагов) автор смог придать шутливый тон.

С иронией он описал и преследование противника, бегущего из крепости вместе со своими семьями: *«Позади драгун и казаков, остается такая же черная узкая полоса людей, но уже не живых, а мертвых. Только женщин да детей щадят. Первые, желая спасти своих мужей, пытаются прикрывать их своими юбками. Но и это не помогает. Гяуры догадались: срывают юбки – и безжалостная шапка отделяет голову притаившегося от трепещущего туловища»* [7, с.137].

Без особого трагизма Верещагин описал ужасное зрелище, которое представляла собой поверженная текинская крепость, где на каждом шагу валялись не только окровавленные трупы врагов, но и отрубленные части их тел, уже издающие сильный смрад. Причем, все это наблюдалось не только на улицах, но и внутри юрт. По данным Верещагина, после взятия

Геок-Тепе Скобелев временно назначил его комендантом половины крепости, хотя, по данным Гродекова, комендантом был назначен полковник Арцишевский, а Верещагин – его заместителем [13, с.2]. Видимо, Гродеков что-то спутал; Верещагину не было смысла обманывать читателей в таком не принципиальном вопросе. В любом смысле, ему досталась ответственная должность, и он приказал своим подчиненным выбрать ему приличную юрту, в которой бы не было трупов. Найти таковую удалось с большим трудом, и, расположившись в ней, уставший Верещагин быстро уснул, но потом проснулся от запаха крови, коей был пропитан ковер [7, с.138–140].

Столь мрачных описаний более нет ни у кого из авторов – участников штурма. Как и описаний разграбления крепости, разрешение на которое дал Скобелев, правда, ограничив его тремя днями. Но и через три дня Верещагину не удавалось прекратить мародерства «вошедших во вкус» солдат и казаков. Разрешение Скобелева автор счел правильным, ибо, по его мнению, генерал знает, как проводить *«умиротворение здешнего края»* [6, с.143].

Верещагин явно не испытывал жалости к врагу, в том числе, к врагу уже поверженному. Описывая атаку вражеской конницы, он назвал атакующих текинцев *«скопищем кровожадных зверей в образе человеческого»* [7, с.109]. И все же позицию автора можно понять, если знать, что текинцы регулярно демонстрировали примеры настоящих зверств, проявлявшихся, например, в издевательствах над пленными или в истязаниях раненых.

Константин Константинович Гейнс (1831 – после 1905) был сыном гречанки и остзейского немца, генерала Константина Карловича Гейнса. В 1857–1864 гг. участвовал в Кавказской войне, пройдя за это время путь от подпоручика до штабс-капитана. Дальнейшую службу проходил в артиллерии. Участвовал в Ахалтекинской кампании 1880–1881 гг., будучи в чине полковника. После гибели начальника артиллерии правофланговых траншей, князя Д.О. Мамацева (Мамацашвили), убитого в ходе вылазки текинцев, выполнял его функции. Продолжил службу в артиллерии, закончив ее в чине генерал-майора. Автор ряда работ о военных событиях, в которых сам принимал участие: о Кавказской (1817–1864 гг.) и Русско-турецкой (1877–1878 гг.) войнах, об Ахалтекинской кампании 1880–1881 гг. [8]. Последняя из указанных работ сначала вышла в виде одноименной большой статьи, публиковавшейся в 1882 г. в шести номерах «Военного сборника» (№№6, 7, 8, 9, 10, 11), затем – в виде небольшой брошюры.

Эта брошюра включает в себя восемь небольших глав, в каждой из которых отражен определенный этап той кампании.

В первой главе рассказывается о событиях конца ноября – середины декабря, а именно – от сбора войск в Егян-Батыр-кале (Самурском укреплении) до рекогносцировки Янги-калы 18 декабря. При этом в самом начале главы автор поместил описание особенностей Ахалтекинского оазиса.

Вторая глава повествует о событиях нескольких дней – с 20 по 23 декабря (от штурма Янги-калы до гибели генерала Петрусевича и начала осадных (траншейных) работ).

События еще нескольких дней (24–27 декабря) описаны в третьей главе. В основном речь в ней идет о ходе осадных работ.

Четвертая глава начинается с трагических событий, коими завершилась для русских ночная текинская вылазка в ночь с 27 на 28 декабря. Далее – о мерах, принятых после того события и последующих столкновений. Глава заканчивается наступлением нового 1881 года.

В пятой главе сообщается о непосредственной подготовке к штурму, о производстве необходимых для взрыва стены замеров. Отмечена и последняя вылазка текинцев, закончившаяся неудачно для них.

С рытья траншеи начинается шестая глава, и завершается оно ночью с 11 на 12 число, прошедшей в ожидании штурма, который по определенным причинам был перенесен с 10 на 12 января. Также в главе показаны планы и действия по размещению войск и артиллерии в преддверии штурма.

Ход штурма описан в седьмой главе. Особое внимание уделено действиям полковника Гайдарова. Описание событий штурма, как и у всех прочих авторов, начинается со взрыва стены и заканчивается захватом холма Денгиль-Тепе.

В восьмой главе рассказывается о преследовании бегущего противника, покинувшего крепость, и о последующих событиях 12–13 января – захвате трофеев и торговле ими, о понесенных потерях, о параде победителей, на котором их поздравил начальник отряда генерал-адъютант М.Д. Скобелев, а также немного о самом Скобелеве.

Все авторы упоминают текинские калы, даже не поясняя – что это такое. Некоторые просто указывают, что это небольшие укрепления. Но только Гейнс подробно описал их внешний и внутренний вид (*«род редутов, огороженных тонкими стенами, достигающими до трех, а иногда и более аршин высоты и сложенных из глины, о которую в этом виде плющатся свинцовые пули, а для флангового обстреливания фасов пристроены круглые башни к углам либо диагонально противоположным, либо ко всем четырем. Внутри каждой калы находится редюит. Рвы вокруг укреплений встречались не всегда; зубцы же на стенах, которыми в нашей иллюстрации постоянно украшаются фантастические укрепления текинцев, не существуют ни на одном укреплении»*) [8, с.2].

Также Гейнс привел много интересных фрагментов деятельности Майера, о которых даже он сам не рассказывал. В частности, о том, что Скобелев *«гардемарину Майеру, вызвавшемуся охотником, приказал в эту же ночь, подкравшись к стене, заложить динамитный патрон, и взрывом увеличить осыпь»*. Но когда сделать это под покровом темноты не удалось, *«гардемарин с досадою должен был отказаться оттого, чего желал сам, и чего ждали в траншеях»* [8, с.61].

«Что же касается для землекопных и других работ, которые и составляли самую энергическую часть нашей деятельности, то они были копиями той же хлопотни, которая кипела и в прошлые дни только в Охотничьей кале, в том углу, который занимали саперные офицеры; или занятия, знаменующие финал осады: перебирались открытые шкатулки, чистились медные пластинки, и снова собирались в вольтовы столбы – готовились приборы для взрывов» [8, с.63].

Описан и другой случай. Когда в ходе мощного артобстрела удалось повредить часть стены Геок-Тепе, текинцы попытались ее «исправить», и тогда команда охотников, которую возглавили *«поручик железнодорожного батальона Остолопов и гардемарин Майер, взявшись взрывами усилить осыпь исправленной текинцами стены и ... скоро спустились в ров, начали подкапываться под осыпь, заложили и зажгли патроны. Раздалось два негромких взрыва и “ура”, радостно загремевшее в ответ на удачу» [7, с.67].*

Рассказывая о замерах, Гейнс, как и большинство авторов, упоминает сотника Кунаковскова, правда, сообщает только об одной такой акции, а не о двух, как некоторые: *«В эту ночь решено было начать минную галерею, отметили оставалось узнать расстояние от крепости и измерить ров; вызвали для этого охотников; сотник Уральского казачьего войска Кунаковский и унтер-офицер Туркестанского линейного батальона Константинов взялись исполнить желаемое и вышли из редута» [7, с.52].*

Гейнс лично наблюдал и то, как был ранен Майер (*«упал шедший впереди колонны подполковник граф Орлов-Денисов, пораженный двумя пулями, вблизи виднелся с лицом, залитым кровью, гардемарин Майер, бежавший впереди с охотниками» [7, с.72].*

Покинувших крепость бегущих текинцев русские жестоко истребляли поголовно, но такие действия Гейнс счел абсолютно правильными: *«Особенно настойчивое преследование разбитого неприятеля считается вообще необходимостью, а при покорении азиатских племен, в особенности текинцев, имевших в 1879 году успех над нашими войсками, по мнению большинства, необходимо было такое поражение, чтобы ужас, наведенный на них, с корнем вырвал из их памяти прошлогоднюю удачу при столкновении с нами» [7, с.77].* Как и право поживиться за счет захваченных трофеев: *«Дозволение, данное войскам, забирать все оставленное текинцами» привело к тому, что «наши стали вытаскивать оттуда все, что попадалось под руку, и в скором времени обширная внутренность крепости запестрела горами хлопка, не отделенного еще от плода, ненужною оборванною одеждою, шубами, кошками, одеялами всех цветов, и другою разнородною рухлядью; лужи крови и трупы словно исчезли среди этих разноцветных ворохов» [7, с.79].*

Поначалу текинские женщины думали, что русские истребят вместе с мужчинами и их с их детьми, как это в те годы было принято у них и их

соседей, однако *«скоро поняли они, что им не угрожает смерть, и что насилие над женщинами у нас считается преступлением»* [7, с.79–80].

В отличие от нижних чинов, офицеры не занимались грабежами, поэтому они *«были единственными покупателями»* захваченного солдатами, а потому *«не было солдата, который бы в час не выручал около двадцати пяти рублей»*. При этом в качестве товара выступали *«ковры, серебряные убранства для лошадей и к женским костюмам, парадные мужские и женские халаты, шелковые материи туземного производства, ковровые попоны, чепраки, седла и т.п.»* [8, с.80].

Как известно, на пути русского отряда, двигавшегося к Геок-Тепе вплоть до Янги-калы, попадались безлюдные аулы, брошенные жителями, пожелавшими укрыться в Геок-Тепе. Такую тактику Гейнс не считал умной. *«Не входя в рассуждение всей нелепости плана текинцев – запереться в большую коробку Денгли-тепе и, сидя в ней, дать нам генеральное сражение, рискуя, в случае, если победа останется на стороне осаждающего, нанести смертельный удар всему населению, нельзя не сказать несколько слов о выбранной текинцами позиции»*, – писал он [8, с.8].

Хотя текст брошюры Гейнса написан не таким образно-литературным языком, как у Майера или Верещагина, подобные их стилю фрагменты иногда можно встретить и у Гейнса. Например, вот одно из описаний ахалтекинских пейзажей: *«Горы, благодаря общему свойству их менять свой вид в зависимости от изменения освещения и температуры, и здесь своею декоративностью значительно изменяют безотрадный вид песков: красив бывает Копетдаг, когда безлесные скаты его, изрезаны бесчисленным количеством промоин, яркими и темными змееобразными полосами, пестро разрисовываются по серо-бурому глинистому фону; еще красивее, когда, при закате солнца, он одевается в фиолетовую и голубую мглу, когда сквозь редкий туман и в лунную ночь красуются слабые силуэты его вершин, когда зимними снегами окаймляется только его хребет и гряда гор белой извилистой чертой ярко отделяется от темно-голубого неба иди, выглядывает из густых спустившихся облаков»* [8, с.1–2].

Александр Лазаревич Гуляев (1845–1906) начинает свой рассказ с того, что его 2-й Уральский казачий полк был дислоцирован в Самарканде. Это начало его книги [14]. Трем сотням этого полка в начале мая 1880 г. было приказано во главе с подполковником¹ Гуляевым выступать в Петро-Александровск для усиления гарнизона. Рассказ Гуляева о пути

¹ Тогда чин подполковника был следующим после чина войскового старшины в казачьих частях, и следующим после майора – в частях «регулярных». В 1884 г. в регулярной армии был упразднен чин майора, а в казачьих войсках – чин подполковника. Капитаны становились подполковниками, минуя майорский чин, а чин войскового старшины сохранился, но стал приравниваться к армейскому подполковнику.

следования похож на рассказ «Муравцева», хотя и не так подробен. Зато у Гуляева много интересных фрагментов, отсутствующих у других авторов.

Например, встреча с бухарцами, посланными эмиром для помощи русским [14, с.6–9]. Адьютант эмира («удайчи») передал, что правитель *«выслал их проводить русский отряд и оказать всякое содействие, что они высоко уважают русских и что они, приближенные эмира, счастливы, что выпал на них приятный жребий – быть при русском отряде»* [14, с.7]. На привале русских ждало «обильное угощение». *«Бухарцы в походе помогали нам весьма усердно»*, – писал Гуляев [14, с.8].

Еще более интересен рассказ о прибытии в Петро-Александровск. По словам Гуляева, там его люди *«встретили массу наших ссыльных казаков, у которых в рядах дивизиона было немало родственников»*. Не ожидая команд, две женщины *«чуть не стащили с седла одного молодого казака»* [14, с.12]. Как оказалось, это был их сын и племянник, которого они не надеялись когда-либо увидеть. *«Петро-Александровские жители ждали нас с нетерпением... Расспросам о дороге не было конца»*, – вспоминал Гуляев [14, с.12–13]. Встрече с земляками он уделил 7 страниц [14, с.12–18].

Ссылные были уральскими казаками, не принявшими новое положение об устройстве Уральского войска (1874 г.), вводившееся в рамках военной реформы. На родине их звали «уходцами». Первые три года жизни на чужбине были тяжкими; к ним относились как к бунтовщикам, но потом, благодаря Н.Г. Черняеву, знавшему уральцев по службе, отношение изменилось в лучшую сторону. Большую статью им посвятил «Сандр» [35] (А.В. Тавасштерна). Он отмечал, что к тому времени их быт налажился настолько, что уходец *«и на Дарье чувствует себя как на родине»* [35, с.29], что они *«могут называться первым русским купечеством в этой азиатской окраине»* [35, с.30]. Основным их занятием, как и прежде, стало рыболовство (*«облюбовали родной им рыбный промысел»*), а их наемными работниками становились даже «туземцы» [35, с.29]. Но, по словам самих уходцев, жизнь их была не столь отрадной. Их пытались заставить заниматься земледелием, хотя земля там для этого была малопригодна, а большинство их и на родине этим не занимались. Во-вторых, в Амударье и Арале рыбы не так много, как на Урале и Каспии. К тому же есть проблемы с ее хранением [14, с.18]. И все же Гуляев признал, что земляки *«ловили рыбу и занимались торговлей арбузами и другими овощами, покупая их оптом у сартов и продавая с барышом в розницу»* [14, с.16–17].

Гуляев показал состав Петро-Александровского гарнизона, но половина его тогда сопровождала научную экспедицию генерала Глуховского [14, с.13–14, 19]. В гарнизонном лагере (7 верст от Петро-Александровска) расположился дивизион, а поселок уходцев был в 12 верстах от него [14, с.14–15]. Так что Сандр был прав, указав, что «Уральский поселок» лежит в 19 верстах от Петро-Александровска [35, с.26].

Дивизион Гуляева 8 июля в полном составе отправился в Уральский поселок. *«День был праздничный, и все население встретило нас очень*

радушно: когда дивизион на площади поселка спешился, и людям дано вольно, то поселяне разобрали к себе по домам всех казаков», – вспоминал Гуляев [14, с.15].

Полюбился уходцам и врач Владимир Лосев, прикомандированный к дивизиону Гуляева. Им не хотелось верить, что он не уральский казак [14, с.17].

Сандр отмечал, что поначалу уходцы скрывали свои фамилии, и даже не селились в отведенных им домах, что не позволяло оренбургскому есаулу Старикову, кому был поручен надзор, *«не только проверить переселенцев по спискам, но даже сделать им предварительный подсчет»* [35, с.26]. К 1880 г. это было уже в прошлом; урядник-оренбуржец, начальник поселка, сказал, что его подопечные уже не скрывают имен, за исключением восьми человек [14, с.15]. И все же отголоски недавних лет сохранились. Урядник сказал, что данные о браках и о рождении детей уходцы по-прежнему скрывают, лишь *«насчет покойничков все верно записано, потому они (поселяне) народ богобоязненный и, Боже упаси, не поставит крест на могиле»*. И в заключение добавил: *«Да что делать... Народ упрямый»* [14, с.15–16].

Вскоре одна сотня Гуляева отбыла в Нукус для замены его гарнизона, а другая сменила оренбургскую для охраны ученой экспедиции. Вместо трех казачьих сотен у Гуляева остались две – уральская и оренбургская [14, с.19].

В октябре стали поступать сведения об активизации текинских набегов, в связи с чем поступил приказ срочно сформировать отряд из трех пехотных рот, сводного (уральско-оренбургского) казачьего дивизиона при орудиях и ракетных станках с их прислугой. Отряду присвоили название «Туркестанский действующий», а его начальником назначили полковника Куропаткина, который вскоре должен был прибыть. Отряд выступил 9 ноября. Поначалу в нем было лишь 2 роты пехоты (третья присоединилась позже), зато при нем были музыканты [14, с.20–22].

Особенностью книги, как следует из ее названия, стало повышенное внимание автора, потомственного уральского казака, к своим землякам из его дивизиона. Он поименно назвал погибших и раненых, отличившихся и представленных к наградам, уделив особое внимание их словам и действиям.

И тут надо вернуться к сотнику Кунаковскому, чей подвиг был описан и другими авторами. Его смелые действия Гуляев упоминал не раз: конная разведка, благодаря которой удалось избежать «дружественного огня», смелая конная атака [14, с.29, 38].

Под покровом темноты сотник разведал расстояние до крепости, глубину и ширину рва для рытья подземной траншеи, закладки пороха и производства взрыва стены.

Подвиг этот отметили многие авторы, но присутствуют расхождения. Согласно Гуляеву, Кунаковский трижды ходил к стенам крепости, делая

измерения, за что Гуляеву было поручено подготовить наградный лист для представления сотника к ордену Св. Георгия. Гуляев утверждал, что помощниками были унтер-офицер Константинов и уральский казак Тетиков [14, с.56–57].

Гродеков оценил действия сотника скромнее. После его гибели генерал отметил, что, если б тот выжил, имел бы право на «Георгия» (*«Кунаковский, заслуживший 5 января право на Георгиевский крест [12, с.285]»*), но, согласно Гуляеву, представление было свершившимся фактом. Кроме того, Гродеков сообщил, что замеры не были окончательными; то же повторил капитан Гетшель с помощниками, так как Скобелев требовал перепроверки [12, с.270–272]. Также Гродеков уточнил, что сотник делал замеры дважды: сначала с унтер-офицером, потом с казаком, но Гуляев, упомянув помощников, не уточнил, кто из них и когда был с сотником. Также Гродеков пишет: *«На случай необходимости выручить Кунаковского Куропаткин приготовил команду в 25 человек, готовую броситься вперед»*, что *«отборные стрелки из Ширванского редута на каждый выстрел текинцев отвечали несколькими»* [12, с.259].

Куропаткин полагал, что Кунаковский делал замеры только один раз, и сразу с тремя помощниками: *«Кунаковский, с тремя нижними чинами, измерил благополучно расстояние до рва крепости»* [24, с.187]. «Муравцев» тоже пишет, что Кунаковский совершал замеры *«с тремя спутниками»*, при этом не упоминает о двух выходах. По его утверждению, *«Кунаковский, заслуживший перед тем право на Георгиевский крест измерением рва, и храбрейшие казаки – Тетеков, Жигулин и Соболев пали героями»* [23, с.292]. То есть сотник не был представлен к ордену, а только заслужил право на него. Кстати, Соболев, был не убит, а смертельно ранен и умер чуть позже.

Гуляев подробно описал гибель земляка, заметив, что тот был ранен в ногу, но продолжил сражаться, пока не получил две пули в грудь, одна из которых стала смертельной [14, с.64, 66, №48 в «Комментариях»].

Самым подробным стал рассказ Маслова. Лишь у него можно найти описание самого Кунаковского, тогда как до сих пор никаких подробностей о нем (даже имени и отчества) установить не удалось. Поскольку Маслов и Рутковский руководили взрывными работами, они не могли не быть знакомы с Кунаковским. Вот какое описание оставил Маслов: *«Это был молодой человек среднего роста, плотный, с окладистой бородой, всегда веселый, и почти всегда слегка подшофе»*. Далее: *«Как природный уралец, он имел тот оттенок казачьего офицера, который приходится встречать по станицам»*. В отличие от многих командиров оренбургских и кубанских казаков, сотник был истым, природным уральским казаком, сросшимся со своей общиной, а потому любил по-свойски общаться с подопечными, *«толкую о рыбной ловле, об охоте, или рассказывая сказки о разбойниках и атаманах»* [32, с.102]. Маслов пишет, что уральский сотник, узнав, что точность *«плана, снятого топографом»* бы-

ла не точной, *«взялся измерить расстояние до рва, и, получив на это согласие Куропаткина, прополз туда вечером с двумя казаками»*. К счастью, ров был пуст, но *«на обратном пути его заметили, и сделали по нем несколько выстрелов»*. На вопрос: *«С кем Вы ходили?»*, он ответил: *«С моими же уральцами»*. На вопрос об оренбуржцах он пояснил, что те не пошли, *«потому что они какие-то никудашники»* [32, с.102–103]. Маслов заступился за оренбургских казаков, пояснив, что они тоже молодцы, просто их не приглашали, сославшись на амбиции уральцев [32, с.103].

Таким образом, установить все подробности действий сотника уральца уже не представляется возможным. Сколько раз он делал замеры? Один, два или три? Сколько с ним было человек? Кем они были? Бегом или ползком они добирались до рва? Огонь по ним велся постоянно или лишь на обратном пути? Он сразу же был представлен к награде, или это было только в планах? Авторы придерживаются разных мнений, но никаких более точных данных нет. Очевидно одно: замеры сотник сделал, и помощники у него были. И тут интересен один момент. *«Кунаковский, между тем, так разохотился ходить к текинцам, что целый вечер приставал к Куропаткину с просьбою, чтобы тот ему разрешил перелезть через стену и осмотреть внутренность укрепления, на что, впрочем, согласия не получил»*, – пишет Маслов, пояснив, что, вернувшись в редут, сотник на радостях выпил [32, с.103]. Так ли это было – неизвестно. Возможно, из-за этого его желания кто-то решил, что замеры производились дважды? Но у Маслова не было причин для обмана; он мог что-то забыть или перепутать, он, скорее всего, верно показал психологический портрет сотника. Можно уверенно сказать, что молодой казак-офицер был весельчак-балагур и был не прочь выпить. Трезвый или не очень, он всегда был готов на безрассудные и смелые поступки. Несмотря на то, что ему и его полусотне во время штурма было приказано находиться в резерве, он не смог удержаться, и с обвалом стены после взрыва устремился в атаку, но почти сразу же был убит.

Как отмечено выше, всех своих земляков, убитых, раненых и умерших от ран, Гуляев назвал поименно: казаки Лоскутов, Джалдыбаков, Кулагин, Горшков, Темнов, Домашнев, Чуданов, Коновалов, Сармин, Щапов, Тетиков, Жагулин, Соболев, Повольнов, Калинин, Курилин, Краснов, приказный Агафонов, урядник Жерехов, вахмистр Макаров, фельдшер-казак Калентьев [14, с.43, 51, 55, 56, 58, 61, 68–69, 70].

Трогательно звучат слова Гуляева о посещении смертельно раненых казаков – Джалдыбакова, Сармина и Соболева. Никто не впадал в отчаяние, все смирились со своей судьбой, но держались с достоинством. Джалдыбаков сказал, что в его роду все уклонялись от службы (видимо, нанимая вместо себя «охотников»), но он сполна выплатил их долг (смертельная рана была не первым его ранением). Соболев *«сиял от удовольствия»*, глядя на выданный ему крест. По поводу своей трагедии он философски заметил, что *«кому-то нужно быть и убитым»*. И добавил: *«Зато*

вон мы какую крепость взяли». Сармин сожалел лишь о том, что «мало послужил царю» [14, с.71].

Завершая повествование о взятии Геок-Тепе, Гуляев приводит слова, произнесенные Куропаткиным в адрес его земляков: *«Зная вашу храбрость и потери до штурма, я желал поберечь вас и потому назначил вас при штурме в резерв. Но вы угодили в опасность по своей охоте. Еще раз спасибо за храбрость, братцы-уральцы»* [14, с.69]. Похвалил их и Скобелев [14, с.70]. И «Муравцев» отметил: *«Казаки подполковника Гуляева, как и всегда, тоже действовали молодцами. В особенности можно было любоваться уральцами по присущей им способности к одиночному бою, сметливости и лихости»* [23, с.297].

Петр Петрович Калитин (1853–1927) был младшим братом Павла Калитина, подполковника, погибшего на Балканах в 1877 г. Ранее старший брат проходил службу в Средней Азии. В 1871 г. Павел командовал одной из рот 1-го Туркестанского стрелкового батальона, куда в качестве «вольноопределяющегося» зачислили и его младшего брата, исключенного из Нижегородского кадетского корпуса за нарушение дисциплины. Вместе со своим старшим братом он участвовал в Хивинской кампании 1873 г., а в следующем году был произведен в прапорщики. В 1875–1876 гг. он участвовал в подавлении Кокандского восстания, после чего был произведен в подпоручики, а в 1878 г. – в поручики. В этом же чине он принял участие в Ахалтекинской кампании, во время которой получил контузию, а после ее завершения ему был присвоен чин штабс-капитана. До 1899 г. его дальнейшая служба проходила в Средней Азии, после чего он служил на Кавказе, в Сибири, на Дальнем Востоке. Сегодня останки генерал-лейтенанта Калитина покоятся на известном кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Поручик 1-го Туркестанского стрелкового батальона Петр Калитин, как и Гуляев, во время Ахалтекинской кампании состоял в Туркестанском отряде Куропаткина. Спустя почти десятилетие по завершении этой кампании он посвятил ей большую статью в «Русском вестнике» [18].

До того, как соединиться с «кавказцами», Калитин, на всем пути своего отряда много общался с Гуляевым, а потому много узнал у него об уральских казаках, их истории и традициях. Кроме того, он оставил интересные описания своего собеседника, его поведения и привычек [18, с.95–96]. Заслужили внимание Калитина и другие уральские казаки, например, урядник Чеботарёв и приказной Лукин [18, с.90–94, 105].

Благодаря Гуляеву, Калитин проникся симпатией к землякам подполковника, наделил их в своей статье лестными характеристиками, часто сравнивая уральскую сотню с оренбургской, отдавая первенство уральской по всем показателям. Он отмечал, что оренбуржцы – это сплошь молодые ребята, многие из которых пока еще «не нюхали порошу», тогда как уральцы – сплошь добровольцы, уже имеющие богатый боевой опыт, в основной массе – участники недавней войны с Османской империей, в большинстве

своем – обладатели Георгиевских крестов. Кроме того, если у оренбуржцев все казенное, то у уральцев все свое, включая лошадей [18, с.91].

Калитин заметил, что у уральских казаков еда всегда вкуснее, чем у других участников похода, во время трапезы у них всегда можно обнаружить что-то, чего нет у других. Среди бочек с водой, выданных уральцам перед сложным пустынным переходом, еще до его начала могут оказаться пустые, поскольку в них *«вода ушла через верхнее дно бочки»*. Ну а *«бутылки с водкою, отданные на сохранение сынам Урала, всегда оказываются пролитыми или разбитыми»* [18, с.105–107]. Но, несмотря на все это, и понимая, что уральские казаки – главные пройдохи в отряде, начальство прощало подобные выходки, так как ценил их за прочие достоинства. *«Начальство в походе особенно любит иметь при себе уральцев»*, – пишет Калитин. И поясняет – почему: потому что они *«развитые, умные и смысленные от природы»*. Более того, *«уральцы в течение веков, живя бок о бок с номадами, ведя с ними непрерывную войну, и производя малые и большие степные набеги, усвоили себе их привычки и сноровки, и сделались незаменимыми в степных походах»*. Оренбуржцев же Калитин назвал *«противоположностью уральцам»*, ибо *«опытности и сноровки уральцев у них нет»*, да и вообще, в отличие от уральцев, потомков *«вольного люда, когда-то заброшенного на Урал»*, оренбуржцы, в массе своей – *«крестьяне-пахари, переименованные в казаки»* [18, с.105].

Калитин заметил, что уральцам хорошо известны все их собственные достоинства, а потому они *«считают себя умнее и выше всех на свете; в словах уральца, когда он говорит с вами, всегда проскальзывает некоторая ирония и сарказм, приправленные их природным юмором»* [18, с.104–105].

У Калитина можно найти художественные описания природы, совсем не характерные для военных рапортов и донесений. Пример: *«Когда мы выходили из Ташкента, в воздухе еще чувствовалась прохладная свежесть и аромат цветущих садов. Все степи были покрыты яркою молодою зеленью. И издали казались сплошным, роскошным ковром, усеянным множеством разнообразных цветов»* [18, с.79].

Николай Николаевич Сполатбог (1847–1888), участник Ахалтекинской кампании, посвятил ей небольшую, но ценную брошюру, вышедшую спустя три года после той кампании [36].

Повествование начинается с неудачной кампании 1879 г. Если другие авторы, упоминавшие ее, сообщают лишь о движении русских войск и о ходе боевых действий, то Сполатбог отметил ряд важных деталей, которых у них нет. Например, что укрепления вокруг холма Денгиль-Тепе до 1879 г. не существовало. Что позже оно было названо Геок-Тепе вместо одноименного укрепления, расположенного неподалеку, ставшего старым Геок-Тепе. Дело в том, что старая крепость, во-первых, была небольшой, и, во-вторых, в случае осады, от нее можно было отвести воду, а близ холма имелись полноводные колодцы [36, с.2].

Кроме того, рассказы многих авторов о том, что холм Денгиль-Тепе текинцы считали священным, не соответствуют действительности. Это более позднее явление. Как и когда он возник, текинцы не знали, а если кто-то что-то и знал, то только персидское племя «гемерали», жившее там до текинцев [36, с.2].

Также Сполатбог сообщил, что для того, чтобы оттянуть время для сооружения в короткий срок мощной крепости и стягивания туда защитников из разных частей оазиса, было решено направить к русским делегацию Сафи-хана и Тыкма-сардара. [36, с.1]. Вернулись в крепость они после ухода русских, при которых находились, что дало повод заподозрить их в измене [36, с.4], а согласно текинским порядкам, если текинец будет уличен в предательстве, его надо убить, родственников изгнать из племени, а их имущество разграбить [36, с.8]. Чтобы оправдаться, Тыкма-сардар обещал показать, как храбро он будет драться с русскими, нападая на их гарнизоны и «транспорты», чем и занялся в ближайшее время [36, с.7].

В 1879 г., с приходом русских, строительство нового Геок-Тепе не было завершено, отдельные его места были плохо защищены [36, с.2]. Также текинцы не успели оборудовать подземные укрытия для защиты от обстрелов, поэтому в первый день осады от ударов артиллерии погибло много людей, особенно женщин и детей. Был смертельно ранен и Берды-Мурад-хан, после которого оборону возглавил Ораз-Махмед-хан [36, с.3]. После ухода русских в 1879 г. новая крепость была окончательно достроена [36, с.3–4].

Сполатбог повсеместно приводит перечисление имен представителей текинской знати, сведения об их деятельности и внешности, в некоторых случаях представлены даже их краткие биографии, чего нет ни у кого из других авторов. Вот, например, его строки об одном из текинцев: *«Нур-Верды-хан из племени Векиль, родился в Мигине в собачьем году, сын богатого человека Доулет-бая. Еще молодым человеком он приобрел уважение народа, как умный, храбрый, справедливый и хлебосольный человек»*. Далее следует рассказ о его внешних достоинствах: *«Хан был красив собою, высокого роста, очень сильный, с черной большой бородой»*. Затем – рассказ о его женах, аламанах (набегах) и т.п. Все это заняло почти две страницы [36, с.13–14]. Далее Сполатбог продолжил рассказ о прочих представителях знати, хотя и не так подробно (Это: Абдул-Эссен-хан, Берды-Мурад-хан, Хайдар-кули-хан, Ходжа-Гельды-хан, Махмед-Эмин-хан, Кара-Оглан-Он-Беги-хан, Джаян-Дурды-сардар, Оваз-Дурды-сардар, Карача-сардар, Ак-Мамед-сардар, Саалих-сардар, Эвас-Саалих-сардар и др.) [36, с.14–17].

Рассказывая о подготовке к войне с русскими в 1879 г., Сполатбог перечислил имена участников прошедшего в Асхабаде совета (Нур-Верды-хан, Берды-Мурад-хан, Ораз-Махмед-хан, Курбан-Мурад-ишан и др.) [36, с.1].

В апреле 1880 г. умер Нур-Верды-хан, преемником стал его сын Махтум-кули [36, с.4, 5].

Сполатбог перечислил поименно всех ханов и сардаров, которым была поручена защита стен и которых посылали на вылазки и в конные разведки. При этом, описывая вылазки в конце декабря 1880 г., Сполатбог называет не только имена предводителей (Коджар-Топас-хан, Ох-Верды, Куль-батыр-сардар и др.), но и отличившихся в ходе вылазок. Так, он указал, что знамя Апшеронского полка захватил кипчак Бенгеч [36, с.10], первое русское орудие с несколькими снарядами захватил Мурад-батыр, а за первенство в захвате второго орудия оспаривали Мехмед-Деели и Пулат-Сяки Ашхабадский [36, с.12]. Во время осады огнем артиллерии, наряду с прочими, в крепости был убит Хаджи-Керим-Берды-ишан, почитавшийся как «святой человек» [36, с.11].

Интересно описание Сполатбогом отношений текинцев с персами. С одной стороны, текинцы питали к персам неприязнь. И не только за то, что те были иноверцы (шииты), но и из-за прошлых нашествий на их оазис правителя Хорасана Мирзы-Гейдара, которого они ненавидели. Персов, захваченных в плен, текинцы продавали в Хиве, но, после взятия ее русскими, их держали у себя, причем, в ужасных условиях (колодки, кандалы, связывание по рукам и ногам), а также нередко отдавали в качестве калыма [36, с.21, 23].

После столкновений с русскими, текинцы, не желая иметь лишних врагов, в июле 1880 г. отправили делегацию в Хорасан с обещанием больше не нападать на соседей. Шах поддержал заключенный в Мешхеде договор, о чем уведомил в своем письме [36, с.8–9]. После договора текинцы стали закупать в Персии порох и свинец [36, с.9, 11], а Аббас-хан, курд, персидский подданный и английский агент, прислал письмо Махтум-кули-хану, в котором обещал, что скоро англичане придут на помощь и доставят много нового оружия. Кроме того, он передал в подарок хану (в делегации его не было) револьвер и бинокль [36, с.5, 9]. Помощь Англии также обещал и О'Донован, приезжавший к текинцам [36, с.9]. Все эти подробности можно найти только у Сполатбога.

Кроме того, если другие авторы только единожды указывают число обитателей и защитников Геок-Тепе, то Сполатбог показал, как это количество выросло за период с июня по декабрь 1880 г.: с 25000 защитников из 18000 семейств до 40000 защитников из 25000 семейств за счет новоприбывших [36, с.6, 10].

Все авторы писали о малой доле текинцев, вооруженных огнестрельным оружием, тем более современным, коего было совсем немного. Сполатбог же считает, что ружей старого образца у противника было около 20000 единиц, а берданок (трофейных или купленных) – от 1000 до 1200 [36, с.11], то есть, не так мало, если число защитников он сам определил в 40000. При этом захват берданки в бою (в отличие от ее покупки) давал текинцу право именоваться батыром [36, с.12].

В то время как другие авторы утверждали, что артиллерия, обстреливая внутреннюю часть крепости, наносила огромный урон ее мирному населению, Сполатбог имеет иную точку зрения. Подземные укрытия и крытые траншеи поначалу хорошо защищали текинцев от русской артиллерии, пока обстрел не начали вести мортиры, пробивавшие подземные убежища, и не была захвачена высокая Великокняжеская кала, откуда можно было прицельно обстреливать все, что находилось внутри крепости [36, с.12].

Сполатбог описал текинскую традицию отрубать головы мертвым врагам и выставлять их напоказ, цепляя на шестах как свидетельства своей «храбрости», чему должны были завидовать другие. Такие шесты красовались на стенах крепости около ее защитников, каждому из которых было строго отведено свое место [36, с.12]. Описывая морально-психологические качества текинцев, Сполатбог отметил, что вообще-то у них *«хвастовство слишком развито»* [36, с.22].

Последние восемь страниц книги (треть всего содержания) заняли два отдельных пункта: «Общественное устройство и маслахат» [36, с.17–19] и «Обычаи текинцев» [36, с.19–25]. В первом речь идет о полномочиях хана, о составе и функциях маслахата (ханского совещательного органа), о роли и правах духовенства и аульных старост («яшули»), порядке земле-владения и землепользования, торговле и ремесле. Во втором отмечается наличие патриархата, многоженства, права на убийство неверной жены, права жены на развод при определенных условиях, кровной мести, особенности наследования имущества, права на убийство вора и казни за воровство у соплеменников. Описаны особенности местных свадеб. Кроме обычаев, в том же пункте описаны нравы текинцев [36, с.23] и их представления о России; они знают, что это самая большая страна, но при этом уверены, что русские – это «развращенный и безбожный народ», у которых семьи – формальность, ибо их жены и мужья не считают супружескую неверность чем-то зазорным [36, с.24].

Интересен также рассказ об офицере-предателе Нурове, мусульманине, бежавшем к текинцам, у которых, вероятно, стал любовником одной из жен хана Берды-Мурада, по заказу которого был убит по дороге в Мерв своим спутником Иланчи-Курбаном, сообщившим, что тот якобы куда-то сбежал [36, с.23–24]. У других авторов рассказов об офицерах-изменниках нет.

Автор статьи «Воспоминания об экспедиции в Ахал-теке 1879–1881 гг.», публиковавшийся в ряде номеров журнала «Разведчик» [1; 2; 3; 4], представившийся **«Азотовым»**, как и «Муравцев», предпочел использовать псевдоним вместо своего настоящего имени. Однако выяснить, кто же это был, не так сложно, так как в своей статье он не раз упомянул полковника Алексея Никитича Попова, командира 3-го батальона Апшеронского полка, назвав его своим отцом. Был упомянут и его младший брат Владимир – прапорщик того же полка. Имя свое автор назвал настоящее – **Георгий**. Следовательно, имя автора статьи – **Георгий Алексеевич Попов**.

Рассказ свой он начал с описания основанного на восточном берегу Каспия русского укрепления Дуз-Олум и его гарнизона, где началась его служба в Закаспийском крае, куда он прибыл с Кавказа. Начальником там был престарелый майор Л.Н. Крыжановский, внешность которого автор описал не как его подчиненный, а как настоящий литератор: *«Всегда открытые глаза и постоянная улыбка на губах изобличали его простодушие и прямоту; густые, вьющиеся седые волосы на голове, густая окладистая борода, прямой стан, рост выше среднего и плотное сложение говорили за то, что во времена молодости майор был недурен собой. Поддулял только ... нос, который был широкий, точно сплюснутый, и оканчивался как бы наконечником. Принял такую, нельзя сказать, чтобы некрасивую, но выдающуюся форму, нос Льва Николаевича, как рассказывал он сам, после падения и сильного ушиба в дни юности»* [1, с.971].

Не меньший интерес вызывает описание «Азотовым» друга его отца, князя К.И. Магалова, командира 4-го батальона Апшеронского полка: *«Всегда раздушенный, гладко выбритый, в безукоризненно белом кителе, и всегда в перчатках. В противоположность размашистой, твердой походке Льва Николаевича, князь семенял, точно петушок, своими ножками, которым, кстати сказать, позавидовала бы иная женщина, до того они были малы. Ведя регулярный образ жизни, князь очень хорошо сохранился, и, глядя на него, нельзя никогда было ему дать его пятидесяти лет. Требовательный по службе, в частной жизни он был до чрезвычайности добрейший человек»* [2, с.997].

Поначалу в гарнизоне не знали, куда и когда им предстоит выступать в поход; ситуация прояснилась с прибытием туда «Белого генерала» Скобелева. Лагерная жизнь утомила солдат, и известие о скором походе вызвало у них радостные чувства (*«весть о скором движении вперед, как искра пробежала по гарнизону, вызывая на загорелых лицах солдат улыбки удовольствия»*) [1, с.973–974].

С чувством доброго юмора «Азотов» описал диалоги солдат о текинцах, с которыми им пока еще не приходилось сталкиваться. *«Уж, почитай, целый год слышим о них, а до сих пор и в глаза не видали»*, – говорит один. *«Успеем, брат, насмотреться на их богомерзкой хари. Видал, небось, в Чикишляре туркменов – один черт. Такие же черномазые да длиннополые халатники»*, – вторит ему другой [1, с.974].

С таким же юмором «Азотов» приводит диалоги офицеров, в основном – молодых людей, зачастую общавшихся, используя прозвища: «Копопатый» (Чикарёв), «Носатый» (Попов, брат «Азотова») и т.п. [2, с.997–998].

Смешным кажется и обед в кибитке отца «Азотова», собравшего многих своих офицеров. Текинские пули порой долетали до кибитки, пробивая ее, но уже теряли убойную силу и попросту падали, залетая даже в тарелки гостей. Одна из пуль попала в лоб стоявшему у кибитки конюху

Юсупову, застряв в коже, но не повредив черепа. Тот сперва испугался, но затем засмеялся, назвав пулю *«текинским поцелуем»* [3, с.1020].

Несмотря на шутливый тон статьи «Азотова», в ней немало трагических моментов. От ран, полученных во время рекогносцировки, скончался брат автора, Владимир Попов [2, с.998]. Во время отчаянной вылазки текинцев погиб и его сослуживец Чикарёв («Конопатый»), и командир батальона князь Константин Иванович Магалов [1, с.998]. В ходе штурма Геок-Тепе получили серьезные ранения отец и сын Поповы – Алексей и Георгий («Азотов»), но, к счастью, обоим удалось выжить [4, с.1044]. Поправив здоровье, в марте они оба, вместе со своими сослуживцами, отбыли морем в Темир-хан-Шуру, где располагался штаб их Апшеронского полка [4, с.1045].

Еще ряд работ либо вообще не имеют авторов, либо вместо авторов были указаны даже не псевдонимы, а только буквы (вероятно, инициалы). В данном случае речь идет об авторе, представившемся как «В.Н.Г.», имя которого установить не удалось. Скорее всего, он тоже был участником тех кампаний, по крайней мере, второй из них. Его статья вышла в двух номерах «Военного сборника» [5; 6] спустя примерно полгода после выхода статьи Черняка о кампании 1879 г., и примерно за полтора года до выхода статьи того же Черняка о кампании 1880–1881 гг. В первом из упомянутых номеров автор рассказал о текинцах, их занятиях и образе жизни, включая набеги на соседей, их укладе и социальной структуре [5, с.205–206]. Далее он обосновывает необходимость военной кампании той опасностью, которую они представляют для России [5, с.207–208]. Затем следует рассказ о подготовке к кампании 1879 г. и ее неудачном завершении. Рассказывая о выдвижении колонн, он называет их командиров, которые в следующей кампании уже не приняли участия. Кроме Н.П. Ломакина, это Н.С. Долгоруков, Ю.А. Борх [5, с.214–215] и другие.

Несмотря на храбрость, лихость и прочие достоинства текинцев, автор считает, что у них нет постоянной армии, а есть лишь *«временная организация, созданная только на период войны и бедная внутренней связью»*, которая, по завершении боевых действий, *«разбредается в разные стороны»* [5, с.217].

В русском отряде автор по части боевого мастерства и мужества отдал предпочтение иррегулярным сотням горцев. *«Составленные из людей зрелых лет, взятых, по собственной охоте, из населения, некогда упорно сражавшегося с русскими, и не утратившего еще боевых преданий, сотни эти превосходили текинцев в отваге, как в пешем, так и в конном бою; исправно вооруженные, искусно владевшие холодным оружием, полные воинственных инстинктов, дагестанцы на скаку стреляли в отступающих текинцев, а при встрече с противником, засевшим в канавах и за стенками, быстро спешивались и бросались в шашки»*, – пишет автор [5, с.217].

В отличие от Сполатбога, В.Н.Г. утверждает, что оружие текинцев не выдерживало критики. Артиллерии не было, ружья были лишь у немногих, да и те кремниевые, старого образца. Основная масса была вооружена лишь саблями, хотя и неплохого качества, острыми и тяжелыми. У некоторых не было и сабель, отчего они были вынуждены обходиться топорами, пиками (зачастую это были просто палки с приделанными к ним половинками ножниц для стрижки овец) и даже просто дубинами [5, с.221]. Как и многие другие русские авторы, В.Н.Г., несмотря на то, что текинцы были врагами, высоко оценил их мужество, проявленное в боях с ними (*«они обладали мужеством, выработанным веками, и презрением к смерти, внушенном отчасти верой в предопределение, отчасти постоянными войнами»*) [5, с.221–222].

Автор пришел к выводу, что для осады и штурма Геок-Тепе сил было слишком мало и что занятый отрядом фронт вокруг крепости требовал гораздо большей численности войск [5, с.223]. Он справедливо утверждает, что артиллерийский обстрел, хотя и не наносил стенам серьезных повреждений, но причинил большой урон всем тем, кто находился за стенами, если учесть тот факт, что скученность населения там была огромной. Это позже подтвердил Сполатбог, отметив, что во время первой кампании текинцы еще не успели вырыть подземных укрытий. По словам автора, с внутренней стороны крепости непрерывно слышались крики, поскольку летящие туда снаряды *«вырывали из сплошной человеческой толпы целые ряды, оставляя за собой потоки крови и вопли ужаса»*. К тому же не была достроена и стена, в восточной части которой имелся проход [5, с.224].

В ответ на начавшийся штурм текинцы предприняли смелую вылазку. Босые, с одними саблями, они обратили в бегство многих русских, нанеся им значительный урон и заставив отойти. Штурм захлебнулся. В русском отряде из строя выбыла четверть его состава, в том числе треть выбывших составили убитые и две трети – раненые. Кроме того, противник захватил не менее двух с половиной сотен современных винтовок, хотя и без достаточного количества патронов [5, с.224–226]. Русские были вынуждены снять осаду и отступить. Тому причиной стали не только большие потери, но и то, что запас продовольствия уже заканчивался; для его пополнения следовало взять текинскую крепость, однако после провального штурма вера в это иссякла.

Так бесславно завершилась первая Ахалтекинская кампания, после которой, по словам В.Н.Г., воинственность текинцев *«поднялась до необычайной степени»*, а *«дерзости текинцев не было пределов»* [5, с.229–230].

В статье о второй Ахалтекинской кампании В.Н.Г. отметил, что ее целью был *«окончательный удар вековой независимости полудикого племени»* [6, с.399]. При этом в статье этого автора нет ничего принципиально нового, чего бы не было у других авторов – приезд Скобелева, состав отряда, его выдвижение, рекогносцировки, взятие Янги-калы, осада Геок-

Тепе и осадные работы, подготовка подземного взрыва под руководством подполковника Рутковского (которого автор ошибочно назвал полковником), вылазки текинцев, наконец – штурм и взятие крепости. Автор показал, как менялись во время осады настроения текинцев; если после ночной вылазки 28 декабря они ободрились и уверовали в победу, то после двух неудачных вылазок в начале января в их рядах началось смятение: *«Энергия стала падать: убеждение, что Аллах спасет своих верных сынов от посрамления, стало колебаться: тщетно предводители звали гарнизон на вылазки, тщетно муллы, обещая вечное блаженство, воодушевляли защитников – последние бранью отвечали на все убеждения»* [6, с.416].

Интересен и другой момент. У Скобелева была мысль назначить штурм на 13 января, но он остановился на 12-м, вспомнив про недавнюю войну с турками, во время которой на 13 число выпали два неудачных события – это сражения у села Зивин (13.06.1877) и при Кизил-Тепе (13.08.1877) [6, с.418–419].

В отличие от Верещагина, автор не пожелал бросить тень на имидж Скобелева, позволившего своим подопечным заняться грабежом, аккуратно отметив, что Белый генерал *«приказал не воспрещать солдатам пользоваться оставленным имуществом»*, включая драгоценности, оправдывая это тем, что это были вещи, *«награбленные в течение веков, и по наследству переходившие из поколения в поколение»* [6, с.423].

В конце статьи автор, подводя итог, задается вопросами: *«Какие же причины способствовали столь блестящему успеху трудной экспедиции?»* и *«Кому должен быть он приписан?»* – и тут же дает ответ: *«Прежде всего – высоким качествам русских войск»* и, конечно же, их *«любимому начальнику»*, *«его даровитости, энергии и отваге»* [6, с.424]. Далее на нескольких страницах идет перечисление всех заслуг и достоинств начальника отряда: грамотное решение хозяйственных вопросов, правильное распределение войск в тылу и на передовой, *«личное участие во всех рекогносцировках»*, грамотное применение артиллерии, *«искусное избрание пункта атаки»*, *«умение сочетать действия всех трех родов»* (войск), *«благоразумный отказ»* от *«форм боевого порядка и от способа действий, совершенно уместных на европейских театрах»*, *«личный пример»* во всем и т.д. [6, с.424–426].

Очередная анонимная статья была размещена также в пяти номерах еженедельного журнала «Всемирная иллюстрация» [45; 46; 47; 48; 49]. Поначалу там приводились краткие сведения, поступающие непосредственно из лагеря Скобелева. В №618 кратко обосновывается необходимость военной кампании. Затем, в №627, речь идет о штурме текинской твердыни, но описание боевых действий там практически отсутствует; приводится лишь количество потерь после тех или иных столкновений с указанием дат. При этом сначала упоминаются убитые и раненые офицеры с указанием их чинов, фамилий и титулов (если таковые имелись). Далее указывалось количество потерь среди нижних чинов, естественно, без их фами-

лий. Также упоминаются офицеры, которых Скобелев представил к наградам. Такие сведения напоминают краткие боевые сводки, поступающие с театра военных действий синхронно с описанными событиями. К примеру, номер от 17 января 1881 г. содержит информацию о январских событиях под Геок-Тепе и завершается телеграммой Скобелева от 13 января о взятии данной крепости, то есть информация поступала буквально «по горячим следам». Более подробные описания штурма Геок-Тепе приведены в следующем, 628-м, номере журнала. Все эти статьи выходили под названием «Экспедиция против туркмен Ахал-теке», но в №627 статья названа «Из экспедиции против туркмен Ахал-теке» (видимо, это просто ошибка, допущенная из-за невнимательности редакции). В следующем номере, кроме «Экспедиции против туркмен Ахал-теке», присутствует статья «Известия из Средней Азии», также содержащая информацию о той экспедиции. В №642 от 25 апреля 1881 г. отмечено, что предыдущие статьи об Ахалтекинской экспедиции представляли собой *«краткие сведения, которые в настоящее время имеем возможность пополнить»* благодаря рассказам очевидцев и недавно опубликованным документам. Правда, никого из очевидцев упомянуто так и не было. В конце того же (642) номера следовала надпись, что это ее окончание. Однако в №648 снова появилась статья с тем же названием, в которой по поводу предыдущей статьи отмечалось, что *«мы в настоящее время делаем в дополнение еще несколько рисунков, относящихся к ней, и потому считаем необходимым представить к ним надлежащее объяснение»*. Однако, несмотря на прежнее название, статья содержала лишь дополнительные сведения о местности, в которой разворачивались события: описание Кизил-Арвата, названного *«одним из маленьких русских постов»*, Янги-калы, названной *«одним из передовых фортв Геок-тепе»*, и холма Денгиль-Тепе. И все же первые номера данной статьи – это самые ранние публикации о событиях второго Ахалтекинского похода. Как следует из названия журнала, он хорошо иллюстрирован. Статьи об Ахалтекинской экспедиции изобилуют рисунками Н.Н. Каразина: «На крепостной стене», «Вожди текинцев», «Мулла-проповедник», «Стычка с текинцами охотников Терсаканского отряда под командою подпоручика апшеронского пехотного полка Воропанова с 12-го на 13-е августа», «Рекогносцировка местности перед кишлаком Янги-кала 18-го декабря 1880 года. Чтение диспозиции боя», «“Ихняя взяла”». Ночная вылазка текинцев 28-го декабря 1880 года против траншей апшеронцев», «“Наша взяла”». Ночная вылазка текинцев 4-го января 1881 года, удачно отбитая ставропольцами», «Штурм Денгиль-тепе (Геок-тепе) 12-го января», «Перемирие 1-го января для уборки тел», «Смерть генерала Петрусовича», «Холм Денгли-тепе после занятия его русскими войсками», «Гелиографическая станция в Янги-кала». Еще несколько рисунков сделали А. Бауман и А. Бальдингер.

Среди анонимных работ надо также указать **небольшую брошюру**, изданную редакцией журнала «Чтение для солдат» [34], в которой доволь-

но подробно, но при этом по существу, без какой-либо излишней информации, описана вторая Ахалтекинская военная кампания – от причин, толкнувших военное руководство страны к движению в Ахалтекинский оазис, до заботы об осиротевших текинских детях и наград участникам кампании. Завершается повествование словами: *«Последнее противодействие нашей власти в Средней Азии сломлено; последнее наше завоевание в ней окончено, и текинская земля теперь носит название “Закаспийской области”»* [34, с.64].

Не указан автор и в статье «Геок-тепе» из «Энциклопедии военных и морских дел» [9]. Географическим, этнографическим и другим особенностям в статье отведено лишь несколько строк. При этом отмечено, что Геок-Тепе – это не просто крепость или населенный пункт, а *«несколько поселений по берегам ручья Секиз-яба, в оазисе Ахал-теке»* [9, с.440]. Большую часть текста занимает военная тематика, связанная с кампаниями 1879 и 1880–1881 гг. Также значительную часть статьи занимает информация о верблюдах, являющихся незаменимым транспортным средством в регионе.

Константин Михайлович Фёдоров (1866–1947) не был ни военным, ни участником Ахалтекинской кампании, во время которой он был еще подростком. Он более известен как литератор и журналист. К истории Ахалтекинской кампании он обратился не случайно; уроженец Подмоскovie, в 1894–1912 гг. он жил в Асхабаде, где издавал газету «Закаспийское обозрение». Его небольшая брошюра, хотя и носит название «Ахалтекинская экспедиция 1880–81 гг. Геок-тепинский бой» [38], но данным событиям посвящена лишь треть и без того небольшой книги [38, с.3–14].

Она начинается с предисловия, в котором ее автор отметил, что день взятия Геок-Тепе (12 января) пришелся на Татьянин день (по старому стилю), и это символично: день святой покровительницы образования и просвещения стал началом к превращению *«пустынной, бесплодной, песчаной местности»* в *«цветущий, полный жизнерадостной деятельности край»* благодаря *«насаждению просвещения и русской гражданственности»* [38, с.І–ІІ]. Там же автор сформулировал и цель публикации брошюры (*«ознакомить все войска Туркестанского военного округа, а также и части войск Кавказского военного округа, принимавшие участие в Ахалтекинской экспедиции 1880–1881 гг., с краткой историей этой экспедиции»*) [38, с.ІІ]. Для этого он использовал книги Куропаткина, Гродекова, Маслова. Книгу Гуляева он не упомянул, но, видимо, использовал и ее, так как точь-в-точь передал слова Гуляева о встрече со смертельно ранеными казаками [38, с.15–16].

В качестве введения автор кратко рассказал о вреде, который текинцы причиняли русским в Средней Азии после взятия Хивы и Бухары, о причине неудач Ломакина и о необходимости очередной кампании, которая не может быть провальной, иначе *«выражение нашей слабости в глазах Европы и Азии»* [38, с.3] обойдется России очень дорого.

В основной части Фёдоров, используя указанные выше книги, очень кратко пересказал историю Ахалтекинской кампании, начиная с прибытия в край Скобелева и заканчивая взятием Геок-Тепе. Дальнейший рассказ начинается с подсчета потерь и заканчивается теплыми словами Скобелева в адрес «туркестанцев», возвращавшихся к месту прежней службы [38, с.19–20].

Еще примерно треть брошюры [38, с.20–30] Фёдоров решил посвятить Скобелеву, его биографии и военной службе, так как, по мнению автора, *«из военных никто не пользуется такою известностью среди русского народа, как он — “белый генерал”. Это любимейший народный герой»* [38, с.20]. На самых последних страницах автор поместил рассказ о музее на станции Геок-Тепе, где находятся фотографии офицеров-участников штурма, портреты георгиевских кавалеров, картины Рубо и Сверчкова (на них — штурм Геок-Тепе и портрет Скобелева на коне), оружие времен того штурма, карты, которыми пользовался Скобелев, и т.д. Фёдоров сожалеет, что музей открыт не в Асхабаде (Ашхабаде), а в Геок-Тепе, так как на тот момент это просто станция, где поезд стоит недолго, а потому найдется мало желающих посетить музей (*«поезда на этой станции, во всяком случае, не будут стоять более 20 минут, а в это короткое время решительно нет никакой возможности сколько-нибудь внимательно осмотреть музей»*) [38, с.32].

Символично, что мемориальный комплекс, посвященный тем событиям, в Ашхабаде все же был открыт. Только это произошло уже в современной Туркмении и в честь других героев — не тех, кто штурмовал крепость Геок-Тепе, а тех, кто ее защищал.

Фёдор Михайлович Достоевский хорошо известен не только в России. Но далеко не все знакомы с его статьями, которые он публиковал в издаваемом им же ежемесячном журнале «Дневник писателя», где он делился впечатлениями и размышлениями на различные социально-политические, в том числе внешнеполитические и прочие темы. В январском номере за 1881 г. его «Дневника» он опубликовал свои соображения, касающиеся восточной политики России, к которым его подтолкнуло только что пришедшее в столицу известие о взятии русскими войсками крепости Геок-Тепе. Сразу же после этого Достоевский разместил в своем журнале статью с названием «Геок-тепе. Что такое для нас Азия?» [16].

Впрочем, ничего, касающегося первой части названия (описания Геок-Тепе и защитников крепости, ее взятия или подготовки к военной кампании), в статье нет. Просто статья начинается со слов о взятии текинской твердыни отрядом генерала М.Д. Скобелева. *«Геок-тепе взят, текинцы разбиты, и, хотя еще вполне не усмирены, наша победа несомненна»*, — констатирует Достоевский. И добавляет: *«С победой Скобелева пронесется гул по всей Азии, до самых отдаленных пределов ее: “Вот, дескать, еще один свирепый и гордый правоверный народ Белому Царю поклонился”»* [16, с.25].

Автор упомянул и неудачный поход генерала Н.П. Ломакина, отметив, что еще совсем недавно тема завоевания Средней Азии была мало интересна российской общественности. Более того, многие вообще были против военных действий в данном регионе, считая это пустой тратой казенных денег («к нашей наступательной политике в Азии в последнее время многие стали было относиться неприязненно») [16, с.25]. Но, благодаря Скобелеву, после взятия Геок-Тепе в обществе и прессе воспрянул дух патриотизма и прославления русского оружия. Далее на всем протяжении своей статьи Фёдор Михайлович дискутирует с теми, кто полагал, что ни Геок-Тепе, ни Азия в целом, нам мало интересны, ибо мы – Европа.

Сегодня многие россияне, особенно либерально настроенные, были бы удивлены, услышав высокие фразы в адрес царя от автора той статьи, которого они вряд ли считали монархистом. Впрочем, эти слова были адресованы не какому-то конкретному царю, но царю как главе империи, прирастающей новыми азиатскими землями и народами. *«Пусть в этих миллионах народов ... растет убеждение в непобедимости Белого Царя и в несокрушимости меча его... У этих народов могут быть свои ханы и эмиры, ...но имя Белого Царя должно стоять превыше... Белый Царь есть царь и калифу. Вот такое убеждение надо чтоб утвердилось! И оно утверждается и нарастает ежегодно, и оно нам необходимо»*, – пишет Достоевский [16, с.25–26].

Далее он рассуждает точь-в-точь как истинный славянофил – о русском преклонении перед Европой значительной части русской интеллигенции и даже представителей власти не только в его время, но и на протяжении почти двух предшествующих столетий. *«Надо прогнать лакейскую боязнь, что нас назовут в Европе азиатскими варварами»*, – уверен он. И эта «лакейская боязнь» – не что иное, как *«ошибочный стыд наш»* и *«ошибочный наш взгляд на себя единственно, как только на европейцев»*, за которые приходится платить *«утратой духовной самостоятельности нашей»* [16, с.26]. И, конечно же, *«русский – не только европеец, но и азиат»* [16, с.26].

Он справедливо полагает, что Европа не понимает Россию, не разделяет и не понимает ее высоких идей: *«Идею мы несем вовсе не ту, чем они, в человечество – вот причина!»* [16, с.28]. Поэтому европейцы не считают русских своими, и вряд ли такая ситуация изменится в обозримом будущем. *«Они признали нас чуждыми своей цивилизации»*, – считает Достоевский [16, с.27–28]. Даже турки или иудеи, по его мнению, европейцам ближе, ибо более понятны им: *«Турки, семиты, им ближе по духу, чем мы»* [16, с.28].

К тому же Европа всегда платила России черной неблагодарностью за все добро, что когда-либо ей делала Россия. Например, освободила Европу от Наполеона: *«Выгнав от себя Наполеона, мы не помирились с ним, как советовали и желали тогда некоторые немного прозорливые русские люди, а двинулись всей стеной осчастливить Европу»* [16, с.26]. Достоевский

считал ошибкой Заграничный поход 1813–1814 гг. Он считал, что если б Наполеон ушел из России и вернул контроль над Европой, то Россия сосредоточилась бы на Азии, забыв про Европу. И тогда контроль над недавно присоединенными регионами был бы установлен намного раньше, и новые регионы империи мало чем отличались бы от старых: *«За условие, что мы не будем ему мешать в Европе, он отдал бы нам Восток, и теперешний восточный вопрос наш – гроза и беда нашего текущего и нашего будущего – был бы уже теперь давно разрешен»* [16, с.27]. И не пришлось бы вести «большую игру» с Англией, ибо та никогда бы не стала нам конкурентом, примирились мы тогда с Наполеоном. А не помнящие добра народы Европы *«стали смотреть на нас с самым ярким недоброжелательством и с злейшими подозрениями. На конгрессах они тотчас против нас соединились вместе сплошной стеной»* [16, с.27]. И теперь *«в Европе, всякий там образ и язык держит у себя за пазухой давно уже припасенный на нас камень, и ждет только первого столкновения»* [16, с.27].

Многие сегодня также были бы удивлены, обнаружив в данной статье Достоевского строки, которые могли бы показаться проявлениями у автора великодержавных, империалистических настроений. Однако сегодня не так просто понять душу тогдашних патриотов России, видевших свою страну светочем цивилизации, которую та несет «диким» и «полудиким» племенам, что вовсе не означает их унижение. Напротив, приобщившись к русской культуре, они шагнут вперед в своем развитии, и даже будут благодарны за это России. Об этом можно прочесть в следующей статье Достоевского, помещенной в том же номере «Дневника писателя» под названием «Вопросы и ответы» [17]. В ней автор продолжил тему России, Европы и Азии, начатую в предыдущей статье: *«В Европе мы были приживальщики и рабы, а в Азию явимся господами. В Европе мы были татарами, а в Азии и мы европейцы. Миссия, миссия наша цивилизаторская в Азии подкупит наш дух и увлечет нас туда, только бы началось движение»* [17, с.29]. Далее Достоевский уверяет, что наша «цивилизаторская миссия» в Азии *«возвысит наш дух, она придаст нам достоинства и самосознания, а этого сплошь у нас теперь нет или очень мало»* [17, с.30].

Читатель с либеральными взглядами сочтет взгляды Достоевского не иначе как империалистическими, прочтя строки, в которых тот с сожалением пишет, что в руководстве страны *«не найдется, может быть, ни единого политического ума, который бы признавал за здравое, что Константинополь должен быть наш»* [17, с.31].

И в завершении статьи Достоевский закономерно возвращается к Геок-Тепе, генералу Скобелеву и его отряду, в чей адрес звучат пафосные слова: *«Да здравствует победа у Геок-тепе! Да здравствует Скобелев и его солдатики, и вечная память “выбывшим из списков” богатырям!»* [17, с.32].

Николай Александрович Лейкин (1841–1906) родился в столичной купеческой семье. Будучи человеком веселым, и при этом журналистом и

писателем, в столице он приобрел имидж «газетного увеселителя». Свою статью «Ахалтекинская экспедиция» он разместил в сборнике «Наши забавники. Юмористические рассказы» [26]. Может показаться странным, что рассказ с таким названием оказался в подобном издании. Что может быть смешного в военной кампании, сопряженной с гибелью людей? Но Лейкин смеется не над событиями в Ахалтекинском оазисе, а о том, как после прочтения газетной статьи о взятии Геок-Тепе, ее обсуждают собравшиеся в табачной лавке собеседники – продавец и два покупателя. Их наивная беседа и стала для автора объектом иронии.

Дискуссия велась на разные темы: состоится ли показ народу пленного «главного мурзы»; где и в каких условиях его разместят и т.п. Но главной темой стал вопрос: чем считать происходящие у Геок-Тепе события – «войной» или «усмирением»? Так, по мнению отставного солдата, с азиатами могут быть только усмирения, а не войны [26, с.268]. И все же спорщики согласились, что с турками была война, так как у них есть своя «державка», а с теми, «кто в степи шляется», может быть только «усмирение» [26, с.269]. Ахал-текинцев спорщики называют «нахал-микинцами» и подводят итог, что «дикого человека» нельзя «оставить без усмирения», иначе тот «таких вертунов наделает» [26, с.268]. К тому же «микинцы» настолько дики, что даже найти их очень трудно. Поэтому один генерал их долго искал, но так и не нашел их следов. И тогда поиском занялся опытный генерал Скобелев, который, найдя «дикарей», стал гонять их по степям [26, с.268–269]. Видимо, первый генерал – это Н.П. Ломакин, который так и не смог «усмирить микинцев». Что-то такое собеседники ранее слышали. Мусульман, которых тогда официально называли «магометанами», спорщики называют «мухоеданами». Спорщики согласились, что правительству всегда нужно кого-то «усмирять»; еще недавно умирляли Кавказ, теперь умирляют «нахал-микинцев». Кто же будет следующим, после «микинцев»? Конечно, «в степи» снова найдут кого-нибудь для усмирения [26, с.269].

При перевозке грузов в Азии используют не лошадей, а верблюдов, но не потому, что они более приспособлены к подобным перемещениям, а потому что так *«завсегда при усмирении положено»* [26, с.269].

При обсуждении видов оружия собеседники выяснили, что торпеды не только бывают морскими, но и сухопутными (видимо, имелись в виду ракеты) [26, с.269–270].

Была затронута и тема расовой принадлежности «микинцев». На вопрос *«Белой ли масти народ?»* собеседник дал оригинальный ответ: *«Пестрые ... потому они от черной бабы и белого мужчины. Ну и выходят иные полосами, иные крапинками»* [26, с.270–271].

Оригинальным было и объяснение причины «усмирения микинцев» (*«китайцы нам по трусости на них указали»*), хотя умирять русские сначала собрались китайцев, но передумали (*«китаец нам человек нужный, потому он чай поставляет, так зачем его тревожить?»*) [26, с.271].

Вот свидетелем какой дискуссии стал Лейкин, пожелавший непременно сделать ее достоянием читателей юмористического издания. А между тем, эту ситуацию можно считать типичной. Примерно так же на происходившие в Средней Азии события смотрели простые люди, коих было абсолютное большинство, над простотой и наивностью которых смеялось образованное меньшинство, к коему принадлежал Лейкин.

Таким образом, труды, написанные дореволюционными авторами об экспедиции в Ахалтекинский оазис в 1880 – начале 1881 г., завершившейся штурмом и взятием Геок-Тепе (Денгиль-Тепе), и, прежде всего, участниками той экспедиции, позволяют взглянуть на те события глазами их авторов – офицеров из числа пехотинцев и драгунов, казаков и артиллеристов, саперов и моряков, да и просто военных врачей. Все они стремились показать объективную картину, ничего не приукрашивая и не выполняя ничьего политического заказа. Их труды помогают воссоздать более объективную картину тех событий, чем советская историография, а порой и современная, особенно в ряде постсоветских республик. Статьи гражданских лиц, не участвовавших в той военной кампании, помогают понять, что думали о тех событиях люди, какими они видели перспективы происходящего, какие оценки давали своей армии и ее военачальникам. Профессиональные военные, не участвовавшие в той экспедиции, но знающие военное дело не понаслышке, опираясь на труды ее участников, представляли ее эпизодом, занявшим достойное место в их трудах, посвященных присоединению к Российской империи Средней Азии. Работы, выдержанные в строгих тонах военных отчетов, дополнены работами, похожими на рассказы из художественной литературы, позволяющими взглянуть на лагерный и походный быт военных, объяснить читателям суть происходящего, показать и передать чаяния, чувства и эмоции сослуживцев.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Азотов Г.* Воспоминания об экспедиции в Ахал-Теке 1879–1881 гг. // Разведчик. Журнал военный и литературный. 1893. №164. С.971–974.
2. *Азотов Г.* Воспоминания об экспедиции в Ахал-Теке 1879–1881 гг. // Разведчик. Журнал военный и литературный. 1893. №165. С.996–999.
3. *Азотов Г.* Воспоминания об экспедиции в Ахал-Теке 1879–1881 гг. // Разведчик. Журнал военный и литературный. 1893. №166. С.1018–1021.
4. *Азотов Г.* Воспоминания об экспедиции в Ахал-Теке 1879–1881 гг. // Разведчик. Журнал военный и литературный. 1893. №167. С.1044–1045.
5. В.Н.Г. Очерк экспедиций в Ахал-Теке. 1879 и 1880 гг. // Военный сборник. 1888. №5. С.204–230.
6. В.Н.Г. Очерк экспедиций в Ахал-Теке. 1879 и 1880 гг. // Военный сборник. 1888. №6. С.396–426.
7. *Верещагин А.В.* Новые рассказы (1855–1895). СПб.: Тип. Э.Арнольда, 1900. 226 с.

8. *Гейнс К.К.* Очерк боевой жизни Ахалтекинского отряда. 1880–1881. Тип. Департамента уделов, 1882. 84 с.
9. *Геок-Тепе* // Энциклопедия военных и морских дел / под главною редакцией генерал-лейтенанта Леера, заслуженного профессора Николаевской Академии Генерального штаба. Т. II. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1885. С. 440–450.
10. *Гродеков Н.И.* Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881. Т. 1. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1883. 440 с.
11. *Гродеков Н.И.* Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881. Т. 2. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1883. 395 с.
12. *Гродеков Н.И.* Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881. Т. 3. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1883. 350 с.
13. *Гродеков Н.И.* Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881. Т. 4. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1884. 497 с.
14. *Гуляев А.Л.* Поход на Амударью и в Текинский оазис уральских казаков в 1880–1881 годах. Уральск: Тип. В. И. Жаворонкова, 1882. 88 с.
15. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. СПб.: Товарищество «М. О. Вольф», 1905. 2030 стб.
16. *Достоевский Ф.М.* Геок-тепе. Что такое для нас Азия? // Дневник писателя. 1881. Январь. С. 25–28.
17. *Достоевский Ф.М.* Вопросы и ответы // Дневник писателя (ежемесячное издание). 1881. С. 2832.
18. *Калитин П.П.* Ахал-текинская экспедиция // Русский вестник. 1890. Т. 28. Май. С. 80–112.
19. *Капитан Муравцев.* Туркестанский отряд в Ахалтекинской экспедиции 1880 г. // Военный сборник. 1882. № 3. С. 159–183.
20. *Капитан Муравцев.* Туркестанский отряд в Ахалтекинской экспедиции 1880 г. // Военный сборник. 1882. № 4. С. 358–376.
21. *Капитан Муравцев.* Туркестанский отряд в Ахалтекинской экспедиции 1880 г. // Военный сборник. 1882. № 5. С. 167–192.
22. *Капитан Муравцев.* Туркестанский отряд в Ахалтекинской экспедиции 1880 г. // Военный сборник. 1882. № 12. С. 292–299.
23. *Капитан Муравцев.* Туркестанский отряд в Ахалтекинской экспедиции 1880 г. // Военный сборник. 1883. № 1. С. 288–332.
24. *Куропаткин А.Н.* Завоевание Туркмении (поход в Ахал-теке в 1880–1881 гг.): с очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 г. СПб.: Изд. В. Березовского, 1899. 224 с.
25. *Левтеева Л.Г.* Присоединение Средней Азии к России в мемуарных источниках (Историографические проблемы). Ташкент: Изд. «Фан», 1986. 121 с.
26. *Лейкин Н.А.* Ахал-текинская экспедиция // Наши забавники. Юмористические рассказы. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Тип. Д-ра М. А. Хана, 1881. С. 267–271.
27. *Майер А.А.* Год в песках. Наброски и очерки Ахал-Текинской экспедиции 1880–1881 (из воспоминаний раненого). Кронштадт: Тип. «Кронштадтского вестника», 1886. 261 с.
28. *Макшеев А.И.* Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. СПб.: Военная типография в здании Главного Штаба, 1890. 380 с.

29. *Маслов А.Н.* Осада крепости Денгиль-тепе (1880–1881) // Инженерный журнал. 1882. №1. С.1–31.
30. *Маслов А.Н.* Осада крепости Денгиль-тепе (1880–1881) // Инженерный журнал. 1882. №3. С.239–264.
31. *Маслов А.Н.* Осада крепости Денгиль-тепе (1880–1881) // Инженерный журнал. 1882. №5. С.503–534.
32. *Маслов А.Н.* Завоевание Ахал-Теке. Очерки последней экспедиции Скобелева (1880–1881). СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1882. 206 с.
33. *Маслов А.Н.* Завоевание Ахал-Теке. Очерки последней экспедиции Скобелева (1880–1881). Изд. 2-е (с материалами для биографии генерал-адъютанта Скобелева). СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1887. 326 с.
34. Осада и штурм текинской крепости Геок-тепе. СПб.: Изд. редакции журнала «Чтение для солдат», 1882. 69 с.
35. *Сандр.* «Уральцы» в Туркестанском крае // Русское богатство. 1905. №6. С.1–35.
36. *Сполатбог Н.Н.* Покорение Ахал-Теке (Из записок полковника Сполатбога). Тифлис: б. и., 1884. 25 с.
37. *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии (с картами и планами). Т.3. СПб.: Типолиитография В.В. Комарова, 1906. 526 с.
38. *Фёдоров К.М.* Ахал-текинская экспедиция 1880–1881 гг. Геоктепинский бой. Асхабад: Электронпечатня К.М. Фёдорова, 1904. 32 с.
39. *Черняк А.* Экспедиция в Ахал-Теке 1879 года (из записок саперного офицера) // Военный сборник. 1887. №6. С.282–293.
40. *Черняк А.* Экспедиция в Ахал-Теке 1879 года (из записок саперного офицера) // Военный сборник. 1887. №7. С.129–144.
41. *Черняк А.* Экспедиция в Ахал-Теке 1879 года (из записок саперного офицера) // Военный сборник. 1887. №9. С.125–138.
42. *Черняк А.* Экспедиция в Ахал-Теке 1879 года (из записок саперного офицера) // Военный сборник. 1887. №10. С.261–278.
43. *Черняк А.* Заметки об экспедиции генерала Скобелева в Ахал-Теке (из записок саперного офицера) // Военный сборник. 1889. №12. С.390–462.
44. *Щербак А.В.* Ахал-Тэкинская экспедиция генерала Скобелева в 1880–81 годах: из воспоминаний д-ра А.В. Щербака. Издание 2-е. СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1900. 176 с.
45. Экспедиция против туркмен Ахал-теке // Всемирная иллюстрация. 1880. №618. С.354.
46. Экспедиция против туркмен Ахал-теке // Всемирная иллюстрация. 1881. №627. С.43–46.
47. Экспедиция против туркмен Ахал-теке // Всемирная иллюстрация. 1881. №628. С.66.
48. Экспедиция против туркмен Ахал-теке // Всемирная иллюстрация. 1881. №642. С.351–355.
49. Экспедиция против туркмен Ахал-теке // Всемирная иллюстрация. 1881. №648. С.473–474.

Информация об авторе:

Дубовиков Александр Маратович – доктор исторических наук, профессор Института туризма и социальных технологий, Поволжский государственный университет сервиса (Тольятти, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-9995-8328; e-mail: alexdubovikov@yandex.ru

Поступила 14.04.2025

Принята к публикации 12.05.2025

**Pre-revolutionary literature on the Akhal-Teke expeditions
of 1879 and 1880–1881**

A.M. Dubovikov

*Volga Region State University of Service
Tolyatti, Russian Federation*

After the collapse of the USSR, the history of the annexation of the regions of Central Asia to Russia acquired both scientific and political relevance, since today in the former republics of Central Asia, not scientific, but political assessment of events prevails, far from objectivity. Positive results are almost completely denied, while the emphasis is placed on negative consequences, the description of which is sometimes brought to the point of absurdity. It can be said that the previous Soviet approach was continued, but in a less objective and more politicized form, since Soviet historians recognized the presence of positive consequences. Today, the historical science of Central Asia strives to show the past suffering of its peoples and the inhuman cruelty of the "conquerors", although the former were no less cruel. Moreover, not only in relation to the "conquerors", but also in relation to neighboring peoples or even in relation to other local tribes. Turning to pre-revolutionary literature, first of all, to that written by the participants of those military campaigns themselves, allows us to look at the events of the past through their eyes and more objectively assess everything that happened between Russia and the Central Asian khanates. Since the analysis of the pre-revolutionary literature on the Akhal-Teke military campaigns of 1879 and 1880–1881 has not yet been carried out, this article has scientific novelty.

Keywords: Akhal-Teke expedition of 1879, Akhal-Teke expedition of 1880–1881, storming of Geok-Tepe, annexation of Central Asia, pre-revolutionary military literature

For citation: Dubovikov A.M. Pre-revolutionary literature on the Akhal-Teke expeditions of 1879 and 1880–1881. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.2, pp.10–56. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-2.10-56> (In Russian)

REFERENCES

1. Azotov G. Memoirs of the expedition to Akhal-Teke in 1879–1881. *Scout. Military and literary magazine*. 1893, no.164, pp.971–974. (In Russian)
2. Azotov G. Memoirs of the expedition to Akhal-Teke in 1879–1881. *Scout. Military and literary magazine*. 1893, no.165, pp.996–999. (In Russian)
3. Azotov G. Memoirs of the expedition to Akhal-Teke in 1879–1881. *Scout. Military and literary magazine*. 1893, no.166, pp.1018–1021. (In Russian)
4. Azotov G. Memoirs of the expedition to Akhal-Teke in 1879–1881. *Scout. Military and literary magazine*. 1893, no.167, pp.1044–1045. (In Russian)
5. V.N.G. Essay on the expeditions to Akhal-Teke. 1879 and 1880. *Military collection*. 1888, no.5, pp.204–230. (In Russian)
6. V.N.G. Essay on the expeditions to Akhal-Teke. 1879 and 1880. *Military collection*. 1888, no.6, pp.396–426. (In Russian)
7. Vereshchagin A.V. *New stories (1855–1895)*. St. Petersburg: E. Arngold Publ., 1900. 226 p. (In Russian)
8. Gaines K.K. *Essay on the military life of the Akhal-Teke detachment. 1880–1881*. Department of Appanages Publ., 1882. 84 p. (In Russian)
9. Geok-Tepe. *Encyclopedia of military and naval affairs*. Ed. by Lieutenant General Leer. Vol.2. St. Petersburg: V. Bezobrazov and Co. Publ., 1885. Pp.440–450. (In Russian)
10. Grodekov N.I. *War in Turkmenistan. Skobelev's campaign in 1880–1881*. Vol.1. St. Petersburg: V.S. Balashev Publ., 1883. 440 p. (In Russian)
11. Grodekov N.I. *War in Turkmenistan. Skobelev's campaign in 1880–1881*. Vol.2. St. Petersburg: V.S. Balashev Publ., 1883. 395 p. (In Russian)
12. Grodekov N.I. *War in Turkmenistan. Skobelev's campaign in 1880–1881*. Vol.3. St. Petersburg: V.S. Balashev Publ., 1883. 350 p. (In Russian)
13. Grodekov N.I. *War in Turkmenistan. Skobelev's campaign in 1880–1881*. Vol.4. St. Petersburg: V.S. Balashev Publ., 1884. 497 p. (In Russian)
14. Gulyaev A.L. *Campaign to the Amu Darya and the Teke oasis of the Ural Cossacks in 1880–1881*. Uralsk: V.I. Zhavoronkov Publ., 1882. 88 p. (In Russian)
15. Dahl V.I. *Explanatory dictionary of the living Great Russian language*. Vol.2. St. Petersburg: M.O. Wolf Association Publ., 1905. 2030 columns. (In Russian)
16. Dostoevsky F.M. Geok-Tepe. What is Asia for us? *Writer's Diary*. 1881. January. Pp.25–28. (In Russian)
17. Dostoevsky F.M. Questions and Answers. *Writer's Diary*. 1881. Pp.28–32. (In Russian)
18. Kalitin P.P. Akhal-Tekin expedition. *Russian bulletin*. 1890. Vol.28. May. Pp.80–111. (In Russian)
19. Captain Muravtsev. Turkestan detachment in the Akhal-Teke expedition of 1880. *Military collection*. 1882, no.3, pp.159–183. (In Russian)
20. Captain Muravtsev. Turkestan detachment in the Akhal-Teke expedition of 1880. *Military collection*. 1882, no.4, pp.358–376. (In Russian)
21. Captain Muravtsev. Turkestan detachment in the Akhal-Teke expedition of 1880. *Military collection*. 1882, no.5, pp.167–1192. (In Russian)
22. Captain Muravtsev. Turkestan detachment in the Akhal-Teke expedition of 1880. *Military collection*. 1882, no.12, pp.292–299. (In Russian)

23. Captain Muravtsev. Turkestan detachment in the Akhal-Teke expedition of 1880. *Military collection*. 1883, no.1, pp.288–332. (In Russian)
24. Kuropatkin A.N. *Conquest of Turkmenistan (campaign in Akhal-Teke in 1880–1881): with an outline of military operations in Central Asia from 1839 to 1876*. St. Petersburg: V. Berezovsky Publ., 1899. 224 p. (In Russian)
25. Levteeva L.G. *Annexation of Central Asia to Russia in memoir sources (Historiographical problems)*. Tashkent: Fan Publ., 1986. 121 p. (In Russian)
26. Leikin N.A. Akhal-Teke expedition. *Our funny people. Humorous stories*. 2nd ed. St. Petersburg: Dr. M.A. Khan Publ., 1881. Pp.267–271. (In Russian)
27. Mayer A.A. *A year in the sands. Sketches and essays of the Akhal-Teke expedition of 1880–1881 (from the memoirs of a wounded man)*. Kronstadt: Kronstadt Bulletin Publ., 1886. 261 p. (In Russian)
28. Maksheev A.I. *Historical review of Turkestan and the Russian offensive movement into it*. St. Petersburg: Military Publ., 1890. 380 p. (In Russian)
29. Maslov A.N. Siege of the fortress Dengil-Tepe (1880–1881). *Engineering Journal*. 1882, no.1, pp.1–31. (In Russian)
30. Maslov A.N. Siege of the fortress Dengil-Tepe (1880–1881). *Engineering Journal*. 1882, no.3, pp.239–264. (In Russian)
31. Maslov A.N. Siege of the fortress Dengil-Tepe (1880–1881). *Engineering Journal*. 1882, no.5, pp.503–534. (In Russian)
32. Maslov A.N. *Conquest of Akhal-Teke. Essays on Skobelev's last expedition (1880–1881)*. St. Petersburg: A.S. Suvorin Publ., 1882. 206 p. (In Russian)
33. Maslov A.N. *Conquest of Akhal-Teke. Essays on Skobelev's last expedition (1880–1881)*. 2nd ed. (with materials for the biography of Adjutant General Skobelev). St. Petersburg: A.S. Suvorin Publ., 1887. 326 p. (In Russian)
34. *Siege and storming of the Teke fortress of Geok-Tepe*. St. Petersburg: Reading for soldiers Publ., 1882. 69 p. (In Russian)
35. Sandr. "Urals" in the Turkestan region. *Russian wealth*. 1905, no.6, pp.1–35. (In Russian)
36. Spolatbog N.N. *The conquest of Akhal-Teke (From the notes of Colonel Spolatbog)*. Tiflis, 1884. 25 p. (In Russian)
37. Terentyev M.A. *History of the conquest of Central Asia (with maps and plans)*. Vol.3. St. Petersburg: V.V. Komarov Publ., 1906. 526 p. (In Russian)
38. Fedorov K.M. *Akhal-Teke expedition of 1880–1881. Geok-Tepe battle*. Ashkhabad: K.M. Fedorov Publ., 1904. 32 p. (In Russian)
39. Chernyak A. Expedition to Akhal-Teke in 1879 (from the notes of a sapper officer). *Military collection*. 1887, no.6, pp.282–293. (In Russian)
40. Chernyak A. Expedition to Akhal-Teke in 1879 (from the notes of a sapper officer). *Military collection*. 1887, no.7, pp.129–144. (In Russian)
41. Chernyak A. Expedition to Akhal-Teke in 1879 (from the notes of a sapper officer). *Military collection*. 1887, no.9, pp.125–138. (In Russian)
42. Chernyak A. Expedition to Akhal-Teke in 1879 (from the notes of a sapper officer). *Military collection*. 1887, no.10, pp.261–278. (In Russian)
43. Chernyak A. Notes on the expedition of General Skobelev to Akhal-Teke (from the notes of a sapper officer). *Military collection*. 1889, no.12, pp.390–462. (In Russian)

44. Shcherbak A.V. *Akhal-Teke expedition of General Skobelev in 1880–1881: from the memoirs of Dr. A.V. Shcherbak*. 2nd ed. St. Petersburg: V.V. Komarov Publ., 1900. 176 p. (In Russian)

45. Expedition against the Akhal-Teke Turkmens. *Worldwide illustration*. 1880, no.618, p.354. (In Russian)

46. Expedition against the Akhal-Teke Turkmens. *Worldwide illustration*. 1881, no.627, pp.43–46. (In Russian)

47. Expedition against the Akhal-Teke Turkmens. *Worldwide illustration*. 1881, no.628, p.66. (In Russian)

48. Expedition against the Akhal-Teke Turkmens. *Worldwide illustration*. 1881, no.642, pp.351–355. (In Russian)

49. Expedition against the Akhal-Teke Turkmens. *Worldwide illustration*. 1881, no. 648, pp.473–474. (In Russian)

About the author:

Dubovikov Alexander Maratovich – Dr. Sci. (history), Professor of the Institute of Tourism and Social Technologies, Volga Region State University of Service (Tolyatti, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-9995-8328; e-mail: alexdubovikov@yandex.ru

Received April 14, 2025

Accepted for publication May 12, 2025

УДК 94(470.5)

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-2.57-70>

Офицерский состав тептярских казачьих полков в конце XVIII – начале XIX века (по послужным спискам)

Э.И. Шарафиев

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

Статья посвящена изучению офицерского состава 1-го и 2-го тептярских казачьих полков по послужным спискам за 1798, 1800 и 1804 гг., выявленным в фондах Российского государственного военно-исторического архива. Автор рассматривает численность и личный состав офицеров этих полков, в том числе с офицерскими званиями в должностях от пятидесятника до походного полковника, время начала их службы. Изучается вопрос об участии офицеров тептярских казачьих полков, указанных в послужных списках за 1798, 1800 и 1804 гг., в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах русской армии 1813–1814 гг.

Ключевые слова: тептяри, тептярские казачьи полки, 1-й Тептярский казачий полк, 2-й Тептярский казачий полк, послужные (формулярные) списки, офицеры-тептяри, походный полковник, князь Абдулмазит Абдулзалилов сын Касимов, Абдулвагап Мосеев, Хамит Сагитов

Для цитирования: Шарафиев Э.И. Офицерский состав тептярских казачьих полков в конце XVIII – начале XIX века (по послужным спискам) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №2. С.57–70. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-2.57-70>

Введение. Послужные (формулярные) списки офицеров тептярских казачьих полков – новый источник по истории этих военных формирований в составе вооруженных сил Российской империи, обнаруженный в фондах Российского государственного военно-исторического архива. Всего на данный момент были выявлены послужные списки офицеров за 3 года (1798, 1800 и 1804 гг.): 1-го Тептярского казачьего полка за 2 года (1798 и 1804 гг.), 2-го Тептярского казачьего полка за 3 года (1798, 1800 и 1804 гг.). Особая значимость этого документального комплекса состоит в том, что это единственные на данный момент известные послужные списки, содержащие сведения о представителях тептярского сословия.

Общая характеристика данного источника, анализ его структуры и информационного содержания была дана в нашей предыдущей публикации [7, с.50–61].

В данной статье сделана попытка рассмотреть численность и личный состав офицеров тептярских казачьих полков в конце XVIII – начале

XIX в. и ответить на вопрос, продолжили ли службу офицеры-тептяри после истечения законодательно оговоренного для них срока службы (15 лет) [7, с.50; 4, с.50], в частности, принимали ли они участие в Заграничных походах русской армии 1813–1814 гг.

Численность и личный состав офицеров-тептярей тептярских казачьих полков по послужным спискам. Сначала нами была подсчитана численность офицеров тептярских казачьих полков в целом и по отдельным должностям в списках за определенный год.

Следует указать, что в наших статистических расчетах и анализе не учитывается должность шефа полка, поскольку она идет несколько особняком, и на эту должность, согласно штату тептярских полков, всегда назначался штаб-офицер [3, с.410; 5, с.35]. Шеф полка осуществлял общее руководство полком [4, с.50]. Шефы 1-го Тептярского казачьего полка: майор Петр Николаевич Пекарский – с 27 сентября 1798 г. (согласно послужному списку о службе П.Н. Пекарского за 1798 г. [7, с.58], согласно С.Е. Калинину и Р.Н. Рахимову – с 12 июля [2; 6, с.152]) по 28 октября 1804 г., подполковник (с 12 января 1803 г.¹) Александр Никанорович Струков 2-й – с 28 октября 1804 г. по 12 марта 1811 г., подполковник Василий Михайлович Никифоров – с 12 марта 1811 г. по 23 марта 1812 г., майор Николай Александрович Тимиров 1-й – с 23 марта 1812 г. по 22 июня 1815 г., майор Николай Васильевич Рычков – с 9 декабря 1815 г. по 11 ноября 1819 г. [6, с.71, 152]. Шефы 2-го Тептярского казачьего полка: майор (впоследствии – подполковник) Василий Михайлович Никифоров – с 12 июля 1798 г. по 12 марта 1811 г., подполковник Александр Никанорович Струков 2-й – с 12 марта 1811 г. по 22 июня 1815 г. (с 22 июня 1815 г. по 17 февраля 1823 г. – командир) [2; 6, с.152].

О карьерном пути П.Н. Пекарского, А.Н. Струкова 2-го, В.М. Никифорова имеются сведения в рассмотренных послужных списках, поэтому можно привести данные об их службе до 1805 г. П.Н. Пекарский служил в следующих званиях: сержант – с 15 февраля 1776 г., прапорщик – с 24 ноября 1781 г., подпоручик – с 25 февраля 1784 г., поручик – с 1 января 1786 г., капитан – с 28 июня 1787 г., секунд-майор – с 26 марта 1792 г., майор – с 29 ноября 1796 г.² В.М. Никифоров служил в чинах и званиях: сержант – с 5 августа 1786 г., штык-юнкер – с 13 марта 1789 г., подпоручик – с 27 июня 1794 г., провиантмейстер – с 15 сентября 1794 г., обер-провиантмейстер – с 6 июня 1796 г., майор – с 29 ноября 1796 г.³

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.489. Оп.1. Д.3174. Л.2 об.–3.

² РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.3171. Л.3 об.–4.

³ РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.3172. Л.7 об.–8; Д.3173. Л.2 об.–3.

Карьерный путь А.Н. Струкова 2-го приведен ниже: сержант – с февраля 1780 г.⁴, прапорщик – с июня 1784 г., подпоручик – с июня 1789 г., поручик – с мая 1796 г., майор – с июня 1799 г., подполковник – с 12 января 1803 г.⁵ Отметим, что информация из послужного списка А.Н. Струкова 2-го за 1804 г. о его службе в 1-м Тептярском казачьем полку, в частности о дате назначения на должность, существенно отличается от сведений из формулярного списка, хранящегося в Государственном архиве Пензенской области (приведены в книге Р.Н. Рахимова) [5, с.37]. Точно так же имеются некоторые отличия в сведениях о службе П.Н. Пекарского [5, с.35–36]. Все шефы тептярских полков, включая Н.А. Тимирова, были из русских армейских обер-офицеров.

В послужных списках офицеров 1-го Тептярского казачьего полка за 1798 г. значатся 26 офицеров-тептярей. Из них: 5 зауряд-есаулов⁶, 5 зауряд-сотников, 5 зауряд-хорунжих, 1 зауряд полковой квартирмейстер, 10 пятидесятников. О походном полковнике в послужном списке офицеров 1-го Тептярского казачьего полка 1798 г. запись отсутствует. Соответственно, вместе с походным полковником, которым на тот момент был Абдулмурат Абзелкоитхамитов, вступивший в эту должность в 1798 г. [5, с.35], должно было бы быть 27 офицеров-тептярей. Все были в комплекте и при полку.

Офицерские должности в документе указаны от высшей к низшей. Полковой квартирмейстер записан сразу после пятидесятников, также по статусу он был ниже сотенных старшин (есаула, сотника, хорунжего). В полку состоял один квартирмейстер, один шеф полка и один походный полковник (полковой командир).

В послужных списках офицеров 1-го Тептярского казачьего полка за 1804 г. указано 29 офицеров-тептярей (включая походного полковника). Из них: 1 походный полковник (в комплекте), 3 обер-офицера (2 в комплекте, 1 – сверх комплекта), 5 зауряд-есаулов (все в комплекте), 5 зауряд-сотников (все в комплекте), 8 хорунжих (из них: 6 – зауряд, 2 – с обер-офицерским чином) (5 – в комплекте, 3 – сверх комплекта), 1 зауряд полковой квартирмейстер (в комплекте), 9 пятидесятников (все в комплекте).

В данном документе отдельным списком выделены офицеры, имевшие обер-офицерские чины: походный полковник хорунжий Абдульмезит

⁴ Конкретная дата чинопроизводства А.Н. Струкова 2-го не прочитывается из-за дефекта документа.

⁵ РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.3174. Л.2 об.–3.

⁶ В послужных списках офицеров тептярских казачьих полков за 1798 г. при указании должности лица не использовано добавочное слово «зауряд», указывающее на то, что лицо занимало должность, не имея при этом соответствующего чина. Чтобы не возникало путаницы, в статье унифицированы записи офицерского состава полков – лица, занимавшие обер-офицерскую должность без обер-офицерского чина, указаны как зауряд-офицеры.

Абдульменев князь Касимов (был в комплекте при полку), хорунжий Сагит Япаров (был на соответствующей должности сверх комплекта), прапорщик Габейдулла Апасьев (занимал должность хорунжего в комплекте). Все они получили обер-офицерские чины после 1798 г.

Таким образом, всего сверхкомплектных офицеров в полку по послужным спискам за 1804 г. было 3 – все хорунжие (1 – с обер-офицерским чином, 2 – зауряд).

В послужных списках офицеров 1-го Тептярского казачьего полка за 1798 и 1804 гг. учтены 35 офицеров из тептярей: 1) Абделькарим (Абдулкарим)⁷ Максютов; 2) Абдулмуталлап Абдуллин; 3) князь Абдулмазит (Абдулмязит, Абдульмезит) Абдулзалилов (Абзелилев, Абдульменев) сын Касимов; 4) Абдулнасыр Абдульменев; 5) Абдульмень Сафаров (Саферов); 6) Бакей Шамигулов; 7) Бектемир Аитов; 8) Биктагир Биккинин; 9) Валиша Арасланов; 10) Габейдулла Апасьев (Апасев); 11) Даут Яныбеков; 12) Исембай Уразгалдин (Уразгильдин); 13) Исламгул Мусакаев; 14) Ишмет Бибулдин; 15) Килдикей Мратов; 16) Кильмухаммет Еркеев; 17) Кунафья Махмутов; 18) Куса Урмекеев; 19) Кутлумет Султамбеков; 20) Кутлуметь (Кутлумет) Янышев; 21) Мавлюкей Сакиев (Юмаев); 22) Мазит Евметев; 23) Махмут Гайсин; 24) Мукай Кузин; 25) Муса Аббязов; 26) Мухаметкарим Мухаметрахимов; 27) Мухаметрахим Алишев (Аминев) сын Тяняев; 28) Назир Сермяков; 29) Сагид Япаров; 30) Салих Мокаев; 31) Саты Аббязов; 32) Смагил Ишеев; 33) Фейзулла Гумеров сын Абдуллин; 34) Фейзулла Каракаев; 35) Хамит Сагитов.

В послужных списках офицеров 2-го Тептярского казачьего полка за 1798 г. указано 27 офицеров-тептярей. Из них: 1 походный полковник (в комплекте), 5 зауряд-есаулов (все в комплекте), 5 зауряд-сотников (4 – в комплекте, 1 – подсудимый), 5 зауряд-хорунжих (все в комплекте), 1 зауряд полковой квартирмейстер (в комплекте), 10 пятидесятников (все в комплекте). Таким образом, из них все, кроме походного полковника прапорщика Абдулвагапа (Абдула) Мосеева, исполняли зауряд офицерские должности. Все, кроме сотника Валита Бакирова сына Сюлеева, были в комплекте и при полку.

Абдулвагап Мосеев был назначен прапорщиком от армии 5 февраля 1795 г., то есть раньше всех офицеров-тептярей 1-го Тептярского казачьего полка, получивших обер-офицерские чины⁸. В 1800 г. он значится армейский сотником, в 1804 г. – капитаном⁹.

В послужных списках офицеров 2-го Тептярского казачьего полка за 1800 г. указано 27 офицеров-тептярей. Из них: 1 походный полковник (в комплекте), 5 зауряд-есаулов (все в комплекте), 5 зауряд-сотников (все в

⁷ Здесь и далее в скобках указаны другие варианты написания имен и фамилий в изученных документах.

⁸ РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.3171. Л.17 об.–18.

⁹ РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.3172. Л.2 об.–3; Д.3173. Л.5 об.–6.

комплекте), 5 зауряд-хорунжих (все в комплекте), 1 зауряд полковой квартирмейстер (в комплекте), 10 пятидесятников (все в комплекте). Все в комплекте.

В послужных списках офицеров 2-го Тептярского казачьего полка за 1804 г. указано 29 офицеров-тептярей. Из них: 1 походный полковник (в комплекте), 6 зауряд-есаулов (5 – в комплекте, 1 – сверх комплекта), 5 зауряд-сотников (все в комплекте), 6 зауряд-хорунжих (5 – в комплекте, 1 – сверх комплекта), 1 зауряд полковой квартирмейстер (в комплекте), 10 пятидесятников (все в комплекте). Все в комплекте, кроме двоих.

Таким образом, количество комплектных офицеров во 2-м Тептярском казачьем полку, за исключением шефа полка, по указанным спискам везде было одинаковым – 27.

Всего в послужных списках офицеров 2-го Тептярского казачьего полка за 1798, 1800 и 1804 гг. учтены 34 офицера из тептярей: 1) Абдрахим (Абдрахман) Айткулов; 2) Абдрахман Кадырметев; 3) Абдулбадак Абдулгазин; 4) Абдулвагап (Вагап) Мендянов; 5) Абдулвагап (Абдул) Мо-сеев; 6) Абдулмуталлап Амиров; 7) Алмагир (Альмагир) Амиров; 8) Амирхан Бакиров; 9) Апсалим Карашаев; 10) Ахтям Ишмуратов (Ишмратов); 11) Аю Танатаров; 12) Башир Назиров сын Кучаев; 13) Баязит (Боязит) Борагулов сын Азаматов; 14) Валит Бакиров сын Сюлеев; 15) Галикей Биктуганов; 16) Губайдулла (Габайдулла, Габейдулла) Кутлукадымов; 17) Зюбир Ишбулдин; 18) Зюлкарней (Зюлхарней) Буляков; 19) Зябир Юзикеев; 20) Исмагил (Смагил) Балтин; 21) Ишкой Урсаев; 22) Ишмурат (Ишмрат) Искендеров; 23) Иштерьяк Яштерьяков; 24) Курамша (Хурамша, Хурамма) Надиров (Надыров); 25) Медияр Едигаров; 26) Минлибай Сагитов; 27) Мухаметамин Абляков; 28) Мухаметрахим Сагитов; 29) Мухаметша (Мухаметыша) Саферов; 30) Осип Яндыбаев; 31) Рамазан (Ромазан) Аднагулов; 32) Сабанча Айгилдин; 33) Уракчи Балтемиров; 34) Хамит Ахмеров сын Исенбаев.

Ниже приведены результаты сравнительно-сопоставительного анализа состава офицеров-тептярей тептярских казачьих полков по вышеуказанным послужным спискам.

В послужных списках офицеров 1-го Тептярского казачьего полка за 1804 г. отсутствуют, по сравнению с предыдущим, 6 офицеров, числившихся в комплекте: 1) зауряд-есаул Фейзулла Гумеров сын Абдуллин; 2) зауряд-есаул Абдулмуталлап Абдуллин; 3) зауряд-сотник Ишмет Бибулдин; 4) зауряд-хорунжий Куса Урмекеев; 5) пятидесятник Фейзулла Каракаев; 6) пятидесятник Махмут Гайсин.

В этом же документе за 1804 г. значатся 9 офицеров, которых нет в предыдущих: 1) хорунжий Сагид Япаров; 2) зауряд-хорунжий Салих Мокаев; 3) зауряд-хорунжий Муса Аббязов; 4) зауряд-хорунжий Кунафья Махмутов; 5) пятидесятник Исламгул Мусакаев; 6) пятидесятник Валиша Арасланов; 7) пятидесятник Смагил Ишеев; 8) пятидесятник Бектемир Аитов; 9) пятидесятник Абдулнасыр Абдулменев. Из них: 6 находившихся в

комплекте при полку и 3 – сверх комплекта. Таким образом, на смену 6 комплектным, убывшим из полка к 1804 г. тептярям-казакам, было зачислено столько же комплектных, а в дополнение к ним еще 3 – сверхкомплектных. Все сверхкомплектные – хорунжие (1 – обер-офицер, 2 – зауряд). Всего же новых зачисленных из добавившихся офицеров 4 – хорунжих (1 – обер-офицер, 3 – зауряд) и 5 пятидесятников. Все новые пятидесятники начали службу в полку на должности казака с 28 августа 1790 г. и были переведены в пятидесятники из десятников.

Трое офицеров-тептярей 2-го Тептярского казачьего полка значатся только в послужных списках за 1798 г. и отсутствуют в последующих. В свою очередь, в списках за 1800 г. значатся трое офицеров-тептярей (все пятидесятники), которые отсутствуют в списках за 1798 г.; в послужных списках за 1804 г., в сравнении с послужными списками за 1800 г., отсутствуют трое и прибавляются пятеро (4 комплектных пятидесятника и 1 сверхкомплектный хорунжий).

В послужных списках за 1800 г. есть такие лица, которые отсутствуют в послужных списках за 1798 г.: пятидесятник Осип Яндыбаев (есть в списках за 1804 г.), пятидесятник Сабанча Айгилдин (есть в списках за 1804 г.), пятидесятник Иштерьяк Яштерьяков (есть в списках за 1804 г.).

В послужных списках за 1798 г. значится ряд офицеров-тептярей, отсутствующих в послужных списках за 1800 г.: зауряд-есаул Мухаметша Саферов, зауряд-сотник Валит Бакиров сын Сюлеев, пятидесятник Аю Танатаров. В послужных списках за 1804 г., по сравнению с послужными списками за 1800 г., отсутствуют: пятидесятник Уракчи Балтемиров (есть в списках за 1798 г.), пятидесятник Амирхан Бакиров (есть в списках за 1798 г.), пятидесятник Алмагир Амиров (есть в списках за 1798 г.). То есть в послужных списках за 1800 г. нет ни одного офицера, который встречался бы только в этих списках, и отсутствовал в других. Все из них также встречаются в послужных списках либо за 1798 г., либо за 1804 г. В послужные списки за 1804 г., по сравнению с послужными списками за 1800 г., были добавлены: 1) зауряд-хорунжий Мухаметша Саферов; 2) пятидесятник Зябир Юзикеев; 3) пятидесятник Абдулбадак Абдулгазин; 4) пятидесятник Зюбир Ишбулдин; 5) пятидесятник Медияр Едигаров. Они все, кроме Мухаметши Сафорова, значатся только за этот год. Среди офицеров 2-го Тептярского казачьего полка в 1804 г. отсутствовало всего 5 офицеров-тептярей из первоначального состава (на 1798 г.): 1) зауряд-сотник Валит Бакиров сын Сюлеев; 2) пятидесятник Аю Танатаров; 3) пятидесятник Уракчи Балтемиров; 4) пятидесятник Амирхан Бакиров; 5) пятидесятник Алмагир Амиров.

Таким образом, двое офицеров-тептярей, значащихся в послужных списках за 1798 г., фиксируются только в них и отсутствуют в последующих; в послужных списках за 1800 г. значатся трое офицеров-тептярей (все пятидесятники), которые отсутствуют в списках за 1798 г. (но присутствуют в списках за 1804 г.); в послужных списках за 1804 г., по сравне-

нию с послужными списками за 1800 г., отсутствуют трое и прибавляются пятеро (4 комплектных пятидесятника и 1 сверхкомплектный хорунжий), причем 4 из них (4 комплектных пятидесятника) значатся только в списках за 1804 г.

Случай Мухаметши Саферова интересен тем, что он единственный тепляр, который значится в списках за 1798 и 1804 гг., но отсутствует в списках за 1800 г. Объяснение причины такой ситуации мы находим в графе «В штрафах были ль по суду или без суда. Когда и за что именно» послужного списка «полкового командира; зауряд квартирмейстера, есаулов, сотников, хорунжих и пятидесятников» 2-го Теплярского казачьего полка за 1804 г.¹⁰ В нем значится, что 19 марта 1799 г. по повелению генерал-майора, оренбургского военного губернатора Н.Н. Бахметева был разжалован из есаулов в рядовые «за дурное поведение и упущения по сотне»¹¹. Изменился и список должностей Мухаметши за время его карьеры. В списке за 1804 г. отсутствует история о службе Мухаметши до 1800 г., когда он был назначен десятником, но имеется дата и должность на начало военной службы (казак с 28 августа 1790 г.)¹².

Таким образом, военно-служилая карьера Мухаметши Саферова после его разжалования в рядовые началась с «нуля». 9 июля 1800 г. он был назначен десятником, далее пятидесятником (13 сентября 1801 г.), хорунжим (зауряд) (6 июля 1803 г.)¹³. Кроме того, по спискам за 1798 г. значится, что Мухаметша происходит из Уфимского уезда¹⁴, а по спискам за 1804 г. – из «Бугульминской округи Оренбургской губернии»¹⁵.

Назвать точную причину выбытия тех или иных лиц из полка в рассматриваемых списках не представляется на данный момент возможным. Одной из причин могло быть разжалование на неофицерскую должность в полку в качестве наказания или исключение из полка. К такому выводу нас наталкивает разбор случая с сотником Валитом Бакировым сыном Сюлеевым.

Валит Бакиров сын Сюлеев – сын податного тепляра Мензелинского уезда Оренбургской губернии, 28 августа 1790 г. начал службу в теплярских полках, 20 сентября 1792 г. был назначен десятником, 30 июня 1794 г. – сотником¹⁶.

По состоянию на 1798 г. он числился в составе полка, но с 13 мая 1798 г., по приказу военного губернатора Игельстрома, находился в аудиаториате при Оренбургском ордонансгаузе в качестве подсудимого за

¹⁰ РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.3173. Л.7 об.–8.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.3171. Л.19 об.–20.

¹⁵ РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.3173. Л.7 об.–8.

¹⁶ РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.3171. Л.21 об.–22.

«предосудительные поступки». Помимо этого, в графе, касающейся перспективы повышения по службе, было отмечено, что он этого «не достоин»¹⁷.

Все офицеры 1-го Тептярского казачьего полка, указанные в послужных списках за 1798 и 1804 гг., за исключением шефа полка, начали военную службу в августе (10, 28 или 29 августа) 1790 г.

Согласно послужным спискам офицеров 2-го Тептярского казачьего полка, все офицеры-тептяри, кроме пятерых (Абдулмуталлап Амиров, Ишмет Бибулдин, Абдулвагаа Мосеев, Зябир Юзикеев, Зюбир Ишбулдин), начали военную службу 28 августа 1790 г. Лишь один из офицеров-тептярей – капитан Абдулвагап Мосеев начал службу 20 июня 1792 г.

Согласно штатному расписанию тептярских полков, срок службы в них для тептярей-казakov был установлен в 15 лет, соответственно, служба почти всех их заканчивалась в 1805 г. Однако по другим источникам известно, что часть офицеров-тептярей из этих списков продолжили службу в тептярских казачьих полках и спустя 15 лет, а также приняли участие в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах 1813–1814 гг.

В «Рапорте генерала от кавалерии герцога Александра Вюртембергского главнокомандующему всеми армиями генералу от инфантерии М.Б. Барклаю де Толли о награждении орденом Св. Георгия офицеров 2-го Тептярского полка»¹⁸ и «Письме главного штаба 2-му Тептярскому полку о представлении сведений о нижних чинах, получивших знаки Военного ордена»¹⁹ значатся 5 пятидесятников 2-го Тептярского казачьего полка (Абзелил Абдрахманов, Ахмеди Салихов, Баязит Павлов, Зейдулла Абсалихов, Идрис Мрясов). Однако ни один из них не выявлен в послужных списках офицеров 2-го Тептярского казачьего полка за 1798, 1800 и 1804 гг., что свидетельствует о значительных изменениях в составе полка за последние 10–15 лет.

Выявленные на данный момент источники не позволяют восстановить полный круг офицеров-тептярей, принявших участие в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах 1813–1814 гг. Известны лишь отдельные случаи участия в этих военных кампаниях лиц, представленных в послужных списках за 1798, 1800 и 1804 гг.

Одним из таких является Хамит Сагитов. К моменту Заграничных походов 1813–1814 гг. он обладал действительным армейским чином есаула²⁰. Он значится в послужных списках офицеров 1-го Тептярского казачьего полка за 1798 и 1804 гг. Сведения о Х. Сагитове из его формуляра от 1824 г. о службе в составе 1-го Тептярского регулярного казачьего полка

¹⁷ РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.3171. Л.21 об.–22.

¹⁸ РГВИА. Ф.103. Оп.208А. Д.33. Л.10, 82, 100.

¹⁹ Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф.И-2. Оп.1. Д.232. Л.129–129 об.

²⁰ РГВИА. Ф.103. Оп.208А. Д.25. Л.68–68 об.

опубликованы в сборнике документов и материалов «Вклад Башкирии в победу России в Отечественной войне 1812 года» [1, с.196, 200].

В списке от 24 января 1824 г. отмечено, что Х. Сагитов начал службу казаком 1 сентября 1790 г., 23 августа 1798 г. был переведен на должность десятника, 22 ноября 1799 г. – пятидесятника, 29 августа 1805 г. – хорунжего, 1 августа 1806 г. – сотника²¹. Согласно послужным спискам за 1798 и 1804 гг., карьерный путь Х. Сагитова таков: казак – с 28 августа 1790 г., десятник – с 6 мая 1798 г., пятидесятник – с 23 августа 1798 г.²² В обоих ранних списках (за 1798 г. и за 1804 г.) Х. Сагитов фигурирует в должности пятидесятника. Следовательно, он никак не мог быть назначен пятидесятником 22 ноября 1799 г., поскольку уже в списке за 1798 г. числился как пятидесятник. Исходя из этого, мы приходим к мнению, что некоторые биографические данные о Хамите в списке, составленном в 1824 г., искажены.

Исходя из возраста, указанного в 1798 г. (29 лет) и в 1804 г. (35 лет), определяется один и тот же год рождения Х. Сагитова – 1769 г. В составленном в начале 1824 г. формулярном списке его возраст указан 57 лет, соответственно, год рождения приходится на 1766 г. Представляется, что в последнем списке указан неточный возраст Х. Сагитова.

Согласно послужным спискам за 1798 г. и за 1804 г., Х. Сагитов был безграмотным, не участвовал в походах за границей против неприятеля, не находился в домовых отлучках и не подвергался штрафам, состоял в комплекте при полку, признавался достойным к повышению в должности²³.

Представляется, что позднейший список фиксировал только последние изменения, в то время как предыдущие состояния касательно территориального и социального происхождения в нем не отражены. И в вопросе ранней истории Х. Сагитова наиболее достоверными являются данные первых двух послужных списков, относящиеся к тому времени, когда он проходил службу в 1-м Тептярском казачьем полку.

К 1824 г. Х. Сагитов имел следующие награды: ордена Св. Владимира 4-й степени с бантом, Св. Анны 3-й степени и медаль «В память Отечественной войны 1812 года»²⁴. Информация о территориальном и социальном происхождении Х. Сагитова в рассматриваемых документах разнится. В списке 1824 г. значится, что он происходит из «военных дворян» Белебеевского уезда Оренбургской губернии²⁵, в то время как в списках за 1798 и 1804 гг. – «из податных тептярей» Уфимского уезда Оренбургской губернии²⁶.

²¹ НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1748. Л.4–4 об.

²² РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.3171. Л.13 об.–14; Д.3174. Л.8 об.–9.

²³ Там же.

²⁴ НА РБ. Ф.И-2. Оп.1. Д.1748. Л.4–4 об.

²⁵ Там же.

²⁶ РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.3171. Л.13 об.–14; Д.3174. Л.8 об.–9.

С 15 июня 1812 г. Х. Сагитов находился в составе своего полка и участвовал в военных действиях против войск Наполеона: «авангардных, арьергардных и партизанских делах и в действительных сражениях». В 1813 г. он участвовал в сражениях: в феврале под «д. Лиховою» и под «г. Красным», где получил пулевое ранение в голову; 7 августа под «д. Зибен Эйхен», 11 августа под г. Кольбергом, 14 августа в генеральном сражении под «д. Калбахом», 15 августа под «г. Кольбергом» и 17 августа под «м. Лембергом», 16 сентября под «г. Альтенбург». С 17 по 19 сентября Х. Сагитов находился в преследовании французов от Лейпцига до крепости Майнца, затем был оставлен в должности коменданта в крепости «Кенигсгофер» до возвращения полка²⁷. В генеральном сражении под Лейпцигом, где получил сабельное ранение в правую ногу. По другим сведениям, Х. Сагитов командовал частью донского казачьего полка Ежова 2-го, будучи прикомандированным из 1-го Тептярского казачьего полка, участвовавшего в блокаде Майнца (1813–1814 гг.)²⁸.

Абдулвагап Мосеев – другой тептярь, значащийся в послужных списках за 1798, 1800 и 1804 гг. и участвовавший в Заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. 2-й Тептярский казачий полк, в составе которого он занимал должность полкового командира, не участвовал в Отечественной войне 1812 г. [5, с.52], но был в Заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. В начале 1813 г. 2-й Тептярский казачий полк в составе 2 штаб-офицеров, 4 обер-офицеров, 9 зауряд-старшин, 54 пятидесятников и десятников, 374 казаков, 1 писаря, 533 строевых и 292 вьючных лошадей выступил в поход из Оренбурга²⁹. Весной того же года полк был направлен из Полоцка в действующую армию, принял участие в блокаде и осаде крепости Данциг (совр. г. Гданьск, Польша), продлившейся весь 1813 г. [5, с.78]. Впоследствии полк участвовал во взятии Парижа [5, с.80]. 4 августа 1813 г. А. Мосеев в армейском звании майора был назначен на должность командующего 7-м Башкирским конным полком, также участвовавшим в блокаде Данцига [1, с.396, 455].

Абдулвагап Мосеев участвовал 21 августа 1813 г. в битве при Данциге и за свои достижения в сражении был представлен к ордену Св. Владимира 4-й степени с бантом. К тому времени он уже имел золотую медаль [1, с.396, 455]. Его подвиг состоял в том, что, «командуя оным полком с отличным рвением», «сам был послан ему перед с частью своего полка» и «показал величайшую храбрость»³⁰.

Абдулмазит Абдулзалилов сын Касимов – еще один офицер, изначально поступивший на службу как представитель тептярского сословия, значащийся в послужных списках за 1798, 1800 и 1804 гг. и продолжив-

²⁷ НА РБ. Ф.И-2. Оп.1. Д.1748. Л.4–4 об.

²⁸ РГВИА. Ф.103. Оп.208А. Д.25. Л.68–68 об.

²⁹ РГВИА. Ф.29. Оп.14/207В. Д.81. Л.75 об.–76.

³⁰ РГВИА. Ф.103. Оп.208А. Д.33. Л.30.

ший службу после 1805 г. В послужном списке за 1798 г. он значится в составе 1-го Тептярского казачьего полка как «Вятской губернии Елабужского уезда податного тептяря сын» «Абдулмязит Абзелилев»³¹, в то время как в списке за 1804 г. – «из татарских князей хорунжий Абдульмезит Абдульменев князь Касимов»³². Установить, что это одно и то же лицо, удалось с привлечением дополнительных источников, среди которых ревизские сказки 1795 г. (5-я ревизия)³³ деревни Салауши Уфимского уезда (ныне – с. Салауши в Агрызском районе Республики Татарстан) и 1811 г. (6-я ревизия)³⁴, но уже в составе Елабужского уезда Вятской губернии.

В деле «О назначении пособия вдове командира Тептярского полка князя Касимова, проживающей в г. Оренбурге»³⁵ была выявлена информация, что муж княгини Касимовой, покойный князь Абдулмязит Абдулзалилов сын Касимов, продолжал служить в 1-м Тептярском казачьем полку после 1805 г. в офицерском чине на должности полкового командира, вместе с полком был отправлен в российскую армию для принятия участия в действиях против французских войск и умер, находясь на службе в полку в г. Великие Луки в 1811 г.³⁶ Таким образом, он не успел принять участия в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах 1813–1814 гг.

Заключение. Таким образом, выявлены все офицеры из тептярей, указанные в послужных списках офицеров тептярских казачьих полков за 1798, 1800 и 1804 гг., и составлены их поименные списки по каждому из указанных полков. Выяснилось, что в период с 1790 по 1804 г. в численности и личном составе офицеров 1-го и 2-го Тептярского казачьего полков происходили сопоставимые изменения, без значительных отличий.

Было определено, сколько и кто из установленных офицеров тептярских полков обладали в период с 1798 г. по 1804 г. действительными обер-офицерскими чинами. Из всех офицеров-тептярей 1-го Тептярского казачьего полка, указанных в исследуемых послужных списках, только трое в разное время были присвоены действительные армейские чины. Действительным армейским чином в составе этого полка, по всей видимости, обладал и полковой командир хорунжий Абдулмурат Абзелкоитхамитов, вступивший в эту должность в 1798 г. [5, с.35], однако о нем в исследуемых списках записей не обнаружено.

³¹ РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.3171. Л.5 об.–6.

³² РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.3174. Л.4 об.–5.

³³ Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф.1364. Оп.1. Д.3. Л.105–122 об.

³⁴ Центральный государственный архив Кировской области (ЦГА КО). Ф.176. Оп.2. Д.340. Л.37–46 об.

³⁵ Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф.6. Оп.10. Д.4607/1. Л.1–20 об.

³⁶ ОГАОО. Ф.6. Оп.10. Д.4607/1. Л.3–3 об.

Из числа офицеров-тептярей 2-го Тептярского казачьего полка в указанных послужных списках обер-офицерским чином обладал только сын юртового старшины Бузулукского уезда Оренбургской губернии походный полковник Абдулвагап Мосеев. Все остальные офицеры-тептяри исполняли офицерские должности зауряд. Таким образом, лишь единицы из офицеров-тептярей удостоивались действительных армейских чинов, большинство же исполняли зауряд офицерские должности.

В ходе исследования была выявлена штатная численность офицеров, в том числе комплектные и сверхкомплектные офицерские должности. Определено, что большинство офицеров было в штате полка в качестве комплектных единиц. Сверхкомплектных же было до 10,3% от общего числа офицеров в 1-м Тептярском казачьем полку и до 6,9% во 2-м Тептярском казачьем полку.

Послужные списки офицеров 1-го Тептярского казачьего полка за 1798 и 1804 гг. имеют между собой 20 общих персон из состава офицеров-тептярей, что составляет 68,9% к общему числу офицеров-тептярей по послужным спискам за 1804 г. и 74% – за 1798 г. Послужные списки офицеров 2-го Тептярского казачьего полка за 1798 и 1800 гг. имеют 24 общих персоны из состава офицеров-тептярей, что составляет 88,8% к общему числу офицеров-тептярей по спискам за эти годы. Послужные списки офицеров 2-го Тептярского казачьего полка за 1800 и 1804 гг. имеют 24 общих персоны из состава офицеров-тептярей, что составляет 82,7% к общему числу офицеров-тептярей по спискам за 1804 г. и 88,8% – по спискам за 1800 г. Послужные списки офицеров 2-го Тептярского казачьего полка за 1798 и 1804 гг. имеют 22 общих персоны из состава офицеров-тептярей, что составляет 81,4% к общему числу офицеров-тептярей по спискам за 1798 г. и 75,8% – по спискам за 1804 г. Это означает, что личный состав офицеров-тептярей как 1-го Тептярского казачьего полка, так и 2-го Тептярского казачьего полка в значительной степени совпадает по рассматриваемым послужным спискам и в них в большинстве своем значатся те, кто начал свою службу в тептярских полках с момента их основания в 1790 г.

Выявлено, что некоторые офицеры-тептяри, числящиеся в послужных списках офицеров тептярских казачьих полков за 1798, 1800 и 1804 гг., продолжили службу и после истечения 15-летнего срока службы. Некоторые из таких офицеров, продолжая служить в тептярских казачьих полках, приняли участие в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах 1813–1814 гг. Были среди них и те, кто начал службу в тептярских казачьих полках с момента их создания в 1790 г.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вклад Башкирии в победу России в Отечественной войне 1812 года. Сборник документов и материалов / сост. Р.Н. Рахимов [и др.]. Уфа: Китап, 2012. 488 с.
2. *Калинин С.Е.* Тептярские казахи полки в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах 1813–1814 гг. Интернет-проект «1812 год». URL: <http://www.museum.ru/museum/1812/Army/Kalinin6/index.html> (дата обращения: 02.05.2025).
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 (ПСЗ РИ-1). Т. XXV. №18701.
4. ПСЗ РИ-1. Т. XLIII. Книга штатов: Ч.1: Штаты военно-сухопутные (1711–1800): 1796–1800. 156 с.
5. *Рахимов Р.Н.* История тептярских конных полков, 1790–1845: монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. 242 с.
6. *Рахимов Р.Н.* История тептярских конных полков. Уфа: Китап, 2022. 168 с.
7. *Шарафиев Э.И.* Послужные списки тептярских казачьих полков как исторический источник // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т. 14, №4. С. 50–63. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.50-63>

Информация об авторе:

Шарафиев Эмиль Илхамутдинович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0005-1969-8933; e-mail: magdiev.emil@gmail.com

Поступила 02.05.2025

Принята к публикации 23.05.2025

Officers of the Teptyar Cossack Regiments in the late 18th –
early 19th centuries (according to service records)

E.I. Sharafiev

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article is devoted to the study of the officer corps of the 1st and 2nd Teptyar Cossack Regiments based on the service records of the Teptyar Cossack Regiments for 1798, 1800 and 1804, found in the collections of the Russian State Military Historical Archive. The author examines the number and personnel of officers, including those with officer ranks in positions from pentecostal to field colonel, the time of the beginning of their service. The issue of the participation of officers of the Teptyar Cossack

Regiments, indicated in the service records for 1798, 1800 and 1804, in the Patriotic War of 1812 and the Foreign Campaigns of the Russian Army of 1813–1814 is studied.

Keywords: Teptyars, Teptyar Cossack Regiments, 1st Teptyar Cossack Regiment, 2nd Teptyar Cossack Regiment, service (formulary) records, Teptyar officers, field colonel, Prince Abdulmazit Abdulzalilov Kasimov, Abdulvagap Moseev, Khamit Sagitov.

For citation: Sharafiev E.I. Officers of the Teptyar Cossack Regiments in the late 18th – early 19th centuries (according to service records). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.2, pp.57–70. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-2.57-70> (In Russian)

REFERENCES

1. *Bashkiria's contribution to Russia's victory in the Patriotic War of 1812. Collection of documents and materials*. Compiled by R.N. Rakhimov et al. Ufa: Kitap, 2012. 488 p. (In Russian)
2. Kalinin S.E. Teptyar Cossack regiments in the Patriotic War of 1812 and Foreign Campaigns of 1813–1814. *Internet project "1812"*. URL: <http://www.museum.ru/museum/1812/Army/Kalinin6/index.html> (accessed: 02.05.2025). (In Russian)
3. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1 (PSZ RI-1)*. Vol.25, no.18701. (In Russian)
4. *PSZ RI-1*. Vol.43: Book of States: Part 1: States military ground forces (1711–1800): 1796–1800. 156 p. (In Russian)
5. Rakhimov R.N. *History of the Teptyar cavalry regiments, 1790–1845: monograph*. Ufa: Editorial and Publishing Center of Bashkir State University, 2008. 242 p. (In Russian)
6. Rakhimov R.N. *History of the Teptyar cavalry regiments*. Ufa: Kitap, 2022. 168 p. (In Russian)
7. Sharafiev E.I. Service records of the Teptyar Cossack regiments as a historical source. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.4, pp.50–63. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.50-63> (In Russian)

About the author:

Sharafiev Emil Ilkhamutdinovich – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0009-0005-1969-8933; e-mail: magdiev.emil@gmail.com

Received May 2, 2025

Accepted for publication May 23, 2025

УДК 94(470.4)"18/19":394

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-2.71-88>

О месте и роли этнокультурного фактора в переселенческом движении волжских крестьян на земельные окраины России в конце XIX – начале XX века

Г.А. Николаев

Исследователь

Чебоксары, Российская Федерация

В конце XIX – начале XX в. в Российской империи в переселенческое движение была вовлечена огромная масса людей. Его основной поток был направлен из густонаселенных регионов страны в малозаселенные земельные окраины. Рост численности населения и прогрессирующее малоземелье обусловили отток крестьян и из многонациональной деревни Среднего Поволжья. В региональной литературе данное многосложное явление освещается главным образом в социально-экономическом и социально-политическом ракурсах, что и оправдано, и востребовано. Вместе с тем, поскольку миграции населения, как и многие социокультурные составляющие реальной действительности, несли на себе и отпечаток воздействия этнокультурного фактора, представляется необходимым обратить внимание и на данный сегмент темы, ибо каждой этнической общности присущи свой образ жизни и поведенческий стереотип. Данная статья преследует цель оттенить роль и место национального момента в переселенческом движении волжских крестьян на земельные окраины страны. Автор настоящих строк считает, что подобная проекция добавит новые краски в его оценке и понимании. При этом он находит роль этнокультурного фактора хотя и значимой, но, вместе с тем, и отнюдь не определяющей составляющей в механическом движении сельского населения.

Ключевые слова: Волго-Уралье, Сибирь, капитализм, этносы, крестьяне, переселенческое движение, этнокультурный фактор

Для цитирования: Николаев Г.А. О месте и роли этнокультурного фактора в переселенческом движении волжских крестьян на земельные окраины России в конце XIX – начале XX века // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №2. С.71–88. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-2.71-88>

В региональной исторической литературе переселенческое движение волжских хлебопашцев в конце XIX – начале XX в. освещается преимущественно в социально-экономическом и социально-политическом аспектах. Подобный подход к изучению механического движения населения и ожидаем, и правомерен. Отток жителей с густонаселенных регионов страны в малонаселенные был закономерным процессом и имел своей основой

прежде всего хозяйственно-экономические составляющие. На рубеже веков, как массовое явление, порожденное сравнительно быстрым ростом сельского населения и обострением в этой связи «земельного голода», оно находилось в центре внимания правительства. Более того, в начале нового столетия организация переселений стала составной частью аграрной реформы, вошедшей в историю под названием «столыпинской». В многонациональной и поликонфессиональной стране, каковой была Российская империя, все имевшие в разных сферах жизни общества процессы в той или иной мере были пронизаны и этнокультурной составляющей. Не составляло исключение в данном плане и миграции населения. В этой связи находим правомерным рассмотрение в этнокультурной проекции в выделенный ими отрезок времени переселенческого движения крестьян Казанской и Симбирской губерний. Такой подход призван оттенить новые грани в данном многосложном социокультурном явлении.

Представляется уместным начать погружение в тему с показа масштабов миграции сельского населения на земельные окраины страны и этнического состава переселенцев. Отток жителей из средневожских губерний в конце XIX – начале XX в. в имеющихся статистических обследованиях отражен преимущественно только по одному направлению – в азиатскую часть Российской державы. В этот обширный регион в изучаемое время устремлялось до 76,1% всех мигрантов страны [3, с.54]. По неполным данным, за период с 1896 по 1916 г. из Казанской и Симбирской губерний в Сибирь, на Дальний Восток, в Казахстан и Среднюю Азию выехало соответственно 46 196 и 40 720 переселенцев [подсчитано по: 9, с.14–15; 10, с.14–15]. Отлив мигрантов из региона в губернии Европейской России был в разы меньшим. Ее земельные окраины обладали куда меньшим объемом земель, удобных для хлебопашества. Так, в Самарской, Оренбургской и Уфимской губерниях основная часть таковых угодий была освоена переселенцами, в их числе казанцами и симбирцами, еще в предыдущее время [5, с.203–236; 35; 36, с.67–72; 38, с.33–86]. В изучаемый период водворение волжских крестьян на колонизируемые земли Волго-Уралья уже не было массовым, как некогда раньше. Объем пригодных для хлебопашества земель в них почти или в большей мере уже был исчерпан [11, с.134; 31, с.75]. Часть волжских крестьян, как, к примеру, татарский хлебопашец Н Новоуринского сельского общества Царевококшайского уезда Казанской губернии, причисленный в начале XX в. к обществу мещан г. Троицка Оренбургской губернии¹, мигрировала в города².

К сожалению, имеющиеся в распоряжении исследователей исторические источники не позволяют установить этнический состав переселенцев.

¹ Государственный архив Республики Марий Эл (ГА РМЭ). Ф.133. Оп.1. Д.3. Л.127 об.–128.

² Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф.1562. Оп.20. Д.4. Л.1, 2.

Степень мобильности национальных групп крестьянского населения может быть установлена лишь опосредованно. Полагаем, что таким критерием/показателем может служить доля приписных отсутствующих семей в общем числе наличных и отсутствующих крестьянских семейных союзов. Последняя группа включала в свой состав как временных трудовых мигрантов (отходников), так и переселенцев и потенциальных переселенцев. В частности, по Симбирской губернии экономический строй отсутствующих дворохозяев в материалах земского обследования 1910–1911 гг. характеризуется следующими параметрами. Из них явствует, что в составе названной категории сельских жителей 35,2% семей являлись безземельными, 49% – сдавали свои наделы и купчие земли в аренду. При этом оставившие место приписки 48,2% мужчин и 3,9% женщин были круглый год заняты «промыслами». Приписное наличное сельское население в названной проекции представляет хозяйства с иным экономическим строем: безземельные – 6,6%, сдающие свои наделные и купчие земли в аренду – 12,5%, занятые круглый год «промыслами» мужчины – 9%, занятые круглый год «промыслами» женщины – 1,1% [подсчитано по: 22–29].

Обычно переселениям крестьян предшествовали «походы» ходоков и отходников. Более того, часть последних де-факто являлась переселенцами. Подобная ситуация предстает, в частности, из корреспонденции жительницы русского села Кургул Спасского уезда Казанской губернии Е.Н. Петровской: «Часть молодежи ежегодно уходит в город за работой и остается там навсегда; кое-кто отправляется со своим мастерством в Сибирь на год, на два, иногда лет на десять с побывками; некоторые, устроившись на новом месте, забирают и семью» [21, с.295]. Еще одно необходимое пояснение. Поскольку в составе мигрантов отходники в разы превосходили по численности переселенцев, постольку полученные нами сводные результирующие показатели будут отражать в первую очередь национальный состав хлебопашцев, отлучающихся на заработки. Вместе с тем, они дают определенное представление и о национальном составе переселенцев, ибо отходничество и переселенческое движение в социально-экономическом отношении принадлежат к явлениям одного и того же порядка.

В Казанской губернии, как можно судить по косвенным данным, чаще были подвержены миграции русские крестьяне. К 1907 г. доля отсутствующих семей в общем числе семейных союзов у них равнялась 9,5%. В порядке убывания данной статистической характеристики следующие позиции за великороссами занимали хлебопашцы из татар – 6,9%, мордвы – 4,7%, чувашей – 1,09%, удмуртов – 1,08%, мари – 0,9% [подсчитано по: 15, с.124]. В Симбирской губернии величина принятого критерия этнических групп крестьянского населения от наибольшего к наименьшему образует во многом схожую цифровую «лестницу»: русские (данные за 1910–1911 гг.; доля приписных отсутствующих семей в общем числе приписных семей) – 13,9%, мордва – 10,5%, татары – 10,4%, чуваша – 4,7% [подсчитано по: 22–29]. Первую позицию по мобильности и здесь занимают вели-

короссы. Мордва, находящаяся на втором месте, опережает татар лишь на одну десятую процента. Чувашские хлебопашцы, замыкающие названный ряд, уступают и русским, и мордве, и татарам.

Работая в научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук, мы наткнулись на любопытный документ, объясняющий исход волжских переселенцев на колонизируемые земли страны. В этнографической записке Петра Иванова, написанной в начале XX в., читаем: «Переселились на новую землю (в Томскую губернию. – Г.Н.) чувашши: из с. Бушанча Свияжского уезда [Казанской губернии] – три двора, жившие в смесь с русскими и полуобрусевшие. Причины: главная – мало-земелье, и потом *вынудительное отношение к переселению их со стороны русских, также и отношение [к ним] татар в окружности, и господство их в данной местности над чувашами* (курсив наш. – Г.Н.)»³. Крестьяне, водворявшиеся в малозаселенных регионах страны, свое решение покинуть малую родину и перебраться в неведомый прежде край практически всегда объясняли недостатком земли. В качестве дополнительного толчка, вынуждавшего их решиться на такой кардинальный шаг, иногда ими указывалось на отсутствие в местах приписки выгонов и лесных участков, на плохое качество обрабатываемых земель, на рост арендных цен на сельскохозяйственные угодья, на частые неурожаи хлебов, на изобилие оврагов на полях, на обременительность содержания многочисленных мостов и гатей, а также на прочие обстоятельства данного ряда [13, с.44–45]. В свете фрагмента текста приведенного нами документа, как видим, перечень сопутствующих причин, толкавших землепашцев на переселение, был шире. Отчасти он был вызван и этнокультурной составляющей – притеснением их на малой родине этническими соседями.

Здесь представляется уместным небольшое пояснение, касающееся взаимоотношений крестьян разных национальностей в Средневолжском регионе. В эпоху капиталистической модернизации волжские этносы вступили, имея в своем социокультурном багаже богатый опыт добрососедских отношений. Их связывали контакты и связи самого разного плана. Члены этнических общин совместно проводили мини-ярмарки, приглашали друг друга на свои традиционные праздники, предоставляли путникам-иноплеменникам стол и кров, при общении друг с другом, оказывая почтение их традициям и культуре, переходили на язык партнеров, вместе разрешали возникающие сложные жизненные ситуации и т.д. Случалось, что они вступали между собой и в брачные союзы [19, с.70–290]. Крестьяне разных национальностей тесно контактировали и в хозяйственно-экономической сфере. Подобная картина была характерна прежде всего для местностей, где они проживали по соседству. В исторических источ-

³ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр.177. Л.643.

никах полно свидетельств об этой стороне их отношений⁴. В местностях компактного расселения этносов межэтническое взаимодействие обеспечивал собой главным образом торгово-промышленный люд из великороссов и татар-мусульман⁵.

Вместе с тем отношения разнонациональных аграрных социумов на Средней Волге включали не только тенденцию сближения – а она была преобладающей, но и дистанцирования. Появление инонациональных и иноконфессиональных хлебопашцев в своем сельском обществе или ближайшей округе крестьяне не всегда воспринимали позитивно. В итоге в части таких местностей между ними возникали неприязненные отношения, которые, случалось, в эпоху рыночных реалий имели своим следствием отселение групп семей в другой населенный пункт [7, с.76]. В дореформенное время в аналогичной ситуации, бывало, и жители всего населенного пункта переселялись в другую местность [8, с.141]. В конце XIX – начале XX в. в некоторых этнически и конфессионально смешанных селах и деревнях дистанцирование этнических партнеров друг от друга приводило и к учреждению автономных в административном и земельном отношениях сельских обществ [18, с.55–68]. В контексте всего сказанного упоминание современника неприязненных отношений с этническими соседями в качестве сопутствующей причины, толкавшей уроженцев волжской деревни на переселение в Сибирь, не выглядит неожиданным, а тем более надуманным свидетельством. Трения между членами разнонациональных аграрных социумов на волжской земле имели место, но не везде они приобретали остроту и сравнительно быстро гасились вовлеченными в них сторонами.

Миграция населения имела своим следствием взаимодействие различных хозяйственных систем, этноконфессиональных пространств и этнических менталитетов. Она объективно не могла быть абсолютно безболезненным процессом. И пересаживаемое на другой участок деревце, лишь переболев, дает новые побеги. Конфликтное начало в переселенческом движении было приумножено и тем обстоятельством, что оно неразрывно было связано с проводимой правительством национальной и аграрной политикой. Обычно лишь пройдя сквозь череду испытаний самого разного рода, мигранты налаживали привычный ритм жизни на новом месте. Случалось, что в течение длительного времени они вынуждены были жить на навязываемых им инонациональным окружением условиях, считаться с их обычаями и царившими в их среде нравами.

Обратимся к составленной в начале XX в. священником Стефаном Ефремовым историко-этнографической рукописи – она также хранится в научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных

⁴ Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф.39. Оп.1. Д.246. Л.36.

⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр.174. Л.67.

наук, где автор, опираясь на сохранившиеся документы – «целую связку довольно ветхих полуистлевших бумаг», изложил историю с. Ефремкино (Денисово) Стерлитамакского уезда Уфимской губернии. Начало названному населенному пункту положили чувашские хлебопашцы Самарской губернии, переселившиеся в 1780 г. к башкирам по договору о припуске «по недостатку к извороту своей пахотной земли и других угодий». Заключенная сделка оказалась неудачной. Выяснилось, что новоселы купили спорное владение. Расплата за проявленную беспечность не заставила себя долго ждать: в 1781 г. «башкиры деревни Тюкуновой лишили их [переселенцев] собственных домов, скота и птиц, разграбили у них разные вещи, избили их и прогнали с той земли». Последовал новый договор с башкирами на водворение в «пустолежащем и никем не заселенном урочище». И поселившись на выделенном им месте, чувашаи продолжали терпеть от окрестного населения разные «оскорбления и обиды». В 1795 г. новоселы «за плату по десяти рублей с каждой души» приписали в свое сельское общество соплеменников из Казанской и Симбирской губерний, оставивших прежнее место жительства в поисках лучшей доли. По всей видимости, данный шаг ефремкинцами был сделан для облегчения тяжести возложенной на них башкирами «дани»: ежегодных плат скотом, птицей, яйцами, водкой, вином и деньгами. Лишь в пореформенное время в связи с размежеванием башкирских земель поборы с ефремкинцев пошли на убыль: «с 1870 г. чувашаи сняли с себя некоторую тягость»⁶.

Описанная служителем православного культа Стефаном Ефремовым «система кормления» на башкирских землях, как видим, благополучно перешагнула с XVIII – первой половины XIX в. в эпоху капиталистической модернизации. В распоряжении исследователей имеются и другие свидетельства, подтверждающие эту ситуацию. Так, начало пос. Семеновский Стерлитамакского уезда Уфимской губернии было положено в 1890 г. уроженцами русских деревень Симбирской губернии. Ранее их ходами были высмотрены и заторгованы душевые наделы жителей д. Сабашево площадью 530 дес. по восемь рублей на следующих условиях: «одну половину денег уплатить при написании приговора, а вторую – при совершении купчей». В 1892 г. башкиры получили часть причитающейся суммы: им было уплачено «по шесть рублей за десятину». Но оформление купчей крепости на земельное владение затянулось на целых пять лет: мигранты никак не могли добиться высылки с родины увольнительных свидетельств. В свою очередь для их выдачи сельские общества Симбирской губернии требовали от выехавших хлебопашцев предоставить им купчую крепость на приобретенное владение. Получался замкнутый круг. За это время переселенцы четыре раза съездили к землякам. Но все они не принесли никакого результата. Тупиковая ситуация разрешилась лишь после вмешательства местного земского начальника. В 1897 г. долгожданная

⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр.256. Л.17–13.

купчая крепость сторонами, наконец, была оформлена. Но из-за продолжительного оформления сделки мигранты понесли чувствительные финансовые издержки. Только на «темные» – угощения продавцов земли и преподношения им всяких подарков – они потратили сумму, которая составила до «пяти рублей за десятину» [17, с.216–217]. В 1894 г. в данном же уезде сорвалась согласованная с башкирами сделка жителей русско-мордовского поселка Ключевский на покупку земли площадью 801 дес. по шесть рублей. Выходцы из Симбирской губернии – в населенном месте они составляли большинство, и трех других губерний страны, проживающие в нем, не сочли возможным удовлетворить требования продавцов уплатить сверх причитающихся им денег еще «темных» в сумме 200 руб. [17, с.135]. Подобная «система кормления» башкир на Урале получила сравнительно широкое распространение [1, с.341–342].

Но втиснув отношения башкир и новоселов в крыловскую антитезу «Волк – Ягненок», мы донельзя исказили бы реалии действительности. В хозяйственно-поведенческом плане и мигранты не являлись «ангелами во плоти». В пореформенное время в числе лиц, путем обмана и насилия расхищавших башкирские вотчинные владения, были и водворившиеся к ним из других губерний хлебопашцы, включая и средневожские. Укажем лишь на один подобный случай. В 1878 г. великороссы с. Елшанка Сызранского уезда Симбирской губернии в числе 25 домохозяев в Орском уезде Оренбургской губернии сняли в аренду у генерала Москвина участок земли в 1 200 дес. на шесть лет «по 33 коп. за десятину в год», на котором основали хутор Симбирский. Вскоре к ним присоединились еще 40 семей земляков. В 1884 г., изучив царившие в среде башкир порядки и нравы, симбирцы взяли в аренду у них участок 5000 дес. за 300 руб. в год на 12 лет, на котором основали еще одно населенное место – хутор Ново-Симбирский. Окрестные башкиры, «побуждаемые нуждой и голодом», сами стали просить их купить у них хотя бы часть арендованного участка. Новоселы не упустили столь благоприятную возможность нажиться за счет этнических соседей: было куплено 1500 дес. земли, которые обошлись им вместе с «темными» всего в 2 руб. 50 коп. за каждую десятину. Причем даже они выплачивались продавцам не столько наличными, сколько всякой рухлядью – старой одеждой и обувью, ненужной сбруей и т.п. В 1893 г. симбирцы приобрели у башкир еще один участок в 581 дес. Новая собственность обошлась им вместе с «темными» «рубля по три за десятину». Втридорога сбывались башкирам великороссами старые седла, полущубки и прочая всякая всячина [4, с.367–372]. Естественно, и новоселы, и старожилы, вовлеченные в хозяйственно-бытовые трения, награждали своих компаньонов хлесткими эпитетами, затрагивающими и их национальную принадлежность. Так, уфимских и оренбургских соплеменников, прибегающих в повседневной действительности к обману, воровству

и мошенничеству, чуваши Казанской и Симбирской губерний причисляли к числу лиц, «сильно зараженных башкирством»⁷.

Стена отчуждения между новоселами и старожилами и в Сибири возводилась и первыми, и вторыми. Хотя и не всегда, в ее основе лежал прежде всего хозяйственно-экономический фактор. Так, в пос. Чебаксы Тобольского округа одноименной губернии, основанном выходцами из Казанской и Вятской губерний, на почве земельных отношений имели место взаимные побоища пришлого и местного населения [33, с.36]. Свысока, «обнаруживая даже некоторое ненавидство», относились старожилы к новоселам и в пос. Покровский Тобольского округа одноименной губернии. Выходцы из Мамадышского уезда Казанской губернии, проживающие в нем, вынуждены были отрабатывать вдвойне за взятые у них в долг деньги, хлеб, скот и сельскохозяйственный инвентарь [33, с.67].

Новопоселенцы, особенно представленные выходцами из разных административно-территориальных единиц, далеко не всегда находили общий язык в районах вселения и с собратьями по хозяйственно-экономической операции. Именно такая ситуация наблюдалась, к примеру, в пос. Наумовский Томского округа одноименной губернии: «внутри общества установились очень дурные отношения». Он был основан переселенцами в 1890 г. Спустя четыре года в нем стали проживать 68 семей мигрантов Вятской, Казанской, Курской, Пензенской, Пермской, Тамбовской и Тобольской губерний. Большинство в их составе являли собой выходцы с Волги, представленные 42 семейными союзами. Крестьянами, добравшиеся сюда первыми, были захвачены «все лучшие и достаточно близкие к усадьбам пашни». Более того, прибывшим после них хлебопашцам они «не давали косить и рубить лес» [13, с.76, 81]. И в данном случае, как видим, в основе трений лежит все тот же извечный хозяйственно-экономический интерес.

Но дистанцирование выходцев разных губерний от старожилов и друг от друга в местах водворения происходило и из-за принадлежности сторон к разным этническим общинам. Весьма показательна в этом плане ситуация, связанная с основанием пос. Беловодское Мариинского округа Томской губернии. Населенный пункт возник в 1890 г. Его первыми жителями стали переселенцы из четырех губерний Европейской России: Курской – 71 семья, Орловской – 14 семей, Самарской – 1 семья, Казанской – 1 семья. В составе новоселов 71 семья представляла русский этнос, 4 – украинский, 2 – чувашский. Вскоре в поселке появились новые семьи мигрантов. В частности, в 1892 г. в нем перезимовала два десятка семей чувашских крестьян, добравшихся сюда из селений Буинского и Симбирского уездов Симбирской губернии. Новоприбывшим чувашам местный чиновник разъяснил, что они могут водвориться в среду жителей населенно-

⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр. 281. Л.18; Ед. хр. 283. Л.40–43.

го пункта, если получают от них приемный приговор. Но симбирцы, по-видимому, нашли последнее пустой формальностью и начали ставить себе избы в поселке. В итоге самоуверенность и легкомыслие обошлись волжанам ощутимыми социально-психологическими и хозяйственно-экономическими издержками. Когда их срубы были почти готовы, поселковцы объявили новоприбывшим свое решение: в приеме в состав сельского общества отказать. Причем оно было мотивировано именно национальным моментом: «Мы хохлы (украинцы. – Г.Н.), вы не русские, согласия не будет». Все 16 изб, построенных ими, курянами и орловцами были изъяты и переданы своим землякам из числа прибывших новых переселенцев [12, с.259]. Вслед за своими сородичами вскоре покинули поселок и его основатели из чувашей, не пожелав жить в среде высокомерных великороссов и малороссов. Еще один подобный пример. Попытка десяти семей марийских и чувашских крестьян Казанской губернии водвориться в 1893 г. в основанный русскими хлебопашцами Вятской губернии пос. Петровский Тарского округа Тобольской губернии также не удалась из-за нежелания русских крестьян жить по соседству с «инородцами» в одном населенном пункте [33, с.8]. На рубеже XIX–XX столетий география этнической конфликтности в Российской империи включала именно зоны взаимодействия этнокультурных пространств: Нижнее и Среднее Поволжье, Южное Приуралье, юг Западной Сибири, Приморье [16, с.91].

В свете имеющихся исторических источников высвечивается еще одна любопытная ситуация, имеющая прямое отношение к рассматриваемой теме. В начале XX в. чувашские крестьяне, мигрировавшие в Сибирь с башкирских земель, дистанцировались от соплеменников, перебравшихся в этот суровый край из Казанской и Симбирской губерний. В частности, как сообщает священник Григорий Тимофеев, в Щегловском уезде Томской губернии – в с. Тапа и его округе – они не посылали сватов к волжским сородичам, объясняя это тем, что в отличие от них «они темны»⁸. К себе в местах водворения они принимали башкир и сородичей из Башкирии. В свою очередь и переселенцы из Казанской и Симбирской губерний не особо жаловали соплеменников из Уфимской и Оренбургской губерний: находили их «дикими». В основе подобного поведения чувашских мигрантов из Поволжья и Приуралья на сибирской земле, как представляется нам, лежит этноконфессиональный фактор. В конце XIX – начале XX в. в синкретизированном религиозном сознании башкирских чувашей языческий и мусульманский пласты занимали куда больший вес, чем у их волжских соплеменников [34, с.237–240]. В изучаемый период, хотя и не все, но очень многие из уфимских и оренбургских чувашей, были потомками сородичей, перебравшихся туда с волжских земель в предыдущие века с целью избежать крещения. Это обстоятельство, естественно, не могло не сказаться на поведенческом стереотипе их потомков, перенявших от предков языческие обычаи и традиции. На месте водво-

⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр. 281. Л.39.

рения – и в дореформенное время, и в пореформенный период, и позднее – этническими соседями чувашей, как, к примеру, в Бижбулякском приходе Белебеевского уезда Уфимской губернии, где, согласно свидетельству местного служителя православного культа, «все чувашские деревни» были «окружены татарскими и башкирскими селениями» [20, с.61], очень часто были приверженцы ислама. В результате, тесно контактируя с ними в житейско-бытовой сфере, многие чуваша стали жить на башкирский или татарский лад: общаться на языке этнических партнеров, петь их песни, посещать мечети, родниться с мусульманами и т.д. [20, с.50, 123, 149, 186–203]. Что касается миссионерского дела, то оно в Среднем Поволжье, по-видимому, было поставлено лучше, чем в Приуралье. Так, чувашский священник Андрей Петров-Туринге, перебравшийся из Симбирской губернии на новое место службы в Уфимскую губернию, нашел, что «татарская сила в действительной жизни Казанского края действует» не столь смело и публично, как в Уфимском. В последнем он чувствовал себя «совершенно подавленным господствующим духом мусульманства» [20, с.203].

В «стране березового ситца», как с любовью величал свое Отечество великий русский поэт С.А. Есенин, с ее множеством народов и народностей, перемещение из одного региона в другой объективно имело своим следствием для пришельцев погружение в иноязычную, а часто – и в иноконфессиональную среду. Перспектива оказаться в чужой этнокультурной среде для переселенцев умножалась и обстоятельствами внешнего плана. Исходя из геополитических задач, правительство нередко прибегало к регулированию этнического состава переселенцев [6; 32]. Для отдельных территорий подобная мера оборачивалась искусственным усилением этнической пестроты населенных мест в местах водворения мигрантов. Так, законом от 15 апреля 1896 г. властям Тобольской и Томской губерний (кроме Алтайского горного округа), а также Степного и Иркутского генерал-губернаторств, правда, с оговоркой «по возможности», предписывалось, чтобы прибывавшие на их территории нерусские переселенцы были включаемы в состав сельских обществ из мигрантов русского происхождения [30].

«Великий незнакомец», как образно назвал хлебопашца британский социолог, один из создателей современного крестьяноведения Теодор Шанин, был не только великим тружеником, но и великим прагматиком. По жизни он хорошо знал, что в среде соплеменников ему будет комфортнее и в социально-психологическом, и в социально-экономическом, и в житейско-бытовом, и в семейно-брачном отношениях. Именно поэтому крестьяне стремились в колонизируемых районах влиться в состав сельских обществ, где проживали их сородичи и единоверцы. Так, в годы реализации столыпинской аграрной реформы, как установлено Г.Т. Бакиевой и Ю.Н. Квашниным, в Ялуторском и Тюменском округах Тобольской губернии в деревни сибирских татар водворялись переселенцы из татар, проживавшие в Казанской и Симбирской губерниях [2, с.160–161]. В тех же случаях, когда не представлялась возможность приписаться к сопле-

менникам, хлебопашцы старались попасть в среду чужаков в составе мини-групп⁹. О выраженной тяге переселенцев к сообществу соплеменников свидетельствует и следующий факт. Относительно равные по численности этнические группы новоселов, даже хорошо ладившие между собой, в основанных населенных пунктах, тем не менее предпочитали селиться на своих особых улицах – концах. К их числу принадлежит, в частности, пос. Ново-Панфиловский Барнаульского округа Томской губернии. Начало ему в 1882 г. положили выходцы Курской, Рязанской, Симбирской и Харьковской губерний. Став членами одного сельского общества, живущие в согласии великороссы, украинцы и мордва, все же решили жить каждая в собственном конце [37, с.316].

Для отдельных семей новоселов пребывание в иной этнокультурной среде стало и вовсе непреодолимым испытанием. Так, семья чувашского крестьянина д. Токшик Козьмодемьянского уезда Казанской губернии Петра Шкалева в составе девяти человек, причисленная в конце 1897 г. в пос. Новогеоргиевск Томского округа одноименной губернии, с вселением в населенное место уроженцев восьми других административно-территориальных единиц европейской части страны, которым были присущи «свои порядки и обычаи», сочла, что в обществе чужаков, им, как чувашам, «жить невозможно» и настало время вернуться к волжским берегам. Очевидно, еще большим внешним толчком к принятию ими столь кардинального решения послужило то обстоятельство, что двое взрослых сыновей домохозяина никак не могли найти себе брачных партнеров в округе: «невест-чувашек нет поблизости, а русская не пойдет». 20 июля 1900 г. глава семейства подал прошение в Министерство внутренних дел о причислении себя и других членов семьи в родное сельское общество, откуда он выехал в Сибирь¹⁰. Как видим, и отток переселенцев с мест водворения на прежнюю малую родину отчасти был обусловлен этнокультурным фактором.

Разумеется, преувеличение степени воздействия этнокультурной составляющей повседневной действительности на механическое движение сельского народонаселения столь же неприемлемо, как и его оставление «за кадром». В конце XIX – начале XX в. активно осваивавшиеся мигрантами губернии и области Российской империи не входили в число административно-территориальных единиц с самым высоким уровнем этнической конфликтности [16, с.74, 91–92]. Районы, где оседала основная масса переселенцев, отличали наличие значительных массивов неосвоенных земель и относительно низкая плотность населения. Такая их специфика не могла не способствовать сравнительно безболезненному разрешению большинства хозяйственно-экономических и прочих трений между старожилами и волжскими новопоселенцами. Более того, и имевшие здесь меж-

⁹ ГИА ЧР. Ф.53. Оп.1. Д.1513. Л.4, 4 об., 5, 5 об.; Ф.67. Оп.1. Д.987. Л.1–7.

¹⁰ ГА РМЭ. Ф.67. Оп.1. Д.102. Л.6, 6 об.

ду ними неприязненные отношения со временем, случалось, кардинально менялись – они перерастали в толерантные, добрососедские [33, с.498].

Конечно же, водворение пришлого населения в среду коренных жителей Урала, Сибири, Средней Азии, Дальнего Востока и других регионов далеко не всегда имело своим обязательным следствием житейско-бытовые и этнокультурные коллизии. Новоселы пос. Никулинское Каинского округа Томской губернии, «главную массу» которых составляли русские бывшие помещицы крестьяне Карсунского уезда Симбирской губернии, к примеру, очень тепло отзывались о местных старожилах: «дают им под работу все необходимое – хлеб, лошадей, сохи и т.д.» [14, с.8, 10]. В 1890 г. в Загваздинскую волость Тобольского округа одноименной губернии прибыла первая партия переселенцев в составе 56 семей из Казанской губернии, представленная марийскими и чувашскими крестьянами. Лишь спустя два года им удалось получить разрешение на поселение в местности Услон, расположенной в глухом урмане за р. Иртыш. Через год в поселке, получившего название Казанский, была поставлена первая изба. Между пришлым и местным населением сложились толерантные, прагматические отношения, основанные на учете интересов друг друга. Старожилы сужали новоселов без процентов деньгами и хлебом, в свою очередь новоселы нанимались к ним на полевые работы. Хорошо ладили переселенцы и между собой. В ближней и дальней округе трудолюбивые выходцы с Волги вскоре приобрели известность выделкой гнутой мебели из черемухи. Изготовленные мари и чувашами стулья получили распространение по всему Тарскому округу [33, с.1–3]. И крестьяне с. Балабаш-Баишево, д. Бахтигильдино, д. Бюртли-Шигали, д. Кокшаново, д. Сидели, д. Янгильдино Буинского уезда Симбирской губернии, переселившиеся в 1910 г. в Верхне-Осинский улус Балаганского уезда Иркутской губернии, очень быстро сумели найти общий язык с местным окрестным населением. Установив с бурятами тесные контакты, новоселы стали снимать в аренду у них земли для посева. Об этнических соседях чувашские хлебопашцы отзывались очень тепло: находили свои отношения с ними братскими¹¹.

К изложенному выше в качестве обобщения, пожалуй, может быть приведено следующее очень тонкое наблюдение современника, прибывшего из Средней Волги в Сибирь. Чувашский священник Георгий Тимофеев правомерно заключает, что в конце XIX – начале XX в. Азиатская часть Российской империи «в старом смысле» переживает кризис и очень рационально перекраивается «на новый европейский лад»: «здесь всякого звания люди живут, дружатся и друг друга не корят»¹². Тем самым косвенно им подчеркнут и переплетение этнокультурного фактора с переселенческим движением.

¹¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр.177. Л.713.

¹² НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр.281. Л.17, 18.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Анпаримова Е.Ю., Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В. Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII – начале XX века. М.: Наука, 2003. 381 с.
2. Бакиева Г.Т., Квашинин Ю.Н. Поволжские татары в Западной Сибири: особенности расселения и этнокультурного развития // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. №3 (22). С.156–164.
3. Брук С.И., Кабузан В.М. Миграции населения в России в XVIII – начале XX века (численность, структура, география) // История СССР. 1984. С.41–59.
4. Волгин Ал. Село Ново-Симбирское // Оренбургские епархиальные ведомости. 1907. №26–27. С.367–375.
5. Димитриев В.Д. Чувашские исторические предания: Очерки истории чувашского народа с древних времен до середины XIX века. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. 446 с.
6. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма: (начало XX в.) // Вопросы истории. 1996. №11–12. С.39–53.
7. Износков И.А. Список населенных мест Казанской губернии, с кратким описанием их. Вып. 2. Лаишевский уезд. Казань: Тип. губерн. правления, 1895. 115 с.
8. Износков И.А. Список населенных мест Мамадышского уезда // Труды Четвертого археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. Т.1, отд. 1. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1887. С.116–148.
9. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 гг. (включительно) / сост. Н.Турчанинов. Пг., 1910. 85 с.
10. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 гг. (включительно) / сост. Н.Турчанинов и А.Домрачев. Пг., 1916. 81 с.
11. Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма (1900–1917 гг.). Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1982. 198 с.
12. Кауфман А.А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии. Т.1. Ч.1. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1895. XXV, 348, 177 с.
13. Кауфман А.А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии. Т.1. Ч.2. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1895. [6], 140, 81 с.
14. Кауфман А.А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии. Т.1. Ч.3. СПб.: Тип. Безобразова и К°, 1896. [6], III, 150, 337 с.
15. Крестьянское землевладение Казанской губернии. Свод по губернии. Вып. 13. Казань: Литотип. И.Н. Харитонова, 1909. 305 с.
16. Курпrianов А.И. Этническая конфликтность в России: 1881–1904 гг. // Мировосприятие и самосознание русского общества. Ментальность в эпохи потрясений и преобразований. Вып. 4. М., 2003. С.74–94.
17. Михайлов В.П. Переселенцы и переселенческое дело в Стерлитамакском уезде Уфимской губернии. Уфа: Тип. губерн. правления, 1897. [2], XII, 282 с.
18. Николаев Г.А. Документы о формировании в социальном пространстве чувашско-татарских населенных мест Симбирской губернии автономных сель-

ских обществ и земельных общин во второй половине XIX – начале XX в. // Га-сырлар авазы – Эхо веков. 2023. №1. С.55–68.

19. *Николаев Г.А.* Мир волжской деревни во второй половине XIX – начале XX века. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2022. 416 с.

20. Образование и христианское просвещение чувашей Волго-Уралья во второй половине XIX – начале XX века: документы и материалы из фондов Н.И. Ильминского и Казанской учительской семинарии / сост., авторы вступ. статьи, археогр. предисл., примеч. Г.А. Николаев, Р.Р. Исхаков. Чебоксары: ЧГИГН; Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2023. 496 с.

21. *Петровская Е.Н.* Из жизни крестьян села Кургул // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. 1910. Т.26. Вып. 4. С.295–342.

22. Подворная перепись Симбирской губернии 1910–11 гг. Вып. 2. Алатырский уезд. Симбирск: Типолит. губерн. правления, 1913. С.2–73.

23. Подворная перепись Симбирской губернии 1910–11 гг. Вып. 3. Ардатовский уезд. Симбирск: Типолит. губерн. правления, 1913. С.2–113.

24. Подворная перепись Симбирской губернии 1910–11 гг. Вып. 4. Буинский уезд. Симбирск: Тип. А.П. Балакирщикова, 1914. С.2–121.

25. Подворная перепись Симбирской губернии 1910–11 гг. Вып. 5. Карсунский уезд. Симбирск: Типолит. губерн. правления, 1914. С.2–129.

26. Подворная перепись Симбирской губернии 1910–11 гг. Вып. 6. Курмышский уезд. Симбирск: Тип. А.П. Балакирщикова, 1914. С.2–113.

27. Подворная перепись Симбирской губернии 1910–11 гг. Вып. 7. Сенгилевский уезд. Симбирск: Тип. «Работник» М. Иванова и К°, 1914. С.2–73.

28. Подворная перепись Симбирской губернии 1910–11 гг. Вып. 1. Симбирский уезд. Симбирск: Тип. «Работник» М. Иванова и К°, 1915. С.2–73.

29. Подворная перепись Симбирской губернии 1910–11 гг. Вып. 8. Сызранский уезд. Симбирск: Тип. А.П. Балакирщикова, 1914. С.2–145.

30. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. (ПСЗ РИ-1). Т.XVI. №12777.

31. *Роднов М.И.* Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917): социальная структура, социальные отношения. Уфа: ООО «ДизайнПолиграфСервис», 2002. 314 с.

32. *Сидельников С.М.* Аграрная политика самодержавия в период империализма. М.: Изд-во МГУ, 1980. 288 с.

33. *Станкевич А.* Материалы для изучения быта переселенцев, водворившихся в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 70-х годов по 1893 год). Историко-статистическое описание 100 поселков. Т.1. М.: Тип. Общества распространения полезных книг, 1895. V, 541 с.

34. *Сухарева И.В.* Историко-культурное развитие чувашей Башкортостана (XVIII – начало XX века). Уфа: Башк. энцикл., 2019. 488 с.

35. *Тарасов Ю.М.* Русская крестьянская колонизация Южного Урала: II половина XVIII – I половина XIX в. М.: Наука, 1984. 175 с.

36. *Усманов Х.Ф.* Крестьянская колонизация Башкирии в пореформенный период // Страницы истории Башкирии. Уфа, 1974. С.67–112.

37. *Швецов С.П.* Материалы по исследованию мест водворения переселенцев в Алтайском округе. Результаты статистического исследования в 1884 г. описа-

ние переселенческих поселков. Т.4. Вып. 2. Барнаул: Типолит. при Гл. упр. Алт. округа, 1899. [8], 559 с.

38. Ягафова Е.А. Самарские чуваша (историко-этнографические очерки). Конец XVII – начало XX вв. Самара: ИЭКА «Поволжье», 1998. 369 с.

Информация об авторе: Николаев Геннадий Алексеевич, кандидат исторических наук, исследователь (Чебоксары, Российская Федерация); ORCID: 0009-0000-1443-545X; e-mail: nicga50@rambler.ru

Поступила 24.03.2025

Принята к публикации 25.04.2025

On the place and role of the ethnocultural factor in the migration
movement of Volga peasants to the agricultural outskirts of Russia
in the late 19th – early 20th centuries

G.A. Nikolaev

Researcher

Cheboksary, Russian Federation

In the late 19th – early 20th centuries, a huge mass of people were involved in the migration movement in the Russian Empire. Its main flow was directed from densely populated regions of the country to sparsely populated land outskirts. Population growth and progressive land shortage caused the outflow of peasants from the multinational village of the Middle Volga region. In regional literature this complex phenomenon is highlighted mainly in socio-economic and socio-political perspectives, which is both justified and in demand. At the same time, since population migration, like many socio-cultural components of reality, also bore the imprint of the ethnocultural factor, it seems necessary to pay attention to this segment of the topic, because each ethnic community has its own way of life and behavioral stereotype. This article aims to highlight the role and place of the national moment in the migration movement of the Volga peasants to the land outskirts of the country. The author of these lines believes that such a projection will add new colors to his assessment and understanding. At the same time, he finds the role of the ethnocultural factor, although significant, but, at the same time, by no means a determining component in the mechanical movement of the rural population.

Keywords: Volga-Urals, Siberia, capitalism, ethnic groups, peasants, migration movement, ethnocultural factor

For citation: Nikolaev G.A. On the place and role of the ethnocultural factor in the migration movement of Volga peasants to the agricultural outskirts of Russia in the late 19th – early 20th centuries. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.2, pp.71–88. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-2.71-88> (In Russian)

REFERENCES

1. Apkarimova E.Yu., Golikova S.V., Minenko N.A., Poberezhnikov I.V. *Rural and urban self-government in the Urals in the 18th – early 20th centuries*. Moscow: Nauka Publ., 2003. 381 p. (In Russian)
2. Bakieva G.T., Kvashnin Yu.N. Volga Tatars in Western Siberia: features of settlement and ethnocultural development. *Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*. 2013, no.3 (22), pp.156–164. (In Russian)
3. Bruk S.I., Kabuzan V.M. Population migration in Russia in the 18th – early 20th centuries (number, structure, geography). *History of the USSR*. 1984. Pp.41–59. (In Russian)
4. Volgin A.I. The village of Novo-Simbirskoye. *Orenburg diocesan news*. 1907, no.26–27, pp.367–375. (In Russian)
5. Dimitriev V.D. *Chuvash historical traditions: Essays on the history of the Chuvash people from ancient times to the middle of the 19th century*. Cheboksary: Chuvash Book Publ., 1993. 446 p. (In Russian)
6. Dyakin V.S. The national question in the domestic policy of tsarism: (early 20th century). *Questions of history*. 1996, no.11–12, pp.39–53. (In Russian)
7. Iznoskov I.A. *List of populated areas of the Kazan province, with a brief description of them*. Issue 2. Laishevsky district. Kazan: Provincial government Publ., 1895. 115 p. (In Russian)
8. Iznoskov I.A. *List of inhabited places of the Mamadyshsky district. Proceedings of the Fourth Archaeological Congress in Russia, which was in Kazan from July 31 to August 18, 1877*. Vol.1. Section 1. Kazan: Imperial University Publ., 1887. Pp.116–148. (In Russian)
9. *Results of the resettlement movement from 1896 to 1909 (inclusive)*. Compiled by N. Turchaninov. Petrograd, 1910. 85 p. (In Russian)
10. *Results of the resettlement movement from 1910 to 1914 (inclusive)*. Compiled by N. Turchaninov and A. Domrachev. Petrograd, 1916. 81 p. (In Russian)
11. Kabitov P.S. *Agrarian relations in the Volga region during the period of imperialism (1900–1917)*. Saratov: Saratov University Publ., 1982. 198 p. (In Russian)
12. Kaufman A.A. *Economic situation of settlers settled on government lands of Tomsk province*. Vol.1. Part 1. St. Petersburg: V. Bezobrazov and Co. Publ., 1895. 177 p. (In Russian)
13. Kaufman A.A. *The economic situation of migrants settled on government lands of the Tomsk province*. Vol.1. Part 2. St. Petersburg: V. Bezobrazov and Co. Publ., 1895. 81 p. (In Russian)
14. Kaufman A.A. *The economic situation of the displaced persons settled on the state lands of the Tomsk province*. Vol.1. Part 3. St. Petersburg: V. Bezobrazov and Co. Publ., 1896. 337 p. (In Russian)
15. *Peasant land ownership of the Kazan province. A summary of the province*. Issue 13. Kazan: I.N. Kharitonov's Publ., 1909. 305 p. (In Russian)
16. Kupriyanov A.I. Ethnic conflict in Russia: 1881–1904. *Worldview and self-awareness of Russian society. Mentality in eras of upheavals and transformations*. Issue 4. Moscow, 2003. Pp.74–94. (In Russian)
17. Mikhailov V.P. *Migrants and the resettlement case in the Sterlitamak district of the Ufa province*. Ufa: Provincial government Publ., 1897. 282 p. (In Russian)

18. Nikolaev G.A. Documents on the formation of autonomous rural societies and land communities in the social space of the Chuvash-Tatar settlements of the Simbirsk province in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Gasyrlar avazy – Echo of centuries*. 2023, no.1, pp.55–68. (In Russian)
19. Nikolaev G.A. *The world of the Volga village in the second half of the 19th – early 20th century*. Cheboksary: Chuvash Book Publ., 2022. 416 p. (In Russian)
20. *Education and Christian enlightenment of the Chuvash of the Volga-Ural region in the second half of the 19th – early 20th centuries: documents and materials from the collections of N.I. Ilminsky and the Kazan Teachers' Seminary*. Compiled by G.A. Nikolaev, R.R. Iskhakov. Cheboksary: Chuvashia State Institute of Humanities Publ.; Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2023. 496 p. (In Russian)
21. Petrovskaya E.N. From the life of peasants of the village of Kurgul. *Bulletin of the Society of Archeology, History and Ethnography at the Imperial Kazan University*. 1910, vol.26, issue 4, pp.295–342. (In Russian)
22. *Household census of the Simbirsk province of 1910–1911*. Issue 2. Alatyrsky district. Simbirsk: Provincial government Publ., 1913. Pp.2–73. (In Russian)
23. *Household census of the Simbirsk province of 1910–1911*. Issue 3. Ardatov district. Simbirsk: Provincial government Publ., 1913. Pp.2–113. (In Russian)
24. *Household census of the Simbirsk province of 1910–1911*. Issue 4. Buinsky district. Simbirsk: A.P. Balakirshchikov Publ., 1914. Pp.2–121. (In Russian)
25. *Household census of the Simbirsk province of 1910–1911*. Issue 5. Karsunsky district. Simbirsk: Provincial government Publ., 1914. Pp.2–129. (In Russian)
26. *Household census of the Simbirsk province of 1910–1911*. Issue 6. Kurmyshsky district. Simbirsk: A.P. Balakirshchikov Publ., 1914. Pp.2–113. (In Russian)
27. *Household census of the Simbirsk province of 1910–1911*. Issue 7. Sengileevsky district. Simbirsk: M. Ivanov and Co. Publ., 1914. Pp.2–73. (In Russian)
28. *Household census of the Simbirsk province of 1910–1911*. Issue 1. Simbirsk district. Simbirsk: M. Ivanov and Co. Publ., 1915. Pp.2–73. (In Russian)
29. *Household census of the Simbirsk province of 1910–1911*. Issue 8. Syzran district. Simbirsk: A.P. Balakirshchikov Publ., 1914. Pp.2–145. (In Russian)
30. *Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI-I)*. Collection 3. Vol.16, no.12777. (In Russian)
31. Rodnov M.I. *Peasantry of the Ufa province at the beginning of the 20th century (1900–1917): social structure, social relations*. Ufa: DesignPoligrafServis Publ., 2002. 314 p. (In Russian)
32. Sidelnikov S.M. *Agrarian policy of the autocracy in the period of imperialism*. Moscow: Moscow State University Publ., 1980. 288 p. (In Russian)
33. Stankevich A. *Materials for studying the life of migrants who settled in the Tobolsk province for 15 years (from the late 70s to 1893). Historical and statistical description of 100 villages*. Vol.1. Moscow: Society for the distribution of useful books Publ., 1895. 541 p. (In Russian)
34. Sukhareva I.V. *Historical and cultural development of the Chuvash people of Bashkortostan (18th – early 20th century)*. Ufa: Bashkir encyclopedia Publ., 2019. 488 p. (In Russian)

35. Tarasov Yu.M. *Russian peasant colonization of the Southern Urals: second half of the 18th – first half of the 19th century*. Moscow: Nauka Publ., 1984. 175 p. (In Russian)

36. Usmanov Kh.F. Peasant colonization of Bashkiria in the post-reform period. *Pages of the history of Bashkiria*. Ufa, 1974. Pp.67–112. (In Russian)

37. Shvetsov S.P. *Materials on the study of places of settlement of settlers in the Altai district. Results of a statistical study in 1884. Description of settler settlements*. Vol.4. Issue 2. Barnaul: Main Directorate of the Altai District Publ., 1899. 559 p. (In Russian)

38. Yagafova E.A. *Samara Chuvashes (historical and ethnographic essays). Late 17th – early 20th centuries*. Samara: IECA Povolzhye Publ., 1998. 369 p. (In Russian)

About the author:

Nikolaev Gennady Alekseevich – Cand. Sci. (history), researcher (Cheboksary, Russian Federation); ORCID: 0009-0000-1443-545X; e-mail: nicga50@rambler.ru

Received March 24, 2025

Accepted for publication April 25, 2025

УДК 635.61:94(470.57)"18/19"

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-2.89-120>

К истории отечественного бахчеводства в XIX – начале XX века (по материалам Оренбургской и Уфимской губерний)

М.И. Роднов

Институт истории, языка и литературы

Уфимского федерального исследовательского центра РАН

Уфа, Российская Федерация

В статье на основе широкого круга источников анализируется развитие одной из важных отраслей сельского хозяйства России – бахчеводства, делается акцент на выращивании арбузов на Южном Урале в XIX – начале XX в. Когда появились здесь арбузы – неизвестно, но уже в XVIII в. бахчеводство существовало от Оренбурга до Уфы. Бахчи держали помещики и крестьяне, затем пригородные дачники, существовали устойчивые внутрирегиональные поставки арбузов и дынь с юга на север: до Уфы, уральских горных заводов и даже до Екатеринбурга. Бахчеводство отличалось высокой товарностью, приносило хорошую прибыль, поэтому оно концентрировалось вокруг городов (Уфы, Стерлитамака и других). Арбузы выращивали представители всех народов края (русские, башкиры, татары, украинцы и пр.).

Ключевые слова: бахчеводство, арбузы, дыни, огородничество, овощеводство, сельское хозяйство, торговля, Южный Урал, Уфа, Оренбург, башкиры

Для цитирования: Роднов М.И. К истории отечественного бахчеводства в XIX – начале XX века (по материалам Оренбургской и Уфимской губерний) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №2. С.89–120. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-2.89-120>

Введение. В Россию арбузы вплоть до второй половины XVII в. привозили из-за границы. Их редко ели сырыми, готовили такое блюдо: арбуз резали очень тонко, дольки клали в щелок (соду), потом варили патоку с перцем и пряностями. Первые арбузы были посеяны по царскому указу от 11 ноября 1660 г. При Петре I арбузы подавали во время дворцовых ассамблей вымоченными в сахарном сиропе. Лишь в XIX в. арбуз стал доступен народу [54, с.51]. Подобные краткие (полулегендарные) сведения преобладают в современном информационном пространстве, что не случайно, так как историки редко обращаются к возникновению бахчеводства в России. Хотя огородничество имеет древние традиции на Руси, при царе Алексее Михайловиче в селе Измайлово близ Москвы существовали Виноградный и Просяной царские сады, из последнего доставляли «ежегодно

к царскому столу десятки тысяч огурцов и тысячу дынь» (тепличных). «Кроме московских огородов, при царях существовали огороды в Киеве, Белгороде и Симбирске, откуда вызывались на север сведущие огуречники и арбузники» [70, с.3]¹.

Вообще овощеводство, как и разведение технических культур, традиционно вызывает слабый интерес в сообществе историков-аграрников [см.: 37; 34, с.376–377; 22]². Лишь в последнее время наблюдаются позитивные сдвиги [30; 65; 15; 8]. Такое отношение уходит корнями в дореволюционную эпоху, когда острые проблемы сельского хозяйства и крестьянства воспринимались в первую очередь как развитие зернового производства и, меньше, животноводства. В знаменитом словаре Брокгауза и Ефрона статья про арбуз появилась лишь в дополнительном томе. «У нас промышленная культура А[рбуза] сосредоточена в Поволжье и некоторых местностях южных губерний; здесь А[рбуз] свободно созревает на открытом воздухе, достигая при этом превосходных качеств в вкусовом отношении. [...] Лучшие сорта бахчевых А[рбузов] – астраханский или быковский (белый), монастырский (зеленый с белыми полосами и с красными или серыми семенами), камышинский (такой же окраски), моздокский, урюпинский и др. Бахчевой А[рбуз] служит, кроме местного потребления, еще для отправки в столицы и крупные города. Больше всего отправляется на север астраханский А[рбуз], по преимуществу из бахчей южного Поволжья» [13, с.141–142]. В специализированной агрономической литературе также выходили публикации об арбузах [69, стб.304–305; 9, с.172–173; 71], чаще как исключение³. Тем не менее, употребление арбузов в пищу стало обыденностью даже в северной столице, что отразила кулинарная литература [1, с.371, 381–382]. Разведение арбузов и дынь отдавалось исключительно частной инициативе.

«На юге, в конце лета или в начале осени, на городских и сельских базарах являются горы арбузов и дынь; но эти овощи мало способны к со-

¹ Здесь и далее текст цитаты приводится в соответствии с современными правилами орфографии, предусматривающими их употребление, с сохранением стилистических особенностей оригинала.

² Даже в энциклопедических трудах С.А. Козлова и И.А. Кузнецова бахчеводство не стало объектом изучения [29; 32]. Наибольший интерес проявляли историки двух столичных губерний и юга России.

³ Отдельный источник (слабо используемый исследователями) – это материалы прессы, в первую очередь специализированных изданий. Так, с 1860 по 1917 г. Императорское российское общество садоводства издавало в Санкт-Петербурге свое печатное издание. Первоначально журнал выходил под названием «Вестник российского общества садоводства в С.-Петербурге», с 1870 г. он стал называться «Вестник Императорского российского общества садоводства», а с 1882 по 1893 г. – «Вестник садоводства, плодоводства и огородничества». В 1894 г. журнал вернул свое старое название – «Вестник Императорского российского общества садоводства».

хранению; их солят на зиму только при недостатке капусты и огурцов или для лакомства» [38, с.137]. Бахчевые культуры демонстрировали на провинциальных выставках, как в Лебедяни, где «красовались: исполинская кукуруза, желтые турецкие бобы, отличные русские белые и синие бобы, капуста, разные коренья, арбузы и тыква, называемая “растительным мозгом”; они представлены были гг. Шишковым, Рудольфом и Путурницким и Тамбовскою фермою», – сообщалось в 1850 г. На симферопольской выставке 1846 г. была показана «патока из арбузов» от татарских государственных крестьян [38, с.141, 150].

В обзоре огородничества по регионам России бахчеводство в Уфимской и Оренбургской губерниях не упоминалось, зато в великорусских черноземных губерниях к началу XX в. «бахчи, впервые являющиеся в этой области, за исключением Тульской и Орловской губерний, распространены еще мало. Бахчеводством обыкновенно занимаются особые спекулянты-барышники из прасолов, которые сбывают свои продукты в города, или развозят по деревням, выменивая на яйца, кур, холст, лен и пр. В урожайные годы бахчевники наживаются, но в засушливое лето терпят большие убытки» [56, с.53]. Бахчи были в степных уездах Тамбовской губернии, в малороссийских губерниях «огородничество вытесняется бахчеводством» [56, с.55].

«Бахчи главным образом находятся в южных уездах Курской губернии: в Грайворонском, Белгородском и Корочанском; для них избираются вновь распаханная низменности, старые конопляники, новые земли и склоны лугов, обращенные к югу.

В Воронежской губ. бахчеводство уже вытесняет огородничество, которое в малых размерах ведется только около городов. Бахчами занимаются не только арендующие их мещане, но и крестьяне, и даже помещики» [56, с.55].

В степных губерниях «бахчи, кроме Крыма, встречаются повсеместно, всего более в Донской области; они редко служат для одних тыквенных растений (арбузов, дынь, тыкв, огурцов), как в Херсонской губ. Бахчи арендуются обыкновенно особыми спекулянтами-бахчевниками. Продукты бахчей расходятся, большею частию, на месте и мало вывозятся. Из арбузов здесь казаки готовят особый мед, т.н. нардек. Среди сортов арбузов пользуются известностью: алешковский и аккерманский» [56, с.57].

«Прикаспийская область, вместе с землею донских казаков, составляет главный район бахчеводства, где преимущественно выращиваются арбузы, мелкие дыни, огурцы, тыквы и местами редька, достигающая здесь на бахчах исполинской величины. Из бахчевых (арбузных) центров особенно выделяются: Камышинский уезд (камышинские арбузы), Царицынский (посад Дубовка, славящийся дынями дубовками), Царёвский (село Быково с быковскими арбузами) и Урюпинская станица; отсюда арбузы и дыни отправляются в Царицын, а из него, по Грязе-Царицынской и Тамбовско-Саратовской железной дороге, во внутренние губернии. С бахчей

по берегам Урала и Илека, в особенности из станицы Изобили[нск]ой, арбузы и дыни доставляются в Самару и Уфу» [56, с.58].

Бахчеводство существовало на Кавказе и в Средней Азии, где «огороды (бахчи) ведутся местным населением, в особенности сартами и узбеками, с большою заботливостью» [56, с.60]. «Дыни занимают первое место и разделяются на ранние, созревающие в начале июня, и поздние, созревающие во второй половине июня. Местные арбузы, дыни с очень сочным, нежным мясом служат пищею для населения или вялятся на солнце, разрезанные полосками (мякоть без коры)» [56, с.60]. Дыни с арбузами выращивались и в Сибири [56, с.60–61].

В знаменитом описании России бахчеводство упоминается лишь в Оренбургской губернии⁴, «причем в урожайные годы арбузов и дынь сбывается здесь больше чем на 120 000 р.; арбузы и дыни отправляются даже за пределы губернии (в г. Уфу) и за пределы области (в г. Самару). В разведении арбузов и дынь первое место принадлежит казакам» [68, с.248].

Дореволюционная литература оставила описания бахчеводства, которые использовались в советской историографии, где доминировали агрономические издания. Некоторые работы предварялись небольшими историческими введениями. Преобладали небольшие брошюры прикладного характера [55; 57; 78; 85]. Выделяется книга под редакцией кандидата биологических наук А.И. Филова. В ней дана история развития бахчеводства в СССР, показано появление бахчеводства в Средней Азии, Закавказье, Крыму и Прикаспии. Путешественники XVII в. отмечали бахчеводство у татарского населения Астрахани, откуда оно распространялось вверх по Волге, на Дон и Днепр. Арбузы вывозились в центральные районы, где в парниках дворяне (А.Т. Болотов) начинали их выращивать.

Главным районом разведения арбузов становится Нижнее Поволжье от Астрахани до Камышина, где промышленное бахчеводство (село Быковы Хутора и др.) занимает к началу XX в. сотни тысяч десятин земли. Затем промышленные районы возникают на Кубани, в Херсонской и Николаевской губерниях, под Полтавой, Одессой и Оренбургом. «Последний район имел прямую связь со Средней Азией, в частности с Хорезмским ханством, откуда получил исходный сортament арбузов», которые везли в Самару и Уфу [10].

В последние десятилетия по культуре арбуза было защищено несколько диссертаций [84; 21; 16; 87], вышли сборники [11] и популярно-практические издания для садоводов и дачников [5; 31]. Бахчеводству уделяли внимание специалисты из Челябинской [80] и Оренбургской об-

⁴ Слабое развитие огородничества в Уфимской губернии отмечал М.В. Рытов [70, с.9], который в своей книге много места уделил бахчеводству в черноземных и степных губерниях, рассказал о рынке арбузов в Петербурге [70, с.172–173].

ластей [77]. В городе Камызяк Астраханской области с 2006 г. функционирует музей «Российский арбуз».

Бахчеводство на Южном Урале. О местном бахчеводстве кратко упоминается в обобщающих коллективных трудах по истории Башкортостана [см., например: 27]. Исследователи отмечают, что в первой половине XIX в. в Оренбургской губернии овощеводство было слабо развито, только в ее южных районах выращивали огурцы, арбузы и дыни на продажу [27, с.365].

Поверхностное внимание местных историков к овощеводству и бахчеводству в значительной степени объясняется «плохим» состоянием источников, отсутствием информации (легкодоступной), впрочем, обыденная повседневность всегда слабо фиксируется в документальном наследии, особенно за XVIII в. Но составленная в 1763 г. ведомость об урожае в окрестностях Оренбурга однозначно фиксирует здесь бахчеводство. «В тех же Самарской дистанции крепостях другие земляные продукты, яко то капуста, арбузы, огурцы, дыни, свекла и морковь, хотя и в посеве бывают, токмо де оным урожай плох бывает» [33, с.75–76]. К началу XIX в. в южных уездах Оренбургской губернии бахчеводство стало обычным делом⁵.

Известный естествоиспытатель Э.А. Эверсман отмечал, что «в южных степях весьма хорошо растут дыни и арбузы, которые сеются не только в огородах, но и в поле, особенно там, где почва уже почти не допускает хлебопашества. Эти поля во всей южной России известны под общим именем бакшей или бакчей, что на татарском означает сад или огород» [88, с.58]. Но бахчеводство проникло далеко на север, до самой Уфы.

Побывавший в Уфе в 1782 г. академик Н.Я. Озерецковский, сопровождавший в вояже по России незаконнорожденного сына императрицы Екатерины II графа А.Г. Бобринского, оставил свои впечатления: «Климат здесь умеренный; на вольном воздухе родятся арбузы и дыни; сады изобилуют яблонями» [45, с.48]. Надо полагать, он все это лично видел.

Бахчеводством занимались местные помещики. Свидетельство этому находим в воспоминаниях С.Т. Аксакова об усадьбе в Багрово (Новое Аксаково Бугурусланского уезда), рубеж XVIII и XIX вв. «В саду я увидел, что сада нет даже и такого, какие я видал в Уфе. Это был скорее огород, состоявший из одних ягодных кустов, особенно из кустов белой, красной и черной смородины, усыпанной ягодами, и из яблонь, большею частью померзших прошлого года, которые были спилены и вновь привиты черенками; все это заключалось в огороде и было окружено высокими навозными грядками арбузов, дынь и тыкв, бесчисленным множеством грядок с огурцами и всякими огородными овощами, разными горохами, бо-

⁵ В описании Оренбургской губернии Иосифа Дебу упомянуто бахчеводство возле Уральска и Илецка: «Арбузы, дыни, тыквы и огурцы родятся здесь без всякого присмотра весьма изобильно» [20, с.158, 172].

бами, редькою, морковью и проч.» [2, с.64]. Плоды с помещичьих бахчей украшали дворянские застолья.

Праздничный стол уфимского дворянина отличался обилием кушаний, тут и «откормленная свинья, жареные бараны, поеный шестинедельный теленок, ботвинья со льдом, свежепросоленная осетрина, уральский балык, задняя телячья нога, напутствуемые солеными арбузами, дынями, мочеными яблоками, солеными груздями и опенками в уксусе; обед заключился кольцами с вареньем и дутым яблочным пирогом с густыми сливками» [3, с.231; 74].

Дворянские поместья выступали одним из проводников распространения новых культур, как и садово-паркового дизайна. В имениях помещиков были парники, оранжереи, теплицы⁶. Именно помещичьи хозяйства продвигали границу бахчеводства на север. К середине XIX в. арбузы выращивались под Уфой. В пригородной деревне Миловке, в имении богатейшего предпринимателя и землевладельца И.Ф. Базилевского в 1848 г., отмечал современник, «в тамошней оранжерее растет и виноград двух родов – синий и желтый, и персики, и сливы вдовольном количестве (особенно много было всего этого в 47 году); так же бывают там свои ранние арбузы и дыни; а сколько цветов разведено ныне в Миловской оранжерее, – загляденье!» [18, с.105].

Эти сведения оставил редактор неофициальной части издававшихся в Уфе «Оренбургских губернских ведомостей» Иван Прокофьевич Сосфенов (1804–1876). В своей газете он много печатался, составлял статистические обзоры края, вел уфимскую хронику. Именно в его публикациях находим информацию о бахчеводстве.

В августе 1846 г. Сосфенов отмечал, что из Уфы в большом количестве в Оренбург отправляется лук, «который взамен его снабжает нас арбузами» [46]. В специальной статье «Земледелие и садоводство в Оренбургской губернии» в сентябре редактор указал: «В южных степях весьма хорошо растут дыни и арбузы, которые сеются не только в огородах, но и в поле, особенно там, где почва уже почти не допускает хлебопашества» [47]. Затем Иван Прокофьевич побывал на уфимском базаре: «С исходом августа появились здесь оренбургские арбузы, которые величиною своей ныне, хвалиться не могут; к тому же не много и совершенно зрелых. Сотня их продается здесь от 3-х до 8 рублей серебром» [48].

Из статей И.П. Сосфенова видно, что к середине XIX в. арбузы являлись обыденным и общедоступным лакомством жителей Южного Урала, сформировались устойчивые внутригубернские перевозки, а основными центрами бахчеводства, естественно, выступали южные уезды. Так, в 1848 г. редактор опубликовал обзор состояния Оренбургской губернии, где,

⁶ «Тыквы, дыни и арбузы Оренбургской и Уфимской губерний были знамениты на всю Россию. Семена для посадки и плоды привозились из различных регионов Азии» [91, с.7].

к примеру, отмечал: «Садоводства в Бугурусланском уезде нет, огородничеством занимаются жители русские, которые сеют на бахчах и арбузы, только мелкие». А в целом из овощей в Оренбургской губернии хорошо родятся «сахарный горох, турецкие бобы, фасоль, морковь, лук, картофель, репа, капуста – простая и цветная, огурцы, горчица, арбузы и дыни; но некоторые из них требуют поливки. Скуднее всех овощами уезд Белебеевский; лучшие огурцы и лук родятся в Уфимском уезде; арбузы в уездах Оренбургском и Бузулуцком; но в последнем более мелкие» [26, с.79, 118].

Собирая живописные сюжеты уфимской жизни, Иван Прокофьевич не мог пройти мимо ежегодного прихода в Уфу обозов с арбузами с юга. В конце 1850 г. «на торговых наших рынках с 15 августа по 15 ч. текущего месяца движение было довольно значительное. Уфимки-плебеянки и окрестные поселянки с поспешностью складывали свое туземное произведение – репчатый лук, в тысячах плетениц, на арбы малороссов-переселенцев, привезших к нам на своих волах-круторогих, с Оренбургской линии, сочные и вкусные арбузы» [49].

В сентябре 1850 г. уфимский базар ломился от арбузов. «Арбузом в 10 коп. сер. любая семья полакомится. Наши мелочные торговки-колотовки, не ограничились базарной площадью с этими вкусными зелеными кругляшами, нет, они перенесли свой табор за город и разгруппировались с горами арбузов по левому берегу нашей красавицы Белой (совр. пляж Солнечный. – М.Р.). В первую четверть ночной поры интересно смотреть с высот городских на их разведенные огоньки, при свете которых они подводят дневные свои итоги продажи и остатка, утоляя вместе с тем себя и пищею» [50]. То есть приезжавшие с юга арбузники оптом продавали товар уфимским торговкам, которые затем занимались розничным сбытом бахчевых.

В августе 1852 г. редактор жаловался на погоду: «Привыкши лакомиться сочными и вкусными оренбургскими арбузами, мы ныне лишены этого удовольствия – по их водянистости; дынь же порядочных совсем не было» [51].

В 1859 г. выходит «Описание Оренбургской губернии» В.М. Черемшанского [63, с.21]. В нем есть небольшой раздел по огородничеству. Среди овощей выращивались «в уездах: Оренбургском, Бузулуцком, Стерлитамакском, Уфимском – арбузы, дыни и тыквы, – впрочем не повсеместно, а только в селениях подгородных» [86, с.328]. Упомянул автор агротехнику: «Под огурцы же, арбузы, дыни и тыквы гряды делаются наземные, сверх коих насыпается лунками чернозем. Чем толще слой навозу, тем обильнее родятся овощи» [86, с.328].

«В Оренбургском уезде преимущественно разводятся арбузы и составляют довольно значительный предмет промышленности, которая не только кормит целые селения, но разликает даже зажиточность между поселянами. Арбузы возделываются здесь на полях и места, засеянные арбузами, называются *бакчами*. Земля под посев арбузов назначается всегда

новая и обрабатывается с осени, а весной боронится и засеивается, – дальнейший уход за бакчами переходит в распоряжение женщин – они их пропалывают и стерегут до самой спелости. Главное условие хорошего урожая арбузов составляют – новая почва и жаркое недождливое лето. Время посева арбузов бывает различное; смотря по наступлению теплого времени – их сеют иногда в первой, а иногда и во второй половине мая месяца; цветут арбузы в июле, а поспевают не ближе Успенья. Десятина, засеянная арбузами, дает иногда дохода от 60 до 80 руб. и более.

Оренбургские арбузы развозятся по всей губернии и продаются, смотря по величине, от 2 до 15 и 20 коп. сер. за штуку, но на месте они покупаются гораздо дешевле – от 1 до 6 р. сер. за сотню» [86, с.329].

Арбузы стали частью народной кухни. Так, в обычаях жителей Миасского завода историк-краевед Руф Гаврилович Игнатьев (1818–1886) отметил, что на свадьбах «осенью, если случится сюда привоз арбузов, то вслед за сладким пирогом подается арбуз» [23, с.254]. В 1870 г. Игнатьев проводил перепись в Орске, «где на бакшах растут в изобилии арбузы и дыни» [24, с.134], в 1869 г. было «собрано 1796 п[удов] и 894 воза арбузов, дынь и подсолнечника», продано 405 возов арбузов [24, с.142].

При подготовке описания Оренбургской губернии в 1870 г. Игнатьев выделял бахчевые культуры (тыквы, арбузы, дыни), «сеются ли эти растения в полях или только в огородах и на бахчах»? Краевед сообщал, что «арбузы и дыни только произрастают в некоторых местностях Орского и Троицкого уезда, на так называемой “новой линии”, но здешние арбузы и дыни хотя и произрастают на открытом воздухе, в бахчах, но они далеко уступают тем, которые родятся около г. Оренбурга, где климат несравненно жарче. Арбузы и дыни с новой линии развозятся в продажу по Орскому, Верхнеуральскому и Троицкому уездам, идут даже чрез г. Челябину в Екатеринбург и чрез г. Троицк и Миасский завод Троицкого уезда в г. Златоуст Уфимской губернии. Там, где вообще в Оренбургской губернии родятся арбузы и дыни, они составляют важную статью дохода тем, что десятина арбузов приносит хозяину дохода от 60 до 85 руб., а дынь от 40 до 70 руб.» [25, с.115]. Игнатьев даже пытался определить площадь под бахчевыми культурами: «...арбузы и дыни, там где они родятся, составляют 1/6 часть противу посева хлебов» [25, с.115]. И вообще бахчи «дают хороший доход, в местах близкорасположенных к городам» [25, с.125].

Руф Гаврилович обращал внимание на доходность бахчеводства, «так что десятина, засеянная арбузами, [приносит] иногда более 80 р., а дынями более 50 руб.» [25, с.118]. «Собственно Оренбургские арбузы расходятся главным [образом] в Оренбурге, идут в гг. Орск и Уфу и вообще во многие места Уфимской губернии, некоторые из промышленников меняют даже арбузы и дыни на лук, доставляемый из Уфимского и Стерлитамакского уездов» [25, с.119]. «Сотня арбузов на месте продается, смотря по величине их, [от] 1 и до 6 р., а дыни от 70 к. до 4 р. 30 к., поштучно же на базарах [от] 3 до 20 к. Новолинейные арбузы и дыни продаются на месте по тем же

ценам; но смотря по дальности привоза, барышники не продают их по штучно менее 15 коп. за самый худший арбуз, более же крупный вдвое и втрое» [25, с.119]. Значительная часть урожая использовалась на месте, «всего же более заготавливается впрок соленых арбузов» [25, с.120].

Примерной северной границей бахчеводства являлась Уфа. В 1864 г. учитель М.М. Сомов сообщал, что «здесь мало устроенных садов, зато много огородов, которые содержатся большею частию людьми недостаточными, чтобы произведениями их поддержать свое существование; обрабатывают же их преимущественно женщины. Главные продукты здешних огородов суть: картофель, капуста, редька, морковь, свекла, огурцы и лук; кроме того сажают дыни, тыквы и арбузы, но последние мелки и не вкусны. Есть здесь также несколько парников, в которых воспитываются⁷ ранние огурцы, редиска, салат и арбузы, хотя не крупные, но прекрасного вкуса; крупные же арбузы привозят сюда из Оренбурга, а лучшие яблоки из Симбирска» [52].

Во время переписей торгово-промышленных заведений, как в 1873 г., в Уфе в районе современной улицы Цюрупы существовали парники, теплицы и оранжереи, где выращивались овощи и зелень. Местная дума в 1875 и 1876 гг. заставила вывести на окраины «парниковые огороды, находившиеся с большими складами навоза близ центра города» [67, с.24–25]. Развитие Уфы привело к исчезновению (резкому сокращению) собственного огородничества, которое в основном переместилось в прилегающие селения. В сентябре 1881 г. сообщалось, что «окрестные крестьяне привозят много овощей и дынь; последние являются новинкой, так как раньше крестьяне не заботились о их разведении» [53]. Бахчевые по-прежнему пребывали в любимых лакомствах уфимцев. В 1907 г. пресса жаловалась: «На дорожках Ушаковского парка целыми неделями остается неубранным всякий сор: окурки, какое-то грязное тряпье, арбузные корки, рыба шелуха и т. п., а затем все это сметается в траву, окаймляющую дорожки парка» [81].

Летом сдавались участки на Верхне-Торговой площади Уфы под торговлю арбузами, яблоками и орехами, «торговля же этими продуктами в других местах верхней торговой площади воспрещается» [82]. Продажу фруктов (арбузов, дынь, яблок, вишни) разрешали временно с возов.

Одновременно с упадком городского огородничества (Уфа стоит на горе и с трех сторон окружена реками, больших площадей под грядки нет) активно развивается пригородное овощеводство у крестьян и помещиков (дачников). Отражением сего стала реклама в 1894 г., которую поместил в прессе подгородный помещик Константин Викторович Стобеус (1854–1917) [о нем см.: 64, с.50–58]. К югу от Уфы при селце Таптыково в своем фамильном имении (каменный усадебный дом сохранился, в городе

⁷ Термин пришел в Уфу с ростовскими огородниками, которые принесли культуру лука.

тоже было жилье) он организовал «семянное» хозяйство и рассылал почтой «семена» всевозможных растений (по Уфимской губернии установил цену в 5 коп. за фунт) вплоть до Польши и Финляндии. Стобеус также предлагал удешевленные коллекции на 9 и 40 гряд, составленные из различных культур. Откуда он сам брал семена – неизвестно, предположим, часть мог у себя выращивать.

Среди прочих овощей предлагались семена арбуза следующих сортов: Любимец хутора Пятигорска (красномясый, сорт ранний, по вкусу один из лучших, по 13 копеек за пакет), Железный панцырь (очень крупный, до пуда весом, вкусный, сочный, хорошо сохраняющийся, формы удлиненной, кора темно-зеленая со светлыми полосами), два сорта Слава Украины (красномясый, ранний, хорошего вкуса, форма овальная, и второй желтомясый), Несравненный желтомясый (ранний, крупный, светлокожий, формы удлиненной, мякоть сочная, очень вкусная), Бельбекский желтомясый (ранний, формы овальной, кора светлая, вкусен и очень плодovit), Камышинский и затем Астраханский (Быковский) (известный распространенный сорт, вкусный, выносливый и хорошо сохраняющийся, лучший бахчевой). Пакетик семян этих сортов шел по 12 или 13 копеек (Несравненный и Бельбекский), а Астраханский – всего по 9 коп. Смесь разных сортов продавалась за 25 коп. за пакет.

Также покупатели могли приобрести семена десяти сортов дынь и смесь, предлагались семена дынь Абрикос Лесевецкого, Смарагд, Скильмапа сетчатая, Апельсинный крем, Мальтийская красномясая, Кавальонская, Мускатная улучшенная, Прескот большая, Канталуп Лионская и Обыкновенная бахчевая. Пакет семян продавался от 12 до 15 и даже 20 (Канталуп) копеек, лишь Обыкновенная дынька шла всего по шесть копеечек [83]. Такой обширный ассортимент показывает интерес уфимских сельчан и огородников к бахчевым культурам, стабильный спрос на арбузы и дыни в городе⁸.

Но вообще рубеж XIX и XX столетий оказался скуден на информацию о бахчеводстве. Власти новой с 1865 г. Уфимской губернии в официальных отчетах редко его упоминали как второстепенное занятие, да еще существовавшее в основном далеко на юге. Даже мощная уфимская земская статистика практически игнорировала овощеводство и огородничество, тем более бахчеводство. В материалах переписи 1890-х гг. в Стерлитамакском уезде лишь в Федоровской волости в поселке Андреевском указано, что в огородах разводятся свекла, тыквы, арбузы [72, с.674]. В со-

⁸ Изредка мелькала иная реклама. В 1911 г. семенная торговля Н.П. Осьмака из Чернигова предлагала семена нового сорта арбуза Двухпудовый колосс. «Из всех новых американских сортов, посеянных на наших обширных бахчах, этот арбуз удался лучше других и достиг небывалой у арбузов величины 1 п. 37 ф. Своей редкой величиной он удивлял всех посетителей нашей конторы, где и пролежал почти полтора месяца, вполне сохранив свой вкус» [75, стб.102].

седнем Белебеевском уезде только у недавних переселенцев-малороссов присутствовали подсолнечник и арбузы, которые «не всегда достигают полной зрелости» [73, с.517].

В губернаторских обзорах Уфимской губернии изредка говорилось об овощах, которые выращивали «большею частью для собственного потребления», сбывавшихся в ближайших городах и торговых селах [39, с.3]. К 1895 г. появился раздел «Садоводство и огородничество» в две строчки, больше говорилось о табаководстве. В 1898 г. отмечалось, что «огородничеством занимаются лишь в окрестностях города Стерлитамака, где сеют главным образом лук, капусту, огурцы, картофель и подсолнечник» [40, с.19].

В обзоре Уфимской губернии за 1899 г. выделяется отдельный раздел «Огородничество». Впервые упоминаются бакчи! «С проведением Сибирской железной дороги в окрестностях Уфы и по линии Самаро-Златоустовской ж. дор. среди местных крестьян необычайно быстро развивается бакчевое огородничество. Разводятся преимущественно огурцы и лук, отчасти картофель. Площадь, занимаемая овощами, достигла в 1899 г. нескольких сотен десятин на надельной и арендной землях. Промысел этот является настолько выгодным, что в некоторых местах до половины посевной площади на полях занимают бакчами. Арендные цены на свежие земли под огурцы возросли до 30 р. за казенную десятину. Продукты свои крестьяне отправляют вагонами в Западную Сибирь, от Челябинска и почти до Омска, лук же нередко идет и далее» [41, с.15]. Расцвет овощеводства в окрестностях Уфы и Стерлитамака отмечали и после, «огуречные бакчи» заняли много новых земель, овощей много дешевых, распространению способствует земство, которое снабжает крестьян семенами, получаемых бесплатно от Департамента земледелия [42, с.14–15].

В конце 1903 г. Губернский статистический комитет начал обследование «крестьянского огородничества по волостям губернии, для чего им затребованы от волостных правлений самые подробные по этому предмету сведения». Результаты обещали опубликовать в следующем году [43, с.10]. И хотя в 1904 г. никаких итогов обследования не появилось, в губернаторском официальном отчете сказано, что разводятся преимущественно картофель, капуста, лук, огурцы, горох, морковь, свекла, репа, редька, дыни, арбузы, тыква, помидоры, бобы, подсолнухи, анис, укроп [44, с.11]. Впервые упомянуты арбуз с дыней, что повторялось в последующем. Бахчевые считались общепризнанной огородной культурой в Уфимской губернии.

Свидетельством достаточно широкого распространения бахчеводства, как важной отрасли овощеводства, стали стихи местного жителя – «хуторянина», опубликованные в начале советской эпохи:

*Перегноем, уже приготовленным
Из запаса еще прошлогоднего,
Унавожу с весны поле третье,*

*Чтоб посеять на нем нечто ценное.
Это ценное, сладкое, вкусное –
Дыни разные Стерлитамакские,
Помидоры, арбузы из Зубовки,
Огурцы – зеленцы Чесноковские...
Все посею, полью, прополю, прорежу –
Позавидует каждый соседущка.
И как выведу в город на ярмарку –
Сторонись, богачи, огородника! [76]*

Здесь упомянуты пригородные деревни – Чесноковка, знаменитая огурцами, и Зубово, ныне пригород к югу от Уфы. А поэтический нарратив можно проверить статистическими данными. Летом – осенью 1917 г. состоялась сельскохозяйственная перепись, которая зафиксировала бахчеводство в окрестностях. Например, в Нагаевской волости бахчи были на хуторах при Каменном и Дудкином перевозах через реку Уфимку. На последнем проживал владелец двух десятин бахчей Яким Васильевич Богатырев [60, с.102].

Но попытка «заглянуть» в огороды жителей Зубово в 1917 г. кончилась неудачей. В подворных карточках переписи указаны только (полевые) посадки картошки, сведений об огородничестве нет вообще. Это была почти общепринятая «философия» земской статистики – огород, как и птичники, «личное пространство крестьянина», они не обследовались, за исключением районов товарного овощеводства или садоводства. И в соседнем маленьком селце Березовке такая же картина – одна полевая картошка⁹. Но так было не везде. Например, по данным переписи 1917 г., мулла из деревни Аптраково Бушман-Кипчакской волости башкир Сальман Сыробаев держал бахчу в 1,5 дес. [61, с.51–52].

Перепись 1920 г. как источник по бахчеводству. Победив в Гражданской войне, большевики сразу «взялись» за сельчанина, ввели продразверстку, а для обложения крестьянского хозяйства нужны были точные сведения. Летом 1920 г. состоялась уже советская сельскохозяйственная перепись, тут считали все, совслужащие ходили по огородам и заглядывали в курятники. Оказалось, в Березовке проживало семейство 50-летней Ольги Александровны Сперанской (из духовного звания), состоявшее из четырех незамужних сестер (учительниц) и немощного дяди. Они кормились огородом: выращивали картофель (посадили 20 фунтов), а также 50 кочней капусты, 20 корней огурцов, 30 – помидоров, 50 – клубники и столько же малины. Целый аршин земли заняли под лук, имелись морковь и свекла: 48 д. и 32 д. (1 доля = 0,17 г; т.е. 8,16 г и 5,44 г).

⁹ Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф.Р-473. Оп.1. Д.5289.

Наконец, учительницы выращивали на своем уютном огорожке дыни и арбузы (по три штуки)¹⁰. В Зубовке арбузы в 1920 г. советские статистики не обнаружили. Но всего в этой деревне, где было 104 русских хозяйства и шесть семей белорусов (беженцев) [62, с.98], в 91 хозяйстве зафиксированы на огородах посадки помидоров, в 68 – капусты, в 14 – огурцов¹¹. Массовое разведение огурцов и помидоров отмечено в Чесноковке, в небольшой деревне Ломоносовке специализировались на выращивании табака. Хотя в ряде селений графы про огороды пустые, сельчане, видимо, не отвечали переписчикам.

Материалы переписи 1920 г. позволяют увидеть реальную величину бахчеводства в России, даже с учетом поправок на последствия экономической разрухи. Кроме того, в итоговых данных приводятся только полевой посев, а данные в графе «десятин приусадебного посева» не разбиты на культуры. То есть бахчи на огородах не фиксировались. Но даже полевые (внедеревенские) площади свидетельствуют о больших масштабах бахчеводства в России, информация переписи 1920 г., по сути, отражает еще дореволюционную структуру сельского хозяйства (см. табл. 1).

Таблица 1

Бахчеводство в СССР по данным переписи 1920 г.
[19, с.9, 17, 33, 41, 49, 57, 73, 81, 89, 113, 121, 129, 137, 153, 161]

Регион	Бахчи (дес.)	Регион	Бахчи (дес.)
1. Донская	11 562,3	12. Воронежская	279,0
2. Сталинградская (Царицынская)	10 244,2	13. Ставропольская (инородческая территория)	187,8
3. Ставропольская (без инородческой территории)	9735,9	14. Ульяновская (б. Симбирская)	115,7
4. Кубанско-Черноморская	8626,1	15. Енисейская	78,5
5. Саратовская	3305,7	16. Ново-Николаевская	70,6
6. Самарская	2399,3	17. Омская (русское население)	21,6
7. Астраханская	2000,2	18. Татарская АССР	3,2
8. АССР Немцев Поволжья	1358,9	19. Калмыцкая Авт. Область	3,1
9. Оренбургская	1189,6	20. Малая Башкирия	1,7
10. Челябинская	662,5	21. Курская	0,9
11. Алтайская	518,3		

Данные таблицы корректируют устоявшиеся стереотипы нарративных (описательных) источников. Без украинских и новороссийских губерний лидером с огромным отрывом выступал благодатный Юг (Дон, Кубань,

¹⁰ НА РБ. Ф.Р-472. Оп.1. Д.989. Карточка №54. Опубликовано: [66, с.27].

¹¹ Подсчитано по: НА РБ. Ф.Р-473. Оп.1 (1920). Д.959.

Ставрополь) с прилегающим Нижним и Средним Поволжьем, помимо известных арбузных центров (Царицын, Саратов с немецкой автономией и Астрахань), здесь присутствует Самарская и даже Симбирская губернии. Южный Урал в сумме мало отставал от Астрахани, обширное бахчеводство существовало в Сибири. В самом конце списка – Малая Башкирия, существовавшее в 1919–1922 гг. административно-территориальное образование, включавшее юго-восточную часть современного Башкортостана и северные районы Оренбургской области. В Уфимской губернии бахчеводство в полях (промышленное) не зафиксировано, а огороды не учитывались.

Зато в Малой Башкирии статистики сумели издать материалы переписи 1920 г., где находим бахчеводство в трех кантонах! В Кипчак-Джетировском кантоне практически в каждой волости (исключая микроскопическую Сеитовскую возле Каргалов и Семёно-Петровскую) зафиксированы бахчи, общая площадь по кантону составила 423 дес., 1 дес. под бахчами учтена в Юмуран-Табынской волости Ток-Чуранского кантона, а также в шести волостях Усерганского кантона (всего 85 дес.) были бахчи (в Демократической волости целых 36 дес.). Всего по Малой Башкирии зарегистрировано 508 дес. бахчевых культур [59, с.13, 15, 17, 19, 23] (надо 509). Это в полтора раза меньше, чем указано в итогах Центрального статистического управления РСФСР (табл. 1). Неясно, с чем это связано, при обработке подворных карточек по волостям полное совпадение, лишь в 1-й Усерганской волости в деревнях Юлдыбаево и некоторых других у башкир и русских зафиксированы арбузы и дыни, но на огородах¹².

При этом надо понимать, что данные переписи 1920 г. сообщают сведения лишь о полевом (промысловом) бахчеводстве, которое за три года Гражданской войны, без сомнения, сократилось (арбузы выращивают в открытых местах, не в глухих горных долинах). Кроме того, перепись населения должна была начаться 28 августа 1920 г. В реальности ее проведение затянулось, и это могло привести к тому, что арбузы, убранные с полей, не были учтены статистиками.

Но даже при этих оговорках можно утверждать, что вдоль границы между современными Башкортостаном и Оренбургской областью лежала полоса сплошного бахчеводства: это нынешние Куюргазинский, Зианчуринский и Кугарчинский районы Башкортостана, Тюльганский, Октябрьский, Сакмарский, Саракташский районы и Кувандыкский городской округ Оренбургской области.

Конечно, бахчи фиксируются не во всех селениях. Так, в Бурзян-Кипчакской волости арбузы растили в башкирских деревнях Кабаново и Кульчумово, в татарских Новых Чебеньках, на русских хуторах Туюмбетовском, Ново-Николаевском, Преснякова, во 2-й Каракипчакской волости бахчеводство полевое зафиксировано в Зерекле-Белекей-Абызово (башки-

¹² НА РБ. Ф.Р-472. Оп.1. Д.891.

ры), Ново-Алексеевском хуторе (русские), Беркутовском хуторе (мордва), Беркутовой (башкиры), Шелопутово (русские), Ижбердино (русские и мордва)¹³. Арбузы и дыни выращивали представители всех народов¹⁴. Посевы были не очень большие по площади, например, крестьянин деревни Татьянаовка Бурзянской волости 64-летний Вавил Макарович Шеин из 15,5 дес. под бахчи отвел 0,42 дес.¹⁵ Иногда посевы под бахчевыми приводились в квадратных саженях, что создавало проблемы при подсчетах. Не обязательно этим занимались богатые сельчане. Например, в Мраково в татарской «середняцкой» семье с посевом всего в 2,55 дес. имелись «арбузы и огурцы в поле»¹⁶. На товарный характер бахчеводства указывают частые одновременные посевы подсолнечника. Помимо арбузов в подворных карточках упоминаются дыни (в тех волостях также встречаются иные технические и огородные культуры – перец, горчица, табак, помидоры, рыжик, изредка указаны парники).

Выше в итоговых данных не учитываются огородные бахчи, а они тоже были весьма распространены. Например, в башкирской деревне Юлдыбаевой 1-й Усерганской волости 45-летний Лутфулла «Сафиуллович» Баязитов кормил немалую семью: жену (30 лет), двух сыновей (10 и 6), двух дочерей (11? и 1 год) и брата (35 лет). Грамоту знала только супруга. Хозяйство было скромное: рабочая лошадь, корова, два гуся, три курицы, 4,38 дес. посева (3 яровой пшеницы, 1 ячменя, остальное овес, просо, картошка в поле). На огороде Лутфулла в 1920 г. посадил 2 кв. саж. огурцов, 5 кв. саж. арбузов и 5 кв. саж. дынь (всего 0,005 дес. бахчей, по современной системе мер – 0,55 соток)¹⁷. Огороды с бахчами тоже занимали немалые площади, приносившие хороший доход.

Бахчеводство у башкир. Ввод нового исторического источника – подворных карточек переписи 1920 г., которые содержат подробную информацию об огородничестве вообще и бахчеводстве в частности, поднимает дискуссионный вопрос об овощеводстве у башкир. В дореволюционной литературе «избитым штампом» являлась аксиома о ленивых и беспечных башкирах, помимо насильно «вбитой» картошки, не любивших копаться на грядках. Этот стандарт продолжила советская историография, показывавшая на примере башкир переход от феодализма прямо к социа-

¹³ НА РБ. Ф.Р-472. Оп.1. Д.790, 794, 795.

¹⁴ Бахчеводство полевое зафиксировано в многочисленных русских хуторах, поселках и деревнях. В Мурапталовской волости арбузы выращивали русские в Старом Абиульгане, украинцы на хуторах Веткаловском и Андреевском, мордва на хуторе Тарасова, татары в Ново-Мурапталово (НА РБ. Ф.Р-472. Оп.1. Д.801). В Тогузтемирской волости бахчеводство в 1920 г. существовало на хуторах Баросуква и Заховском, в Михайловке, Ново-Барангулке и Тогузтемире (Там же. Д.807).

¹⁵ НА РБ. Ф.Р-472. Оп.1. Д.789.

¹⁶ НА РБ. Ф.Р-472. Оп.1. Д.793.

¹⁷ НА РБ. Ф.Р-472. Оп.1. Д.891.

лизму, который и привнес в дикое, отсталое общество достижения передовой цивилизации.

С 1950-х гг. в Башкирии началось становление профессиональной исторической и этнографической наук, что привело к появлению более взвешенных и обоснованных оценок в историографии. Существование овощеводства у башкир к середине XIX в. становится общепризнанным. Например, в Самарской губернии башкиры «на полях» выращивали арбузы, картофель, репу и другие овощи [90, с.113; 6, с.219]. Это признавалось в обобщающей коллективной монографии, с оговоркой, что для южных и юго-восточных башкир Малой Башкирии «разведение огородных культур, и даже картофеля... не имело значительного распространения» даже в 1920-е гг. Широкое распространение овощеводства у башкир относилось исключительно к советской эпохе [12, с.160].

Важное значение имеют немногочисленные труды лингвистов, которые показали, что названия огородных культур в башкирском языке имеют автохтонное (тюркское) происхождение: «кавын (кауын)» – дыня, «кабак (кабак)» – тыква или заимствованы у народов Востока. Это позволило авторам утверждать о древности земледелия у башкир, тем более что в их состав вошли выходцы Средней Азии (тезики, сарты)¹⁸.

Но историки слабо воспринимали изыскания лингвистов, основная работа Э.Ф. Ишбердина о терминах земледелия в башкирском языке и поныне не переведена на русский язык [28]. Ниже приведены выдержки из данной книги¹⁹.

«Тюркские народы, в том числе башкиры, с древнейших времен занимались садоводством и огородничеством. Но рацион выращиваемых овощей и корнеплодов в огороде не был так богат. Способы хранения и использования продуктов садоводства в течение длительного времени были неизвестны. Поэтому обычно сеяли овощи, которые хранятся дольше или овощи, пригодные для сушки – самый распространенный способ хранения. К ним относятся, например, репа, редька, тыква, дыни, арбузы, чеснок, лук, горох и другие садовые растения. Культуры, требующие длительного и непрерывного ухода, обычно не высеваются. Потребности башкир в весенних и летних овощах в основном удовлетворяли полевые травы и корнеплоды» [28, б.58].

Тыква (кабак) известна тюркским народам с глубокой древности, упоминается в древнетюркских источниках с X в., тюркская основа «каб» восходит к корню «кабаранкы» (выпуклый). Видимо, с ней связано и происхождение названия дыни «кауен» («Кауын – шулай ук төрки халык-

¹⁸ В наказе в Уложенную комиссию от 26 марта 1767 г. тарханы-тезики сообщали, «что предки этих тарханов были выходцами из Бухары, “самоохотно” переселились в Россию и приняли русское подданство» [14, с.178; см. также: 7].

¹⁹ Благодарю Л.Ф. Тагирову за перевод с башкирского языка.

тарына бик борондан билдәле үсемлек. Был һүзәрзең икеһе лә бер үк кабтамырынан яһалған, тик икенсе оракта б>ғ>у өндәр күсешә күзәтелә»). Слово «арбуз» («карбуз») заимствовано из персидского («Карбуз, карпуз, кәрбүз “кабактар ғаиләһенә караған каты кабыклы, кызыл итле эре йәшелсә бирә торған үсемлек”») [28, б.64–65].

Обзор историографии приведен в диссертации Р.Г. Гиззатова, где автор в числе арабо-персидских заимствований в башкирском языке выделил слова: «карбуз» («арбуз»), «кыяр» («огурец»), «хөрмә» («хурма»), «сөгәлдөр» («свекла»), «кишер» («морковь»), «зәйтүн» («олива, маслина»), «райхан» («базелик»), «гөл» («цветок»), «бакса» («сад», «огород») и др. [17, с.28].

В ряде современных исследований признается наличие бахчеводства у башкир. Например, «порой пытались выращивать арбузы, дыни, огурцы на северо-востоке. Поскольку климат на территории Троицкого и Челябинского уездов довольно суров, то последние культуры не прорастали и нередко побивались морозами» [89, с.147].

Так, признается, что у ряда локальных групп башкир садоводство и огородничество, видимо, «имело место в период сложения сказочного фольклора», есть башкирская поговорка: «Два арбуза под мышками не уместишь» [35, с.176]. С другой стороны, повторяются стереотипы, что якобы картошку башкиры стали массово сажать только после Октябрьской революции и голода 1921 г., а овощи «вошли в пищевую культуру южных и юго-восточных башкир» еще позже [36, с.20–21].

Материалы переписи 1920 г. по Малой Башкирии, зафиксировавшей традиции еще дореволюционного хозяйствования, наоборот, свидетельствуют, что именно Южная Башкирия была районом массового овощеводства и бахчеводства. В Кипчак-Джетировском кантоне полевые посадки арбузов и дынь (не огородные) выявлены в башкирских селениях Кабаново и Кульчумово (Бурзян-Кипчакская волость), Зерекле-Белекей-Абызово и Беркутова (2-я Каракипчакская волость), в Каргале, в Юмагузино одноименной волости, а также в Ново-Гафарово и Сунарчи 6-й Усерганской волости Усерганского кантона. При обработке подворных карточек переписи 1920 г. нами не учитывались огородные посадки, включая бахчи. Но факты по 1-й Усерганской волости (башкирские деревни Юлдыбаево и др.) показывают распространение бахчеводства на придомовых участках. Исследователи и краеведы легко могут установить выращивание арбузов и дынь по подворным карточкам сельскохозяйственных переписей.

В качестве образца выберем несколько деревень той самой Южной Башкирии, где овощи якобы поздно попали на башкирский стол. В 1920 г. на самом юге Бурзян-Кипчакской волости Кипчак-Джетировского кантона Малой Башкирии располагалась деревня Кабаново²⁰ (73 башкирских до-

²⁰ Согласно данным из открытых источников, сейчас это селение Кабанкино Саракташского района Оренбургской области, где по переписи 2002 г. татары

мохозяйства и два татарских, всего 358 жителей). На 1901 г. селение состояло из 36 дворов с населением в 253 человека, раскинулось оно при реке Сакмаре, имелась деревянная мечеть со школой «татарской грамоты» [79, с.8]. По данным переписи 1917 г., в Кабановке проживали башкиры (75 семей, 382 чел.) [4, с.5]. Оренбургские статистики сумели опубликовать подробные сведения по Оренбургскому уезду, в том числе по Бурзян-Кипчакской волости и деревне Кабановке (вотчинники башкиры, 76 дворов, шесть беспосевных, 382 чел., 2360,5 дес. наделной земли). Всего под посевом было 476,8 дес., в том числе яровая пшеница (382), овес (40,3), ячмень (38,1), просо (14,4) и гречиха (2 дес.). Тогда как наличие бахчей и огородов в Кабановке не зафиксировано, хотя в Бурзян-Кипчакской волости в 1917 г. в 26 из 58 селений они имелись [58, с.26–31]. Как видим, Кабановка была довольно благополучной деревней, где стабильно росла численность жителей, в 1917 г. в среднем на каждое из 70 сеявших хозяйств приходилось 6,81 дес. посева.

Сохранились подворные карточки переписи 1920 г. на все селение из 75 дворов. В 26 хозяйствах имелись бахчи (35%) (см. табл. 2). У всех жителей Кабаново, указанных в таблице 2, огородов не было, кроме Г.Юлдашева (№18). В таблице 2 показаны посевы за деревней, где-то в полях, огороды и посевы на приусадебной пашне в карточках записывались отдельно, у всех ниже показанных домохозяев там ничего не представлено. Земли же в Кабаново было вдоволь. Площади в подворках указаны либо в казенных десятинах, либо в квадратных саженьях (1 дес. = 2400 кв. саж. = 1,09 га). Здесь мы специально не стали их унифицировать, главное было показать сам факт бахчеводства у жителей Кабаново (в карточках записывали бахчи или бакчи). Поэтому в таблице присутствуют десятые доли и дроби. В именах и фамилиях возможны ошибки, записи угадываемые. Рабочие лошади считаются старше 4-х лет и до 4-х лет вместе. В посевах рядом с бахчами записаны посадки других культур, что показывает особенности земледелия в Кабаново. Сумма посева включает также зерновые хлеба, которые в таблице не выделены (см. табл. 2).

Первое, на что обращает внимание информация из таблицы 2, – это разнообразие измерения площади обрабатываемой земли. Это указывает, что бахчеводством занимались индивидуально, общинные традиции отсутствуют. Второе, наличие среди «арбузников» в Кабаново лиц старших возрастов, вплоть до 80-летнего Тагира Кабанова. Вполне возможно, что выращивание арбузов и дынь имело здесь давние корни. В большинстве случаев посевы тыквенных культур сочетались с посадкой картошки, изредка высевали подсолнечник. И, наконец, нельзя отрицать товарный характер бахчеводства в Кабаново. Столько арбузов для собственного по-

составляли 55% жителей, башкиры – 42%. Начало истории села восходит к рубежу XVIII–XIX вв., по имени одного из первопоселенцев – Кабана Бикбулатова.

требления не требуется. От Кабаново до Оренбурга есть удобная гужевая дорога, стоит только переехать через Сакмару, несколько часов пути на телеге и рынки губернского центра ждут продавцов арбузов.

Таблица 2

Бахчеводство в Кабаново по данным переписи 1920 г.²¹

Домохозяин, возраст, количество всех членов семьи	Рабочих лошадей	Посевы огородных культур в поле	Всего посева
1. Ишмухамет(ов) (имя неразборчиво), 28 лет, 3 чел.	3	бахча – 1/8 дес., картофель – 1/8 дес., подсолнечник – 1/8 дес.	2 ³ / ₄ дес.
2. Булдашев Кульмухамет, 62 года, 4 чел.	2	бахча – 3 кв. саж., картофель – 3 кв. саж.	3 дес. 26 кв. саж.
3. Бикмухаметов Ямалидин, 30 лет, 7 чел.	2	бахча – 1/8 дес., картофель – 1/8 дес.	3,5 дес.
4. Максудов Гариф, 48 лет, 6 чел.	1	бахча – 1/8 дес., картофель – 1/8 дес.	³ / ₄ дес.
5. Байрамгулов Гизятулла, 60 лет, 5 чел.	1	бахча – 1/8 дес., картофель – ³ / ₄ дес.	3 ¹ / ₅ дес.
6. Алтынчурин Шамсидин, 33 года, 5 чел.	1	бахча – 1/10 дес., картофель – 3/40 дес.	2 ⁷ / ₄₀ дес.
7. Габитов Мухаметдин, 28 лет, 4 чел.	2	бахча – 3 кв. саж., картофель – 5 кв. саж.	3 дес. 13 кв. саж.
8. Султангузин Карамкулуг, 29 лет, 2 чел.	2	бахча – 1/20 дес., картофель – 1/20 дес.	2 ⁷ / ₂₀ дес.
9. Хасанов Ситдык, 55 лет, 3 чел.	3	бахча – 5 кв. саж., картофель – 5 кв. саж.	5 ¹ / ₄ дес.
10. Алтынчурин Мифтахитдин, 36 лет, 5 чел.	4	арбузы – 7 кв. саж., подсолнечник – 15 кв. саж., картофель – 5 кв. саж.	6 дес. 27 кв. саж.
11. Султангузин Ахмет, 55 лет, 8 чел.	2	бахча – 3/40 дес., картофель – 3/40 дес.	4 ³¹ / ₄₀ дес.
12. Худайназаров Абдулкарим, 50 лет, 8 чел.	3	бахча – 1/10 дес., картофель – 3/40 дес.	4 ²⁷ / ₄₀ дес.
13. Кабанов Тагир, 80 лет, 6 чел.	5	бахча – 5 кв. саж.	4 дес. 35 кв. саж.
14. Султанов Галим, 43 года, 7 чел.	3	бахча – 3/40 дес., картофель – 3/40 дес.	3 ¹³ / ₂₀ дес.
15. Кайюпов Абдулгани, 62 года, 7 чел.	2	бахча – 3/40 дес., картофель – 1/8 дес.	2 ¹ / ₅ дес.
16. Сергулов Галиуллa, 36 лет, 4 чел.	2	бахча – 3 кв. саж., картофель – 2 кв. саж.	3 дес. 5 кв. саж.
17. Алебаев Загудуллa, 50 лет,	3	бахча – 5 кв. саж., под-	11 дес. 35

²¹ НА РБ. Ф.Р-472. Оп.1. Д.790.

8 чел.		солнечник – $\frac{1}{2}$ дес., картофель – $\frac{1}{4}$ дес.	кв. саж.
18. Юлдашев Габадулла, 45 лет, 5 чел.	1	картофель – $\frac{3}{32}$ дес. на огороде, в поле бахча – $\frac{1}{8}$ дес.	4 дес.
19. Каримов Давлетша, 49 лет, 6 чел.	2	бахча – $\frac{2}{40}$ дес., картофель – $\frac{3}{8}$ дес.	3 $\frac{8}{10}$ дес.
20. Абдульманов Султан, 65 лет, 5 чел.	3	бахча – $\frac{1}{10}$ дес., картофель – $\frac{1}{40}$ дес.	1 $\frac{3}{20}$ дес.
21. Шافеев Ишмурза, 46 лет, 5 чел.	1	бахча – 5 кв. саж., картофель – 5 кв. саж.	3 дес. 25 кв. саж.
22. Шافеев Бикмурза, 55 лет, 4 чел.	1	бахча – $\frac{3}{40}$ дес.	1 $\frac{3}{40}$ дес.
23. Байрамгулов Садрей, 45 лет, 4 чел.	3	бахча – 3 кв. саж., картофель – 3 кв. саж.	4 дес. 16 кв. саж.
24. Юлчурун Мурзагалий, 60 лет, 8 чел.	2	бахча – $\frac{1}{4}$ дес.	4 дес. 20 кв. саж.
25. Султангузин Хабибуллуй, 55 лет, 6 чел.	6	бахча – $\frac{1}{8}$ дес., картофель – $\frac{1}{8}$ дес.	7 дес.
26. Юлдашев Мухлисулла(?), 40 лет, 5 чел.	1	бахча – $\frac{1}{8}$ дес., картофель – $\frac{1}{8}$ дес.	4 дес.

Бахчеводством занимались люди разного достатка, лишь трое сеяли менее 3-х десятин всего (с зерновыми), но и очень богатых почти не было (единственный – З.Алебаев, №17). Наверняка выращивание арбузов и дынь составляло существенную часть дохода жителей Кабаново. Карточки переписи 1920 г. также показывают, что почти половина сельчан сажала картошку.

Примечательно, что огородничество вообще и бахчеводство в частности «оставляют» слабые следы в исторических источниках. Современники по разным причинам «проходят мимо», не фиксируют бытовую повседневность, обыденность, а потомки затем придумывают мифы...

Земские статистики в 1917 г. не зафиксировали бахчи в Кабаново, а в 1920 г. треть жителей разводили арбузы и дыни. Не могли же они за три года Гражданской войны стремительно освоить новые культуры?! Аналогичная ситуация в Березовке под Уфой. В карточках переписи 1920 г. в графах по огородничеству ничего не вписано, лишь у законопослушных и богобоязненных поповен аккуратно указано все, чем богат их маленький огорожок, вплоть до клубники и арбузов. Невозможно поверить, что в подгородном сельце крестьяне по весне не трудились на своих грядках. Скорее всего, в конце августа 1920 г. уфимские статистики, глядя на угрюмых березовских мужиков и баб с вилами, просто махнули рукой на огороды.

В более северных селениях горно-лесной зоны Малой Башкирии в 1920 г., как говорилось выше, бахчи размещали на приусадебных участках. Огороды у башкир и других народов здесь встречались редко, в основном сажали картошку. Овощеводство в сложных климатических условиях требовало высокой культуры земледелия и ресурсов, поэтому встречалось только у зажиточных сельчан.

В уже названной башкирской деревне Юлдыбаево 1-й Каракипчакской волости, которая располагалась на берегу речушки Ассель у подножия довольно высоких гор (современный Зианчуринский район РБ), по переписи 1920 г. бахчеводство зафиксировано только в трех состоятельных домохозяйствах. Кроме упомянутого выше Баязитова (4,38 дес. всего посева), большой огород завел крупнейший посевищик в Юлдыбаево – 52-летний Мутигула Ниязмухаметович Аслаев. У него было 5 рабочих лошадей и 9,25 дес. посева. А на приусадебном огороде росли картофель (1/8 дес.), конопля (3, видимо, квадратных сажени), огурцы (2 кв. саж.), арбузы и дыни (по 5 кв. саж.). Помимо двух башкир, в Юлдыбаево огород держал русский мельник Алексей Михайлович Быков (62 года, 2 рабочих лошади, 5 дес. посева, мукомольная водяная мельница). На грядках у него росли картошка, капуста, огурцы, лук, а также арбузы (5 кв. саж.) и дыни (5 кв. саж.)²².

Выше по течению речушки Ассель в окружении горных лесов расположена башкирская деревня Иткулово. В 1920 г. бахчеводством занимался здесь 35-летний Гариф Зарифович Шаяхметов (безлошадный, 1 дес. посева яровой пшеницы). Он выращивал на огороде картошку (4 кв. саж., видимо), арбузы (5 кв. саж.) и дыни (5 кв. саж.). 43-летний Гайса Суфьянович Сарыгулов (3 рабочих лошади, 3,5 дес. посева), кроме картошки (4 кв. саж.), арбузов (5), дынь (1), также посадил огурцы (1 кв. саж., в карточке записано: «огр.»)²³. В соседней 2-й Усерганской волости в 1920 г. зафиксированы посевы тыквы в башкирских селениях Верхне-Мамбетшино (8 дворов) и Яныбаева (6 хозяйств)²⁴.

Таким образом, несмотря на незначительное количество источников, которые надо «по круплицам» разыскивать в архивах и библиотеках, собранные факты позволяют утверждать о старинном бахчеводстве в Уфимской губернии, центральной и южной Башкирии, северной условной границей которого примерно является широта города Уфы. Здесь, помимо привоза арбузов из Оренбуржья, помещики и крестьяне выращивали бахчевые культуры. Развитию бахчеводства способствовал спрос городского населения, почему эти культуры тяготели к пригородным волостям, а также дороговизна перевозки (гужевым транспортом в старину, позднее по

²² НА РБ. Ф.Р-472. Оп.1. Д.891.

²³ Там же.

²⁴ НА РБ. Ф.Р-472. Оп.1. Д.892.

железной дороге). Выращивание арбузов и дынь в непростых, часто холодных и дождливых, климатических условиях оставалось рентабельным.

Огородничество вообще и бахчеводство в частности свидетельствуют о достаточно высокой культуре земледелия и наличии рыночного хозяйства. Сельчане достаточно быстро осваивали новые сельскохозяйственные культуры. Так, в XIX в. в деревни Уфимской губернии пришли помидоры, подсолнечник и некоторые другие растения. Даже «экзотическое» для данной природно-климатической зоны бахчеводство прочно укрепилось в деревнях. Во многих деревнях Республики Башкортостан к югу от Уфы сохранилась память о старинном бахчеводстве, исчезнувших местных сортах дынь, как телегами башкиры везли колхозные арбузы на рынок.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авдеева Е.А.* Полная поваренная книга русской опытной хозяйки или руководство к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве. СПб.: Издание книгопродавца Д.Ф. Федорова, 1875. 523 с.
2. *Аксаков С.Т.* Детские годы Багрова-внука. Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1977. 320 с.
3. *Аксаков С.Т.* Собрание сочинений в 4-х томах. Т.I. М.: Гослитиздат, 1956. 640 с.
4. Алфавитный список населенных мест Оренбургской губернии по данным сельско-хозяйственной и поземельной переписи 1917 года. Оренбург, 1917. 41 с.
5. Арбузы и дыни / авт.-сост. З.Д. Сыч и др. М.: АСТ; Донецк: Сталкер, 2002. 78 с.
6. *Асфандияров А.З.* Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). Уфа: Китап, 2006. 504 с.
7. *Асфандияров А.З.* Башкирские тарханы. Уфа: Китап, 2006. 256 с.
8. Бакча: Традиции огородничества в культуре народов Урало-Поволжья. V Международный полевой этнографический симпозиум (программа и тезисы). Ижевск, 2024. 56 с.
9. *Баталин Ф.А.* Справочная книга русского сельского хозяина. СПб.: Изд-во А.Ф. Девриена, 1892. 604 с.
10. Бахчеводство / под общ. ред. А.И. Филова. М.: Сельхозгиз, 1959. 568 с.
11. Бахчеводство в России (проблемы и пути решения). Материалы научно-практической конференции в рамках фестиваля «Российский арбуз» / ред. В.В. Коринец и др. Астрахань, 2003. 85 с.
12. Башкиры / отв. ред.: Р.Г. Кузеев, Е.С. Данилко. М.: Наука, 2015. 662 с.
13. *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. Дополнительный том I. СПб.: Типография Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1905. 478 с.
14. *Васильев И.М.* Податное и военно-служилое население Башкирии по на-казам в Уложенную комиссию 1767 г.: В 2-х частях. Ч.2. Уфа, 2000. С.173–292.

15. *Выскребенцев А.В.* История коноплеводства Курского края в документах государственного архива Курской области // Научный вестник Крыма (Симферополь). 2023. №4 (44). С.1–6.

16. *Гарьянова Е.Д.* Особенности технологии возделывания сортотипов столового арбуза: автореф. дис. ... канд. с.-х. наук. Астрахань, 2005. 20 с.

17. *Гиззатов Р.Г.* Лексика земледелия в башкирском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2013. 32 с.

18. *Годовиков Владимир.* Из путешествия по Восточной Сибири И.Ф. Базилевского (фрагменты) // Река времени. 2018 / сост. и отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2018. С.102–108.

19. Групповые итоги сельско-хозяйственной переписи 1920 года (по губерниям и районам) // Труды ЦСУ РСФСР. Т. XIV, вып. 1а. М., 1926. 360 с.

20. *Дебу И.* Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем ее состоянии. М.: Универ. тип., 1837. 230 с.

21. *Дегтярёв В.М.* Агробιοлогические особенности и технология возделывания столового арбуза в степной зоне Оренбургского Предуралья: дис. ... канд. с.-х. наук. Оренбург, 2003. 169 с.

22. *Елина О.Ю.* От царских садов до советских полей: история сельскохозяйственных опытных учреждений, XVIII – 20-е гг. XX в.: в 2 т. Т. 2. М.: Эгмонт Россия Лтд, 2008. 486 с.

23. *Игнатъев Р.Г.* Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / отв. ред. В.А. Лабузов; сост. М.И. Роднов. Т. II: 1866–1868 годы. Уфа, 2011. 290 с.

24. *Игнатъев Р.Г.* Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / сост. М.И. Роднов. Т. III: 1869–1872 годы. Уфа, 2011. 302 с.

25. *Игнатъев Р.Г.* Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / сост. М.И. Роднов. Т. X: Переписка, неопубликованные сочинения, работы разных лет. Уфа, 2020. 265 с.

26. Исторические портреты. В 5 т. Т. 5: Сочинения Ивана Прокофьевича Софенова / сост. и отв. ред. М.И. Роднов. Уфа: Альфа-Реклама, 2019. 254 с.

27. История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века / отв. ред. Х.Ф. Усманов. Уфа: Китап, 1996. 520 с.

28. *Ишбирзин Э.Ф.* Башкорт телендә игенселек һәм баксасылык терминдары. Өфө, 2002. 150 б.

29. *Козлов С.А.* Российские ученые-аграрники XIX – начала XX века: Историко-биографические очерки. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 967 с.

30. *Козлов С.А.* «Мама русского огурца»: Екатерина Григорьевна Аверкиева (1852–1918) // Северо-Запад в аграрной истории России / под ред. В.Н. Никулина. Вып. 27. Калининград, 2021. С.83–95.

31. *Колпакова А.В.* Арбуз, дыня, алыча и другие южные культуры, выращиваем в средней полосе. М.: Эксмо, 2013. 222 с.

32. *Кузнецов И.А.* Очерки истории сельскохозяйственной экономики в России: XIX – начало XX века. М.: Издательский дом Дело, 2018. 381 с.

33. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Экономические и социальные отношения в Башкирии. Управление Оренбургским краем в 50–70-х годах XVIII в. Ч. 2 / сост. Н.Ф. Демидовой, под ред. А.Н. Усманова. М.: Изд-во Академии наук ССР, 1956. 666 с.

34. Мельник Л.Ю. Алфавитный указатель статей в научных изданиях Ростовского музея. 2001–2015 гг. // Сообщения Ростовского музея. Вып. XXI. Ростов, 2016. С.356–390.

35. Мигранова Э.В., Мигранов Р.А. «Мир – это благоухающий сад» (к вопросу о времени распространения и традициях садоводства и огородничества у башкир) // Традиционный Ислам в России и выдающийся башкирский ученый-теолог просветитель мусульманского мира, шейх Зайнулла Расулев. Уфа, 2018. С.174–178.

36. Мигранова Э.В. «Каждому овощу свое время»: традиции огородничества у башкир // Бакча: Традиции огородничества в культуре народов Урало-Поволжья. V Международный полевой этнографический симпозиум (программа и тезисы). Ижевск, 2024. С.20–21.

37. Морозов А.Г. Торговое земледелие крестьян Центрального Нечерноземья в конце XVIII – первой половине XIX в. (По материалам Ростовского огородничества): автореф. ... канд. ист. наук. Иваново, 2009. 22 с.

38. Обзор действий департамента сельского хозяйства в течение пяти лет, с 1844 по 1849 год. СПб.: Типография МГИ, 1850.

39. Обзор Уфимской губернии за 1882 год. (Приложение ко всеподданнейшему отчету). Уфа: Типография губернского правления, 1884.

40. Обзор Уфимской губернии за 1898 год. Уфа: Типография губернского правления, 1900.

41. Обзор Уфимской губернии за 1899 год. Уфа: Типография губернского правления, 1900.

42. Обзор Уфимской губернии за 1900 год. Уфа: Типография губернского правления, 1902.

43. Обзор Уфимской губернии за 1903 год. Уфа: Типография губернского правления, 1904.

44. Обзор Уфимской губернии за 1904 год. Уфа: Типография губернского правления, 1905.

45. Озерецковский Н.Я. Путешествие по России (фрагменты) // Река времени. 2015 / отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2015. С.43–50.

46. Оренбургские губернские ведомости. 1846. 10 августа.

47. Оренбургские губернские ведомости. 1846. 7 сентября.

48. Оренбургские губернские ведомости. 1846. 21 сентября.

49. Оренбургские губернские ведомости. 1850. 23 сентября.

50. Оренбургские губернские ведомости. 1851. 15 сентября.

51. Оренбургские губернские ведомости. 1852. 30 августа.

52. Оренбургские губернские ведомости. 1864. 19 сентября.

53. Оренбургские губернские ведомости. 1881. 26 сентября.

54. Орлова Ж.И. Все об овощах. М.: Агропромиздат, 1986. 222 с.

55. Осипов В.С. Арбуз, дыня, тыква. М.; Л.: Сельхозгиз, 1935. 61 с.

56. Очерк современного состояния плодоводства, огородничества и виноградарства с виноделием в России и правительственных мероприятий к их развитию. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1914. 138 с.

57. Подгорный П.И., Подгорная Л.П. Кормовой арбуз. Воронеж: Воронежское областное книгоизд-во, 1951. 52 с.

58. [Поселенные итоги Оренбургского уезда по данным сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г.]. Б. м. и б. г. 153 с.

59. Предварительные итоги Всероссийской сельско-хозяйственной переписи. 1920 г. Скотоводство и посевная площадь. Вып. 1. Стерлитамак: Издание Башгосиздательства, 1921. 22 с.

60. Роднов М.И. Крестьянство Уфимского уезда по переписи 1917 года. Уфа: НУР-Полиграфиздат, 1997. 192 с.

61. Роднов М.И. Сельский мулла башкирского Предуралья // Река времени. 2004 / отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2005. С.25–71.

62. Роднов М.И. Население Уфимского уезда по переписи 1920 года: справочник / отв. ред. А.Д. Коростелёв. СПб.: «Свое издательство», 2014. 144 с.

63. Роднов М.И. Преодоление региональных границ: южноуральский калейдоскоп генеалогических сведений об известных россиянах // *Magistra Vitae*. 2018. №2. С.20–25. <https://doi.org/10.24411/2542-0275-2018-00024>

64. Роднов М.И. Уфимские дворяне-помещики на закате Империи. 1900–1917 годы. Уфа: Альфа-Реклама, 2020. 176 с.

65. Роднов М.И., Тагирова Л.Ф. Семечки на Южном Урале: начало истории возделывания подсолнечника // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии (Челябинск). 2022. №2. С.5–11.

66. Роднов М.И., Тарасова Т.В. Жизнь вокруг храма (история Христорождественской церкви села Березовки) // Река времени. 2023 / сост. и отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2023. С.13–53.

67. Роднов М.И. Уфимское купечество во второй половине XIX века: монография. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2024. 362 с.

68. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга / под ред. В.П. Семенова-Тян-Шанского, и под общим руководством П.П. Семенова-Тян-Шанского и В.И. Ламанского. Т.V. Урал и Приуралье. СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1914. 669 с.

69. Рытов М. Арбуз // Полная энциклопедия русского сельского хозяйства и соприкасающихся с ним наук. Т.I. Абрикос – Ворсянка. СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1900. Стб.304–305.

70. Рытов М.В. Русское огородничество. СПб.: Издательство П.П. Сойкина, 1914. 292 с.

71. Рытов М. Выращивание огородных растений на семена. Краткие наставления для крестьянского хозяйства. Пг.: Типография братьев В. и И. Линник, 1917. 119 с.

72. Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т.II. Стерлитамакский уезд. Оценочно-статистические материалы по данным местных исследований 1895 и 97 гг. / под ред. С.Н. Велецкого. Самара: Типография Н.К. Реутовского, 1899. 1088 с.

73. Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т.IV. Белебевский уезд. Оценочно-статистические материалы по данным местных исследований 1895–96 года / под ред. С.Н. Велецкого. Уфа: Паровая типо-литография А.П. Зайкова, 1898. 1048 с.

74. Свище Я.С. «Вот родина моя...» Литературно-краеведческие записки к произведениям Сергея Тимофеевича Аксакова. Уфа: «Белая река», 2018. 112 с.

75. Сельско-хозяйственный листок. 1911. №1.
76. Сельско-хозяйственный листок. 1924. №4.
77. *Симонов А.С.* Агротехника столового арбуза в Оренбургской области. Оренбург: Книж. изд-во, 1959. 44 с.
78. *Сорочинская Г.В.* Семеноводство столового арбуза. Сталинград: Книж. изд-во, 1958. 7 с.
79. Списки населенных мест Оренбургской губернии. Оренбург: Типо-литография губернского правления, 1901. 251 с.
80. *Томашевский И.А., Киселёва М.Н., Мошонкин Б.М.* Бахчевые культуры в Челябинской области / под ред. П.А. Жаворонкова. Челябинск: Челябин. обл. гос. изд-во, 1952. 120 с.
81. Уфимский край. 1907. 24 августа.
82. Уфимский листок объявлений и извещений. 1879. 25 июня.
83. Уфимский листок объявлений и извещений. 1894. 17 января. Приложение.
84. *Фурса Т.Б.* Арбуз: систематика, эволюция, биология, исходный материал для селекции: дис. ... д-ра биол. наук. Л., 1982. 308 с.
85. *Челобанов Н.В.* К высоким урожаям арбузов. Волгоград: Нижне-Волжское кн. изд-во, 1964. 48 с.
86. *Черемшанский В.М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа: Тип. Оренбургского губернского правления, 1859. [4], IV, 472 с.
87. *Шефатов И.А.* Разработка элементов агротехники кустовых сортов арбуза для условий Волгоградского Заволжья: дис. ... канд. с.-х. наук. М., 2005. 201 с.
88. *Эверсман Э.* Естественная история Оренбургского края. Ч. I. Оренбург: В Типографии Штаба Отдельного Оренбургского Корпуса, 1840. [10], VI, 99 с.
89. *Юсупова Л.Я.* Земледелие северо-восточных башкир Оренбургской губернии первой половины XIX века // Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII–XX веках / гл. ред. Г.Е. Корнилов. Оренбург, 2006. С.145–148.
90. *Янгузин Р.З.* Хозяйство башкир дореволюционной России. Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1989. 192 с.
91. *Янсиярова Г.Ф.* Современная флора и растительность усадебных садово-парковых комплексов Оренбургской губернии (на примере старинных усадеб Звенигородского, Тимашевых, Шотт): автореф. дис. ... канд. биол. наук. Оренбург, 2013. 22 с.

Информация об авторе:

Роднов Михаил Игоревич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории и истории культуры Башкортостана, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Уфа, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-7654-4782; e-mail: rodnov@ufacom.ru

Поступила 10.10.2024

Принята к публикации 23.04.2025

On the history of domestic melon growing
in the 19th – early 20th centuries
(based on materials from the Orenburg and Ufa provinces)

M.I. Rodnov

*Institute of History, Language and Literature
of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences
Ufa, Russian Federation*

Based on a wide range of sources, the article analyzes the development of one of the important branches of Russian agriculture – melon growing, with an emphasis on the cultivation of watermelons in the South Urals in the 19th – early 20th centuries. It is unknown when watermelons first appeared here, but already in the 18th century melon growing existed from Orenburg to Ufa. Melon fields were kept by landowners and peasants, then by suburban summer residents, there were stable intraregional deliveries of watermelons and melons from the south to the north: to Ufa, the Ural mining plants and even to Yekaterinburg. Melon growing was highly marketable and brought good profits, so it was concentrated around cities (Ufa, Sterlitamak and others). Watermelons were grown by representatives of all the peoples of the region (Russians, Bashkirs, Tatars, Ukrainians, etc.).

Keywords: melon growing, watermelons, melons, gardening, vegetable growing, agriculture, trade, South Urals, Ufa, Orenburg, Bashkirs

For citation: Rodnov M.I. On the history of domestic melon growing in the 19th – early 20th centuries (based on materials from the Orenburg and Ufa provinces). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.2, pp.89–120. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-2.89-120> (In Russian)

REFERENCES

1. Avdeeva E.A. *Complete cookbook of the experienced Russian housewife or a guide to reducing household expenses*. St. Petersburg: D.F. Fedorov Publ., 1875. 523 p. (In Russian)
2. Aksakov S.T. *Childhood years of Bagrov the grandson*. Ufa: Bashkir book Publ., 1977. 320 p. (In Russian)
3. Aksakov S.T. *Collected works in 4 volumes*. Vol.1. Moscow: Goslitizdat Publ., 1956. 640 p. (In Russian)
4. *Alphabetical list of populated areas of the Orenburg province according to the agricultural and land census of 1917*. Orenburg, 1917. 41 p. (In Russian)
5. *Watermelons and melons*. Compiled by Z.D. Sych et al. Moscow: AST Publ.; Donetsk: Stalker Publ., 2002. 78 p. (In Russian)
6. Asfandiyarov A.Z. *Bashkiria after joining Russia (second half of the 16th – first half of the 19th century)*. Ufa: Kitap Publ., 2006. 504 p. (In Russian)
7. Asfandiyarov A.Z. *Bashkir Tarkhans*. Ufa: Kitap Publ., 2006. 256 p. (In Russian)

8. Bakcha: traditions of gardening in the culture of the peoples of the Ural-Volga region. *5th International field ethnographic symposium (program and abstracts)*. Izhevsk, 2024. 56 p. (In Russian)

9. Batalin F.A. *Reference book of the Russian rural owner*. St. Petersburg: A.F. Devrien Publ., 1892. 604 p. (In Russian)

10. *Melon growing*. Ed. by A.I. Filov. Moscow: Selkhozgiz Publ., 1959. 568 p. (In Russian)

11. Melon growing in Russia (problems and solutions). *Materials of the scientific and practical conference within the framework of the festival "Russian watermelon"*. Ed. by V.V. Korinets et al. Astrakhan, 2003. 85 p. (In Russian)

12. *Bashkirs*. Ed. by R.G. Kuzeev, E.S. Danilko. Moscow: Nauka Publ., 2015. 662 p. (In Russian)

13. Brockhaus F.A., Efron I.A. *Encyclopedic dictionary*. Additional volume 1. St. Petersburg: Brockhaus-Efron Publ., 1905. 478 p. (In Russian)

14. Vasiliev I.M. *Tax-paying and military service population of Bashkiria according to orders of the Legislative Commission of 1767: in 2 parts*. Part 2. Ufa, 2000. Pp.173–292. (In Russian)

15. Vyskrebentsev A.V. History of hemp cultivation in the Kursk region in the documents of the State Archive of the Kursk Region. *Scientific Bulletin of Crimea (Simferopol)*. 2023, no.4(44), pp.1–6. (In Russian)

16. Gar'yanova E.D. *Features of the technology of cultivation of table watermelon varieties*. *Dissertation Abstract of a Candidate of Agricultural Sciences*. Astrakhan, 2005. 20 p. (In Russian)

17. Gizzatov R.G. *Vocabulary of agriculture in the Bashkir language*. *Dissertation Abstract of a Candidate of Philological Sciences*. Ufa, 2013. 32 p. (In Russian)

18. Godovikov V. From I.F. Bazilevsky's journey through Eastern Siberia (fragments). *River of Time*. 2018. Compiled and ed. by M.I. Rodnov. Ufa, 2018. Pp.102–108. (In Russian)

19. Group results of the 1920 Agricultural Census (by province and district). *Works of the Central Statistical Administration of the RSFSR*. Vol.14, no.1a. Moscow, 1926. 360 p. (In Russian)

20. Debu I. *Topographical and statistical description of the Orenburg province in its current state*. Moscow: University Publ., 1837. 230 p. (In Russian)

21. Degtyarev V.M. *Agrobiological features and technology of cultivation of table watermelon in the steppe zone of the Orenburg Cis-Urals*. *Dissertation of a Candidate of Historical Sciences*. Orenburg, 2003. 169 p. (In Russian)

22. Elina O.Yu. *From royal gardens to Soviet fields: history of agricultural experimental institutions, 18th – 20s of the 20th century: in 2 volumes*. Vol.2. Moscow: Egmont Russia Ltd. Publ., 2008. 486 p. (In Russian)

23. Ignatiev R.G. *Collected works (Ufa and Orenburg periods)*. Ed. by V.A. Labuzov. Compiled by M.I. Rodnov. Vol.2: 1866–1868. Ufa, 2011. 290 p. (In Russian)

24. Ignatiev R.G. *Collected works (Ufa and Orenburg period)*. Compiled by M.I. Rodnov. Vol.3: 1869–1872. Ufa, 2011. 302 p. (In Russian)

25. Ignatiev R.G. *Collected Works (Ufa and Orenburg Period)*. Compiled by M.I. Rodnov. Vol.10: Correspondence, unpublished writings, works from different years. Ufa, 2020. 265 p. (In Russian)

26. *Historical portraits*. In 5 volumes. Vol.5: Works by Ivan Prokofievich Sosfenov. Compiled and ed. by M.I. Rodnov. Ufa: Alfa-Reklama Publ., 2019. 254 p. (In Russian)
27. *History of Bashkortostan from ancient times to the 60s of the 19th century*. Ed. by Kh.F. Usmanov. Ufa: Kitap Publ., 1996. 520 p. (In Russian)
28. Ishberdin E.F. *Terms of agriculture in the Bashkir language*. Ufa: Bashkir State University Publ., 2002. 150 p. (In Bashkir)
29. Kozlov S.A. *Russian agricultural scientists of the 19th – early 20th centuries: Historical and biographical essays*. Moscow: Political Encyclopedia Publ., 2019. 967 p. (In Russian)
30. Kozlov S.A. "Mother of the Russian cucumber": Ekaterina Grigoryevna Averkieva (1852–1918). *North-West in the agrarian history of Russia*. Ed. by V.N. Nikulin. Issue 27. Kaliningrad, 2021. Pp.83–95. (In Russian)
31. Kolpakova A.V. *Watermelon, melon, cherry plum and other southern crops, grown in the middle zone*. Moscow: Eksmo Publ., 2013. 222 p. (In Russian)
32. Kuznetsov I.A. *Essays on the history of agricultural economy in Russia: 19th – early 20th centuries*. Moscow: Delo Publ., 2018. 381 p. (In Russian)
33. *Materials on the history of the Bashkir ASSR*. Vol. IV. Economic and social relations in Bashkiria. Management of the Orenburg region in the 50–70s of the 18th century. Part 2. Compiled by N.F. Demidova. Ed. by A.N. Usmanov. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1956. 666 p. (In Russian)
34. Melnik L.Yu. Alphabetical index of articles in scientific publications of the Rostov Museum. 2001–2015. *Communications of the Rostov Museum*. Issue 21. Rostov, 2016. Pp.356–390. (In Russian)
35. Migranova E.V., Migranov R.A. "The world is a fragrant garden" (on the issue of the time of spread and traditions of gardening and vegetable gardening among the Bashkirs). *Traditional Islam in Russia and the outstanding Bashkir scholar-theologian, educator of the Muslim world, Sheikh Zainulla Rasulev*. Ufa, 2018. Pp.174–178. (In Russian)
36. Migranova E.V. "Every vegetable has its time": Bashkir gardening traditions. *Bakcha: gardening traditions in the culture of the peoples of the Ural-Volga region. 5th International field ethnographic symposium (program and abstracts)*. Izhevsk, 2024. Pp.20–21. (In Russian)
37. Morozov A.G. *Commercial agriculture of peasants of the Central Non-Chernozem Region in the late 18th – first half of the 19th century (based on materials from Rostov gardening)*. *Dissertation Abstract of a Candidate of Historical Sciences*. Ivanovo, 2009. 22 p. (In Russian)
38. *Review of the activities of the Department of Agriculture during five years, from 1844 to 1849*. St. Petersburg: Ministry of State Property Publ., 1850. (In Russian)
39. *Review of Ufa Province for 1882. (Appendix to the most humble report)*. Ufa: Provincial Government Publ., 1884. (In Russian)
40. *Review of Ufa Province for 1898*. Ufa: Provincial Government Publ., 1900. (In Russian)
41. *Review of Ufa Province for 1899*. Ufa: Provincial Government Publ., 1900. (In Russian)
42. *Review of Ufa Province for 1900*. Ufa: Provincial Government Publ., 1902. (In Russian)

43. *Review of Ufa Province for 1903*. Ufa: Provincial Government Publ., 1904. (In Russian)
44. *Review of Ufa province for 1904*. Ufa: Provincial Government Publ., 1905. (In Russian)
45. Ozeretskovsky N.Ya. Journey across Russia (fragments). *River of Time*. 2015. Ed. by M.I. Rodnov. Ufa, 2015. Pp.43–50. (In Russian)
46. *Orenburg Provincial Gazette*, 1846, August 10. (In Russian)
47. *Orenburg Provincial Gazette*, 1846, September 7. (In Russian)
48. *Orenburg Provincial Gazette*, 1846, September 21. (In Russian)
49. *Orenburg Provincial Gazette*, 1850, September 23. (In Russian)
50. *Orenburg Provincial Gazette*, 1851, September 15. (In Russian)
51. *Orenburg Provincial Gazette*, 1852, August 30. (In Russian)
52. *Orenburg Provincial Gazette*, 1864, September 19. (In Russian)
53. *Orenburg Provincial Gazette*, 1881, September 26. (In Russian)
54. Orlova Zh.I. *All about vegetables*. Moscow: Agropromizdat Publ., 1986. 222 p. (In Russian)
55. Osipov V.S. *Watermelon, melon, pumpkin*. Moscow-Leningrad: Selkhozgiz Publ., 1935. 61 p. (In Russian)
56. *An essay on the current state of fruit growing, gardening, viticulture and winemaking in Russia and government measures for their development*. St. Petersburg: V.F. Kirshbaum Publ., 1914. 138 p. (In Russian)
57. Podgorny P.I., Podgornaya L.P. *Fodder watermelon*. Voronezh: Voronezh regional Publ., 1951. 52 p. (In Russian)
58. *Settlement results of the Orenburg district according to the agricultural and land census of 1917*. 153 p. (In Russian)
59. *Preliminary results of the All-Russian agricultural census*. 1920. Livestock breeding and sown area. Issue 1. Sterlitamak: Bashgosizdat Publ., 1921. 22 p. (In Russian)
60. Rodnov M.I. *Peasantry of Ufa district according to the 1917 census*. Ufa: NUR-Poligrafizdat Publ., 1997. 192 p. (In Russian)
61. Rodnov M.I. Rural mullah of the Bashkir Cis-Urals. *River of Time*. 2004. Ed. by M.I. Rodnov. Ufa, 2005. Pp.25–71. (In Russian)
62. Rodnov M.I. *Population of Ufa district according to the 1920 census: reference book*. Ed. by A.D. Korostelev. St. Petersburg: Svoye izdatelstvo Publ., 2014. 144 p. (In Russian)
63. Rodnov M.I. Overcoming regional boundaries: the South Ural kaleidoscope of genealogical information about famous Russians. *Magistra Vitae*. 2018, no.2, pp.20–25. <https://doi.org/10.24411/2542-0275-2018-00024> (In Russian)
64. Rodnov M.I. *Ufa noble landowners at the end of the Empire. 1900–1917*. Ufa: Alfa-Reklama Publ., 2020. 176 p. (In Russian)
65. Rodnov M.I., Tagirova L.F. Sunflower seeds in the Southern Urals: the beginning of the history of sunflower cultivation. *Magistra Vitae: electronic journal on historical sciences and archeology (Chelyabinsk)*. 2022, no.2, pp.5–11. (In Russian)
66. Rodnov M.I., Tarasova T.V. Life around the temple (history of the Nativity of Christ Church in the village of Berezovka). *River of Time*. 2023. Ufa, Compiled and ed. by M.I. Rodnov. 2023. Pp.13–53. (In Russian)

67. Rodnov M.I. *Ufa merchants in the second half of the 19th century: monograph*. Ufa: Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, 2024. 362 p. (In Russian)

68. *Russia. Complete geographical description of our Fatherland*. Handbook and road book. Ed. by V.P. Semenov-Tyan-Shansky. Vol.5. Ural and the Urals. St. Petersburg: A.F. Devrien Publ., 1914. 669 p. (In Russian)

69. Rytov M. Watermelon. *Complete Encyclopedia of Russian Agriculture and Related Sciences*. Vol.1. Apricot – Vorsyanka. St. Petersburg: A.F. Devrien Publ., 1900. Columns 304–305. (In Russian)

70. Rytov M.V. *Russian gardening*. St. Petersburg: P.P. Soikin Publ., 1914. 292 p. (In Russian)

71. Rytov M. *Growing garden plants for seeds*. Brief instructions for peasant farming. St. Petersburg: brothers V. and I. Linnik Publ., 1917. 119 p. (In Russian)

72. *Collection of statistical information on Ufa province*. Vol.2. Sterlitamak district. Estimated statistical materials based on local research data from 1895 and 1997. Ed. by S.N. Veletsky. Samara: N.K. Reutovsky Publ., 1899. 1088 p. (In Russian)

73. *Collection of statistical information on the Ufa province*. Vol.4. Belebeevsky district. Estimated statistical materials based on local research data from 1895–1896. Ed. by S.N. Veletsky. Ufa: A.P. Zaikov Publ., 1898. 1048 p. (In Russian)

74. Svitse Ya.S. *"Here is my homeland..."*. Literary and local history notes to the works of Sergei Timofeevich Aksakov. Ufa: Belaya Reka Publ., 2018. 112 p. (In Russian)

75. *Agricultural leaflet*, 1911, no.1. (In Russian)

76. *Agricultural leaflet*, 1924, no.4. (In Russian)

77. Simonov A.S. *Agricultural technology of table watermelon in the Orenburg region*. Orenburg: Book Publ., 1959. 44 p. (In Russian)

78. Sorochinskaya G.V. *Seed production of table watermelon*. Stalingrad: Book Publ., 1958. 7 p. (In Russian)

79. *Lists of populated areas of the Orenburg province*. Orenburg: Provincial Government Publ., 1901. 251 p. (In Russian)

80. Tomashevsky I.A., Kiseleva M.N., Moshonkin B.M. *Melons in the Chelyabinsk Region*. Ed. by P.A. Zhavoronkov. Chelyabinsk: Chelyabinsk Regional State Publ., 1952. 120 p. (In Russian)

81. *Ufa Region*, 1907, August 24. (In Russian)

82. *Ufa Announcement and Notice Sheet*, 1879, June 25. (In Russian)

83. *Ufa Announcement and Notice Sheet*, 1894, January 17. Supplement. (In Russian)

84. Fursa T.B. *Watermelon: systematics, evolution, biology, source material for selection. Dissertation of a Doctor of Biological Sciences*. Leningrad, 1982. 308 p. (In Russian)

85. Chelobanov N.V. *Towards high watermelon yields*. Volgograd: Nizhne-Volzhskoe book Publ., 1964. 48 p. (In Russian)

86. Cheremshansky V.M. *Description of the Orenburg province in economic-statistical, ethnographic and industrial respects*. Ufa: Orenburg Provincial Government Publ., 1859. 472 p. (In Russian)

87. Shefatov I.A. *Development of elements of agricultural technology of bush varieties of watermelon for the conditions of the Volgograd Trans-Volga region. Dissertation of a Candidate of Agricultural Sciences*. Moscow, 2005. 201 p. (In Russian)

88. Eversman E. *Natural history of the Orenburg region*. Part I. Orenburg: Headquarters of the Separate Orenburg Corps Publ., 1840. 99 p. (In Russian)

89. Yusupova L.Ya. Agriculture of the north-eastern Bashkirs of the Orenburg province in the first half of the 19th century. *Agrarian development and food security of Russia in the 18th–20th centuries*. Ed. by G.E. Kornilov. Orenburg, 2006. Pp.145–148. (In Russian)

90. Yanguzin R.Z. *Economy of the Bashkirs in pre-revolutionary Russia*. Ufa: Bashkir Book Publ., 1989. 192 p. (In Russian)

91. Yansiyarova G.F. *Modern flora and vegetation of estate garden and park complexes of the Orenburg province (on the example of the old estates of Zvenigorodsky, Timashevs, Shott)*. *Dissertation Abstract of a Candidate of Biological Sciences*. Orenburg, 2013. 22 p. (In Russian)

About the author:

Rodnov Mikhail Igorevich – Dr. Sci. (history), Leading Researcher of the Department of History and History of Culture of Bashkortostan, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-7654-4782; e-mail: rodnov@ufacom.ru

Received October 10, 2024

Accepted for publication April 23, 2025

УДК 821.512.152.09

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-2.121-129>

Об одной публикации И.Алкина в журнале «Революционный Восток»

А.Т. Сибгатуллина

Институт востоковедения РАН

Москва, Российская Федерация

Статья посвящена анализу рецензии Илиаса Алкина на изданный в 1931 г. в Москве «Сборник татарской литературы» под редакцией П.А. Радимова. Сборник стал одной из первых антологий татарской литературы в переводе на русский язык. Свой вклад в составление этой антологии внес крупный ученый в области татарского языкознания Галимджан Шараф. Автор рецензии – И.С. Алкин был не только выдающимся деятелем национального движения татар и башкир в 1917–1920 гг., но и известным специалистом в области экономической географии Средней Азии. Кроме того, он участвовал в обсуждении литературных вопросов и активно сотрудничал в журнале «Революционный Восток» (издание Коммунистического университета трудящихся Востока, 1927–1938). Его статья, опубликованная в данном журнале в 1932 г., представляет собой резкое «разоблачение» идеологической основы сборника и отражает напряженную атмосферу в Советской России 1930-х гг., когда критика и литературное творчество становились орудиями политической борьбы.

Ключевые слова: история татарской литературы, И.Алкин, Г.Шараф, репрессии, 1930-е годы

Для цитирования: Сибгатуллина А.Т. Об одной публикации И.Алкина в журнале «Революционный Восток» // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №2. С.121–129. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-2.121-129>

Политический и общественный деятель Илиас (Ильяс) Саидгиреевич Алкин (1895–1937), ярчайший представитель татарского дворянского рода Алкиных, является одной из многочисленных жертв Большого террора 1930-х гг. – периода, когда интеллектуальная жизнь советского общества находилась под сильным влиянием идеологического давления и жестко регулировалась Всесоюзной коммунистической партией (большевиков) (ВКП(б)).

В 1920–1930-е гг. он занимался научной и педагогической деятельностью в Москве. Как указывают исследователи жизни и деятельности И.Алкина, после выхода из тюрьмы в конце 1920 г. он встретился с И.В. Сталиным и получил предложение работать в Коммунистическом уни-

верситете трудящихся Востока (КУТВ) [см.: 6]. Это учреждение открылось в 1921 г. с целью подготовки кадров политработников для национальных республик и зарубежного Востока. Созданный на базе Восточных курсов при Наркомнаце КУТВ находился в ведении Наркомпроса РСФСР, затем ЦК ВКП(б). Согласно документу, составленному самим И.Алкиным в 1930 г., он в 1923–1924 гг. начал свою деятельность в КУТВ «в качестве лектора-ассистента кабинета экономики» [5, с.108], а к моменту его ареста в 1937 г. уже занимал должность доцента (по некоторым сведениям, профессора) кабинета экономики и географии зарубежного Востока [6, с.142]. Также он параллельно работал в Научно-исследовательском институте Большого советского атласа мира при Центральном исполнительном комитете СССР.

В 1927 г. при КУТВ была создана научно-исследовательская ассоциация по изучению национальных и колониальных проблем, и на ее базе в 1927–1938 гг. издавался журнал «Революционный Восток». Несмотря на то, что И.Алкин начал свою работу в данном университете практически сразу после его основания, его первые публикации в журнале «Революционный Восток» появились только с 1931 г. В своих статьях он рекомендовал себя как один из ведущих специалистов по экономической географии Средней Азии. Работа Илиаса Алкина в КУТВ, его вклад в изучение колониальных вопросов и публикации в журнале отражают не только его профессиональную деятельность, но и ситуацию той эпохи, в которой развивалась научная мысль. В этом можно еще раз убедиться после прочтения одной из его публикаций под названием «Против национал-шовинистической контрабанды в татарской литературе» в №1–2 журнала «Революционный Восток» за 1932 г., анализу которой и посвящена настоящая статья.

Публикация привлекает внимание по нескольким причинам: во-первых, бросается в глаза зловещее название, обещающее разоблачение какого-то литературного «преступления», что уже одно это вызывает интерес к содержанию. Во-вторых, сама тема кажется неожиданной для И.Алкина, чьи научные интересы сосредоточены были преимущественно в области социально-экономических и политических наук, а не литературоведения. Однако его участие в обсуждении литературных вопросов (например, в этой же публикации он критически анализирует отдельные статьи «Литературной энциклопедии») можно объяснить контекстом 1930-х гг., когда культурная политика в СССР была тесно связана с идеологией, и анализ литературного процесса становился инструментом политической борьбы.

Под заголовком публикации сразу дается уточнение о том, что речь идет о конкретной книге: «Сборник татарской литературы (дореволюционной)» под редакцией П.Радимова, с предисловием П.Когана (М.-Л.: Гос. изд-во художественной литературы, 1931). Этот сборник, безусловно, представляющий собой одну из первых советских антологий переводов татарской литературы на русский язык, к сожалению, в современной та-

тарской академической литературе малоизвестен, если не сказать, что полностью забыт.

Несмотря на то, что имя ученого и политического деятеля Галимджана Шарафа (1896–1950) отсутствует в выходных данных книги, его вклад в составление сборника и перевод татарских произведений очевиден. На это указывает раздел «От составителя», в котором Павел Александрович Радимов (1887–1967), поэт и художник, известный своей любовью к Поволжье, прямо отмечает: «Самое близкое участие в работе над этим сборником принимал Галимджан Шараф» [4, с.3]. Этот факт подкрепляется и свидетельствами самого Г.Шарафа: в «Автобиографии» он конкретно указывает на совместную работу с П.А. Радимовым над сборником: «В 1924 г. под редакцией и с комментариями моими и П.Радимова издана в Москве “История татарской образованности и литературы Дж. Валидова”; сданы в печать до 100 печат[ных] листов переводов на русский язык избранных произведений татарских писателей и поэтов, произведенные также под редакцией моей и поэта П.Радимова, каковые издаются Центральным Госиздатом в Москве» [4, с.279]. Участие Г.Шарафа в создании и публикации в Москве такого сборника показывает попытку воссоздать и достойно представить дореволюционное литературное наследие татарской культуры советскому читателю. Поскольку «Автобиография» Г.Шарафа датирована 1926 г., можно предположить, что текст сборника был сдан в издательство еще в 1925–1926 гг., когда литературоведение в стране не было настолько идеологически ангажированным, как это стало происходить в начале 1930-х гг. Однако сборник вышел только в 1931 г. и был урезан, скорее всего, цензурой (объем издания – 160 страниц). Позже мы еще вернемся к общей характеристике сборника.

Во вводной части своей статьи И.Алкин утверждает, что «литературный фронт является одним из наиболее слабых еще фронтов в борьбе за марксистско-ленинскую теорию», при этом участок национальных литератур – «наиболее отсталый на этом фронте». Он выражает озабоченность тем, что здесь активно распространяются «идеи султангалеевщины, всевозможных национал-шовинистических, контрреволюционных течений» [1, с.386]. Для подтверждения своей позиции Алкин приводит конкретные примеры. Он отмечает, что уже в 1929 г. в первом томе «Литературной энциклопедии» идеи султангалеевщины нашли отражение в материалах, написанных Ф.Агеевым¹, которого он называет «идеологом» этого направления. Кроме того, он указывает на разоблачение в конце 1930 г. «реакционной, пантюркистской, литературно-богемской» организации «Джидигян» («Большая медведица») среди татарской интеллигенции. По его словам, в эту организацию входили представители бывших национально-клерикальных кругов, сыновья фабрикантов, торговцев и мулл, а также

¹ Фахрелислам Агеев (1887–1938) – татарский писатель, журналист и переводчик, издатель детского журнала «Ак юл» («Светлый путь», 1913–1916).

писатели и поэты, чьи взгляды противоречили идеалам советской литературы.

В «Сборник» вошли: десять стихов и отрывок из поэмы «Шурале» Г.Тукая, четырнадцать стихов С.Рамеева, поэма М.Гафури «Рабочий», два стихотворения Дэрдменда, поэма З.Бурнашевой «Звезда Венера», два стихотворения Ш.Бабица, поэма Ф.Бурнаша «Коркуд», по два рассказа Г.Ибрагимова, Ф.Амирхана и Г.Губайдуллина, четыре рассказа Ш.Камала, по одному рассказу Ш.Ахмадиева и Г.Рахима. Антологию предваряет «Вступительная статья» П.С. Когана. Видный русский и советский историк литературы, литературовед и переводчик, профессор Московского государственного университета Петр Семенович Коган (1872–1932) известен как один из активных участников формирования новой советской литературной политики. Его труды и деятельность сыграли заметную роль в становлении литературной науки в ранний советский период. Однако в начале 1930-х гг. он стал жертвой репрессий, которые обрушились на многих представителей интеллектуальной элиты. Арест и последующая смерть ученого в 1932 г., вероятно, наложили отпечаток на восприятие его работ и могли стать причиной идеологической критики.

Вступительная статья П.С. Когана, занимающая 13 страниц книги, начинается с предложения: «Русский читатель очень мало знает татарскую литературу». Далее автор указывает цель, хронологические рамки антологии и обосновывает выбор авторов. Ставится цель ознакомить русскую публику с татарскими писателями революционной эпохи. Автор отмечает, что именно они в основном и явились создателями родного литературного языка, по ним можно проследить, как расцветает татарское литературное творчество [4, с.5]. В целом статья П.Когана посвящена описанию этого «расцвета», автор с теплом и большим воодушевлением утверждает, что после Октябрьской революции «татарский язык и татарская литература быстро идут по пути дальнейшего обогащения и совершенствования. А литература эта обещает немало. Среди ее деятелей последней четверти века можно назвать крупных мастеров, писателей пытливого ума и чуткой совести, ставящих для разрешения социальные, моральные и психологические проблемы, ищущих ответа на те вопросы, которые волновали лучших представителей и русской литературы» [4, с.5].

Анализируя творчество практически каждого поэта и писателя, П.Коган использует емкие и выразительные формулировки: легенду «Коркуд» Ф.Бурнаша он сравнивает с известным стихотворением Гейне, поэму Захиды Иффат (Бурнашевой) находит «полной глубокого смысла». Шурале Тукая ему не кажется пугающим «разбойником», поскольку «эти духи не злы и не таинственны», в стихах же поэта он слышит «отголоски утешительного мирозерцания». С.Рамеева автор определяет как «самого законченного глашатая эпохи безвременья», а поэзию Ш.Бабица описывает как проникнутую «грустным настроением и томлением о неосущест-

вившемся идеале». Татарская беллетристика, по его мнению, представляет собой прежде всего «литературу деревни».

В целом, вступительная статья П.С. Когана, несмотря на отдельные субъективные оценки, характеризуется эмоционально насыщенным, но в то же время достаточно точным описанием татарской литературы начала XX в. Поэтому неожиданным и странным является тот факт, что именно она стала главным объектом критики в рецензии Илиаса Алкина. Прежде всего татарскому ученому не нравится описанная П.Коганом атмосфера в татарской литературе: «По П.С. Когану выходит, что татарские писатели в своих произведениях отражали господствовавшие после 1905 г. общественное настроение татарской деревни, которая находилась до 1917 г. в состоянии векового покоя, жила легендами и преданиями, идущими из седой старины, и только Запад вносил местами новые идеи. Следовательно, по Когану, мы не имели внутренних процессов классового расслоения в татарской деревне, а имели вековой покой, на стороне которого “стояли люди традиции”, и врывание местами новых идей, занесенных с Запада и защищаемых “живыми силами татарского народа”» [1, с.387]. Всю красоту татарской поэзии П.С. Коган видит в «столкновении векового покоя и критической мысли».

По мнению И.Алкина, еще до Первой русской революции, уже во второй половине XIX столетия в татарской деревне начался процесс классового расслоения, который он характеризует словами В.И. Ленина: «процесс распада мелких земледельцев на сельскохозяйственных предпринимателей и на рабочих». В подтверждение своих слов автор ссылается на данные из «Трудов статистической экспедиции, снаряженной в 1883 году Казанским губернским земством». Он использует эти материалы, чтобы опровергнуть представление о «вековом покое», якобы царившем в татарских деревнях в период с 1905 по 1917 г. По его мнению, классовые противоречия в татарском обществе не возникли внезапно в начале XX в. — они имеют более глубокие корни, связанные с изменениями в сельскохозяйственной и экономической структуре региона.

Приведем цитату из рецензии: «По Когану выходит, что татарский народ един, что сердца всех татар бьют в унисон, что своеобразным мироощущением татар является фатализм, что “человек осужден на неизбежную смерть”. Легенда Ф.Бурнаша написана во время мировой империалистической войны (в 1916 г.), и в ней сказались те настроения, которые вызвала эта война среди мелкобуржуазных слоев татар. Это не настроение молодого татарского пролетариата, который уже шел в борьбе против царизма и капитализма вместе с российским пролетариатом. Это не настроение крупной татарской буржуазии, которая сильно наживалась на военных поставках (в особенности фабриканты текстильных фабрик Акчурины, Дебирдеевы, Агишевы, и др. крупные торговцы Ибрагимовы, Шамгуловы и др.)» [1, с.390]. Этот отрывок демонстрирует, как автор акцентирует со-

циальное расслоение и идеологические противоречия внутри татарского общества, связывая литературное творчество с экономическими и политическими процессами того времени. И.Алкин критикует лирико-эмоциональные оценки П.Когана татарской поэзии, называя их «географическим материализмом», который, по его мнению, не имеет ничего общего с диалектическим материализмом. Он указывает, что П.Коган сводит настроения, формирующиеся под влиянием социальной обстановки в татарской деревне, исключительно к влиянию географической среды, упрощая сложную взаимосвязь между обществом и его окружением.

И.Алкин связывает творчество татарских писателей с их социальным происхождением и политическими позициями, что соответствует идеологическим установкам того времени. «Я не хочу сказать, – пишет он, – что Абдулла Тукаев и Сагид Рамеев были поэтами крупной буржуазии, нет, они являлись певцами татарской мелкой буржуазии, находились иногда в оппозиции к крупной буржуазии, но чаще выполняли социальный заказ последней. Особенно ярко видна эта роль идеологов татарской мелкой буржуазии на примере деятельности Гаяза Исакова» [1, с.391].

Автор статьи утверждает, что ни Г.Тукай, ни тем более М.Гафури не могли использовать свои стихи как призыв пролетариата к борьбе против капитала, напротив, их творчество, по его мнению, способствовало идеологическому ослаблению рабочего класса, приучая его к покорности и тем самым защищая интересы татарской крупной буржуазии. Для подтверждения о формировании среди татар крупных промышленников-капиталистов И.Алкин приводит опубликованные официальные данные за 1884, 1912, 1914 гг.

Сравнение П.Коганом «Корабля» Дэрдменда с «Буревестником» Горького И.Алкин оценивает как «чудовищное, недопустимое смешение наиболее типичного представителя крупной буржуазии в татарской литературе (Закира Рамеева. – А.С.) с пролетарским писателем Максимом Горьким» [1, с.395].

В конце статьи автор делает конкретное умозаключение о том, что «П.С. Коган в данном случае стал проводником в литературе взглядов крупной татарской буржуазии», что он целиком попал под влияние своих «консультантов» П.Радимова и Галимджана Шарафа, а также под влияние работы Дж. Валидова «Очерки истории образованности и литературы волжских татар» (вып. 1-й, Гиз, М., П., 1923 г.), вышедшей под редакцией тех же П.Радимова и Г.Шарафа.

Приводя конкретные страницы, И.Алкин обвиняет П.С. Когана в плагиате, утверждая, что литературовед заимствовал материалы из книги Дж. Валидова, используя их для характеристик ряда произведений и авторов, особенно в разделах, посвященных Г.Буби, М.Гафури и Дэрдменду. И.Алкин отмечает, что влияние Дж. Валидова прослеживается не только в

оценках, но и в подборе авторов и произведений для «Сборника»: «Неудобно белоэмигранта Гаяза Исхакова преподнести, если не революционным, то во всяком случае лояльно причисленным писателем, поэтому его исключили из “Сборника”» [1, с.395]. Вместе с тем Алкин критикует отсутствие в «Сборнике» отрывков из произведений пролетарских писателей дореволюционного периода, таких как Гафур Кулахметов. «Это понятно, – пишет И.Алкин, – так как эти отрывки идут вразрез с той контрреволюционной национально-шовинистической теорией, которую в “Сборнике” защищают Г.Шараф и К^о» [1, с.395].

Ильяс Алкин в своей рецензии и примечаниях обращает внимание на слабость художественной стороны переводов отдельных стихов, представленных в «Сборнике». Здесь его замечания представляются обоснованными, поскольку приведенные примеры действительно указывают на определенное небрежное отношение к качеству перевода татарских текстов.

Если обратиться к термину «контрабанда», использованному в заголовке статьи И.Алкина, можно предположить, что в 1930-е гг. он был весьма популярным в публицистике и научной критике. Термин применялся скорее в переносном смысле и подразумевал «замаскированное или прикрытое проведение недопустимых идей, взглядов или теорий». Использование татарским ученым столь яркого и эмоционального слова подчеркивало полемический характер текста и его стремление к разоблачению. Однако судьба сыграла и с самим И.Алкиным злую шутку. Спустя всего год после публикации статьи, его самого обвинили в аналогичной «контрабанде»: в 1932 г. его монография «Средняя Азия» [2] стала объектом жесткой критики. В статье помощника заведующего отделом печати ЦК ВКП(б) Амины Мухутдиновой «Контрабанда буржуазной идеологии под флагом экономгеографии», опубликованной в журнале «Революция и национальности» (№12) [7], Илиас Алкин был обвинен в попытке внедрить буржуазные идеи под видом научного анализа.

Эта ситуация не только иллюстрирует напряженную атмосферу идеологической борьбы в СССР 1930-х гг., но и демонстрирует, как быстро и беспощадно сама система могла обратить свои механизмы критики против тех, кто активно в ней участвовал. Ставший одним из активных представителей марксистской критики, Илиас Алкин вскоре сам оказался жертвой этой идеологической системы, и как итог – в 1937 г. был репрессирован.

В заключение можно сказать, что рецензия Илиаса Алкина на «Сборник татарской литературы», возможно, написанная «по заказу», служит одним из примеров идеологической борьбы в литературе и отражает напряженную атмосферу в Советской России 1930-х гг., когда критика и литературное творчество становились орудиями политической борьбы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алкин И. Против национал-шовинистической контрабанды в татарской литературе // Революционный Восток. 1932. №1–2. С.386–396.
2. Алкин И. Средняя Азия. Экономико-географический очерк Кара-Калпакстана, Киргизстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Ч.1. М., 1931. 389 с.
3. Рухи мирас: эзләнүләр һәм табышлар. Галимжан Шәрәф. Әсәрләр, хатлар, документлар = Духовное наследие: поиски и открытия. Галимджан Шараф. Сочинения, письма, документы / төз., текст., иск. һәм аңл. эзәрл.: Э.М. Галимжанова, Г.Н. Зәйниева, Ф.Г. Фәйзуллина, Г.А. Хөснетдинова; кереш сүз авт. Ф.Г. Фәйзуллина. Казан: ТӘҺСИ, 2022. 300 б.
4. Сборник татарской литературы (дореволюционной) / под ред. П.Радимова, с предисловием П.Когана. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1931. 160 с.
5. Тагиров И. Личность с нереализованным потенциалом // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2001. №1–2. С.102–116.
6. Тагиров И. О чем рассказывает следственное дело Илиаса Алкина // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2001. №3–4. С.142–148.
7. Алкин Илиас Саидгиреевич // Большая Российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/alkin-ilias-saidgireevich-70bbf7> (дата обращения: 08.12.2024).

Информация об авторе:

Сибгатуллина Альфина Тагировна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Востока, Институт востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-5755-8687; e-mail: alfina2003@yandex.ru

Поступила 23.12.2024

Принята к публикации 25.04.2025

About one publication by I. Alkin in the Journal "Revolutionary East"

A. T. Sibgatullina

*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation*

The article is devoted to the analysis of Ilias Alkin's review of the "Collection of Tatar Literature" published in Moscow in 1931 under the editorship of P. A. Radimov. The collection became one of the first anthologies of Tatar literature translated into Russian. A prominent scientist in the field of Tatar linguistics, Galimdzhan Sharaf, contributed to the compilation of this anthology. The author of the review, I.S. Alkin, was not only an outstanding figure in the national movement of the Tatars and Bashkirs in 1917–1920, but also a well-known specialist in the field of economic geography of Central Asia. In addition, he participated in the discussion of literary issues and actively contributed to the magazine "Revolutionary East" (published by the Communist Univer-

sity of the Workers of the East, 1927–1938). His article, published in this magazine in 1932, is a sharp "exposure" of the ideological basis of the collection and reflects the tense atmosphere in Soviet Russia in the 1930s, when criticism and literary creativity became instruments of political struggle.

Keywords: history of Tatar literature, I.Alkin, G.Sharaf, repressions, 1930s

For citation: Sibgatullina A.T. About one publication by I.Alkin in the Journal "Revolutionary East". *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.2, pp.121–129. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-2.121-129> (In Russian)

REFERENCES

1. Alkin I. Against national-chauvinist smuggling in Tatar literature. *Revolutionary East*. 1932, no.1–2, pp.386–396. (In Russian)
2. Alkin I. *Middle Asia. Economic-geographical sketch of Kara-Kalpakstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan*. Part 1. Moscow, 1931. 389 p. (In Russian)
3. *Spiritual heritage: searches and discoveries. Galimjan Sharaf. Works, letters, documents*. Compiled by E.M. Galimzhanova, G.N. Zainieva, F.G. Fayzullina, G.A. Khusnutdinova. Kazan: Written Heritage Center Publ., 2022. 300 p. (In Tatar)
4. *Collection of Tatar literature (pre-revolutionary)*. Ed. by P. Radimov. Moscow; Leningrad: State Publishing House of Fiction Publ., 1931. 160 p. (In Russian)
5. Tagirov I. A personality with unrealized potential. *Gasyrlar avazy – Echo of centuries*. 2001, no.1–2, pp.102–116. (In Russian)
6. Tagirov I. What is the investigative case of Ilias Alkin about. *Gasyrlar avazy – Echo of centuries*. 2001, no.3–4, pp.142–148. (In Russian)
7. Alkin Ilias Saidgireevich. *Great Russian Encyclopedia*. URL: <https://bigenc.ru/c/alkin-ilias-saidgireevich-70bbf7> (accessed: 08.12.2024). (In Russian)

About the author:

Sibgatullina Alfina Tagirovna – Dr. Sci. (philology), Leading Researcher of the Department of Oriental History, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); ORCID 0000-0001-5755-8687; e-mail: alfina2003@yandex.ru

Received December 23, 2024

Accepted for publication April 25, 2025

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКА

УДК 930.23(044.4)(47)"1645/1677"

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-2.130-144>

Новые документы Московского стола Разрядного приказа 1645–1677 гг. о представителях рода ногайских князей

М.Р. Белоусов

*Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

В статье впервые публикуются и вводятся в научный оборот двадцать документов 1645–1677 гг., содержащих информацию о представителях рода ногайских князей – князьях Ахметевых, Байтерекове, Кейкуватове, Кошумове, Кутумовых, Смайлевых, Урмаметевых, Шейдяковых, Юсуповых. Все документы, представленные в статье, отложились в фонде Разрядного приказа Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Во введении названы разновидности публикуемых делопроизводственных документов, перечислены поименно лица, упоминаемые в них, изложены правила передачи текста. Впервые выявлен представитель рода ногайских князей жилец князь Н.В. Кошумов. Статья адресована специалистам по истории Государева двора, социальной истории, истории государственного управления, источниковедению делопроизводственных документов.

Ключевые слова: ногайские князья, Разрядный приказ, делопроизводственные документы, дворяне московские, стольники, стряпчие, жильцы

Для цитирования: Белоусов М.Р. Новые документы Московского стола Разрядного приказа 1645–1677 гг. о представителях рода ногайских князей // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №2. С.130–144. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-2.130-144>

Изучение истории Ногайской Орды и русских княжеских родов, происходящих из рода беклербека Едигея (Эдиге), в настоящее время развивается на фундаментальной основе, сформированной трудами многих исследователей, прежде всего В.В. Трепавлова [7] и А.В. Белякова [2].

Настоящая публикация делопроизводственных материалов 1645–1677 гг., отложившихся в фонде Разрядного приказа Российского государ-

ственного архива древних актов¹, тематически продолжает вышедшую ранее подборку источников, включающую сказки представителей тюркской знати – членов Государева двора 1653–1668 гг. и сведения боярских списков 1663–1667 гг. о боеготовности, поместном и кормовом обеспечении [1], и вводит в научный оборот документы, содержащие информацию о представителях рода ногайских князей.

Публикация состоит из 15 разделов, в которых представлены 20 документов (из них один приводится в извлечениях). Разновидности публикуемого делопроизводства: память, перечневая роспись, отписка, челобитная, выписка по челобитной, смотренный жилецкий список, сказка.

Публикуемые документы содержат сведения о следующих представителях рода ногайских князей (по алфавиту фамилий; римской цифрой обозначен раздел настоящей публикации):

Ахметевы: Дасай мурза Кангилдеев сын Муратов – I, л.4; Пантелей мурза Касымов – I, л.4 [о них см.: 2, с.99–100],

Байтерековы: князь Юрий [князь Григорьев сын] Байтереков – XIII, л.71 об. [о них см.: 1, с.98–99; 2, с.112–113, 118],

Кейкуватовы: князь Тихон князь Петров сын Кейкуватов – XV [о них см.: 2, с.112–113, 115],

Кошумовы: князь Никита князь Васильев сын Кошумов – X, XI (в существующей научной литературе не отмечен; очевидно, его отец – Василий Кара мурзин сын Кошумов [о них см.: 2, с.45–46]),

Кутумовы: Хан мурза Барай мурзин сын Кутумов – I, л.5; князь Тихон Барай мурзин сын Кутумов – VI, л.2 [о них см.: 2, с.41–43],

Смайлевы: Козей мурза Бигей мурзин сын Смайлев – I, л.3; Акманай мурза Бигей мурзин сын Смайлев – I, л.4; князь Прокофий Дьян мурзин сын Смайлев – VI, л.2; князь Степан [князь Федоров сын] Смайлев – XII, л.64 об. [о них см.: 2, с.96–99],

Урмаметевы: Ел мурза Бей мурзин сын Урмаметев – II, л.181; Михаил Бий мурзин сын Урмаметев – IV [о них см.: 1, с.103–104; 2, с.121–124],

Шейдяковы: Канай мурза [князь Алексей] Еналей мурзин сын, Салтанай мурза [князь Иван Меньшой] и Кан мурза [князь Иван Большой] Каплан мурзины дети Шейдяковы – I, л.4; Би мурза [князь Абрам] Каплан мурзин сын Шейдяков – I, л.4; Девлетмамбет мурза Еналей мурзин сын Шейдяков – I, л.4; Белек мурза (князь Федор) Навруз мурзин сын Шейдяков – III; князь Давыд князь Алексеев сын Шейдяков – V, VIII, л.55, XII; князь Иван Большой Каплан мурзин сын Шейдяков – VI, VII, л.268; князь Роман князь Абрамов сын Шейдяков – VII; князь Михаил князь Исаев сын Шейдяков – XIV; князь Петр князь Исаев сын Шейдяков – XIV, л.368 об. [о них см.: 1, с.107–108; 2, с.69, 77–79, 82–84, 91–92],

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.210. Разрядный приказ. Оп.9. Столбцы Московского стола.

Юсуповы: Джан мурза, Акмамет мурза и Иштерек мурза Сююш мурзины дети Юсуповы – I, л.5; Сююш мурза [Эль мурзин сын] Юсупов – I, л.6; князь Федор княж Никитин сын Юсупов – VI, л.2, VII, л.268; князь Борис княж Васильев сын Юсупов – VIII, л.227, IX; князь Иван княж Васильев сын Юсупов – VIII, л.402, IX; князь Василий княж Васильев сын Юсупов – IX; князь Василий Меньшой княж Никитин сын Юсупов – XIII [о них см.: 1, с.109–112; 2, с.48, 52–54, 57, 61–62, 66–67].

Видимо, к роду ногайских князей принадлежал также Шантемир мурза Хотеев – I, л.4.

Кроме того, в публикуемых документах имеются сведения о Чингисадах – «юргенском» (ургенчском) царевиче Авгане – I, л.2 [о нем см.: 3, с.75], царе Алее Кучюмове, царевиче Алтанае Кучюмове – I, л.3, царевиче Сеит-Бурхане [Василии] Араслановиче – I, л.6 [о них см.: 3, с.68, 71–74; 8, с.456], а также о князе Степане княж Никитине сыне Шейсупове – VII, л.268 [о князьях Шейсуповых см.: 1, с.108–109; 4], знатных сибирских выходцах Мустафе мурзе Мамаеве сыне Семендереве – I, л.3 [о нем см.: 2, с.57, 59, 188; 8, с.334] и Маметевых (Степане Кошакове, Агажане Маметеве) – I, л.3 [о Кошее (Кошаке) Маметеве сыне см.: 2, с.59; 8, с.43; о Степане Кошакове сыне Маметеве см.: 8, с.411], касимовском Ахмет сеите [Белек сеитове сыне] Шакулове – XV, л.366 об. [о нем см.: 8, с.419, 421, 422, 425–428].

Разделы публикации обозначены римскими цифрами (от I до XV). Последовательность материалов – хронологическая. Документы датированы публикатором. Заголовки документов, данные публикатором, помещены ниже номеров разделов публикации и набраны курсивом.

Правила публикации следующие. Текст передается современным русским алфавитом. Все вышедшие из употребления буквы заменяются современными. Буквенные цифры заменяются арабскими цифрами. Сокращенные слова восполняются отсутствующими буквами. Слова, сокращенные до одной буквы, восполняются отсутствующими буквами в квадратных скобках (д[воров]). Выносные буквы вносятся в строку. Правила пунктуации – современные. В тех случаях, когда после выносной согласной по современным правилам орфографии требуется мягкий знак, эта буква воспроизводится в позиции перед гласной и на конце слова. Твердый знак между согласными и на конце слов не воспроизводится. Надстрочные знаки не воспроизводятся. Повреждение текста обозначается угловыми скобками. Ошибки писца в тексте не исправляются, а оговариваются в тексте словом [sic]. Номер листа единицы хранения указывается в квадратных скобках. Указания на скрепу дыка, помету даются в тексте в квадратных скобках.

Текст:

I

1645 г., декабрь. – Память из Посольского приказа в Разрядный приказ о посылке перечневой росписи «розных земель иноземцов, которых ведают в Посолском приказе», и перечневая роспись «розных земель иноземцов, которых ведают в Посолском приказе»

[Л.1]

Лета 7154-го декабря в день. По государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу память думным диаком Ивану Гавреневу да Михайлу Волошенинову да дьяку Григорью Ларионову. В Посолской приказ к думному диаку к Григорью Лвову. В памяти за твоею, Григорьевою, приписью написано. Велети б выписати, хто имяны на Москве и в городах мусульманских земель цари, и царевичи, и мурзы большие, поместные и кормовые, и сколько в Посолском приказе полковников, и ротмистров, и переводчиков, и толмачей, и станичных татар, и всяких иноземцов, и хто имяны в городах воеводы, и дьяки, и головы стрелецкие и казачьи, и всякие приказные люди, и в котором году, и месяце, и числе которые воеводы, и дьяки, и головы отпущены, и сколько в которых городах у приказов сотников, и сколько где стрелцов, и казаков, и всяких служилых людей, конных и пеших, которые служат з государева денежного и хлебного жалованья, и которые служат з земель. Да та выпись велети б прислати к вам в Розряд для годовые сметы. И в Посолском приказе выписаны розных земель иноземцы, которых ведают в Посолском приказе, //

[Л.2] и сколько в Посолском приказе переводчиков, и толмачей, и станичных служилых татар, и всяких иноземцов, поместных и кормовых, и хто имяны в городах приказных людей, и хто в котором году, и месяце, и числе отпущен, и что в тех же городах служилых людей, и тому послана к вам под сею памятью перечневая роспись.

На Москве

Юргенской царевич Авган, дают ему государево жалованье денежной поденной корм и питье, а людей у него, на которых дают корм, 8 человек.

Греческих, и немецких, и полских, и татарских переводчиков: кормовых 17 человек, поместных 2 человека, и всего 9 человек, а в отсылках по службам 5 человек.

Толмачей розных языков: кормовых 52 человека, поместных 8 человек, и всего 60 человек, и из того числа на государевых службах 18 человек. //

[Л.3]

Станичных служилых новокрещенов и татар поместных 11 человек.

Иноземцы ж, ведают их в Посолском приказе, а живут в городах

В Ростове

Царь Алей Кучюмов, испомещен.

Мустофа мурза Мамаев сын Семендерев, испомещен же.

В Ярославле

Царевич Алтанай Кучюмов, на корму.

На корму ж: Козей мурза Бигей мурзин сын Смайлев. //

[Л.4]

Дасай мурза Кангилдеев сын Муратов.

Шантемирь мурза Хотеев.

Да поместных же мурз:

Канай мурза Еналей мурзин сын, Салтанай мурза да Кан мурза Каплан мурзины дети Шейдяковы.

Пантелей мурза Касымов.

Недоросли, служат государеву службу с отцовских поместей

Би мурза Каплан мурзин сын Шейдяков.

Акманай мурза Бигей мурзин сын Смайлев.

Девлетмаммет мурза Еналей мурзин сын Шейдяков.

Татаровя

Степан Кошаков.

Сафар Ултяков.

Агажан Маметев. //

[Л.5]

В Переславле Залеском татарин 1 человек испомещен.

На Романове: Джан мурза, да Акмаммет мурза, да Иштерек мурза з братьею Сююш мурзины дети Исупова, велено им государева служба служить с отцова поместья.

Хан мурза Барай мурзин сын Кутумов, по государеву указу велено ему служить с отцова поместья, и романовских татар отца своего половины ведает и на государеву службу отпускает всегда безпереводно по 60 человек. //

[Л.6]

А Сююш мурзины половины Исупова татар при нем, Сююш мурзе, было 125 человек. А сколько ево половины татар и новокрещенов ныне, того в Посолском приказе неведомо, потому что они от розборов и после смоленские службы с мурзами не служивали, а служили без мурз особно, и сколько их по розбором и по смотренным списком на государевых службах бывают, и то ведомо в Розряде.

В Касимове

Царевич Сеит Бурхан Арасланович, по государеву указу велено у него иметь на государеву службу так же, как и с отца его служилые люди иманы по наряду по 20 человек, // [Л.7] а в иной ряд и по 25 человек конных со всею службою, смотря по службе, за то, что он пожалован касимовским посадом и касимовскими таможенными, и кабацкими, и всякими доходы.

Да в Посолском же приказе прибыли в нынешнем, во 154-м, году Ивашко Иванов сын Дорн да новокрещены Роман Иванов да Иван Григорьев, а дают им государево жалованье поденной корм. //

[Л.8]

А татар касимовских в Посолском приказе ничем не ведают.

В городех приказных людей

На Романове воевода Василей Григорьев сын Голохвастов, отпущен во 150-м году в феврале месяце.

В Касимове воевода Яков Федоров сын Коробьин, отпущен в прошлого [sic], во 153-м, году в ноябре месяце.

А полковников и ротмистров в Посолском приказе ныне нет.

А пушкарей и затинщиков тех городов в Посолском приказе нет же. //

[Л.8 об.]

Справил Олешка Корепанов². //

РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.203. Столп.3. Л.1–8 об.

II

1646 г., не ранее января 23, до февраля 3. – Отписка курского воеводы стольника князя Семена княж Романова сына Пожарского об успешном сражении с крымскими татарами и пленении Ел мурзы Бей мурзина сына Урмаметева из Большой Нагайской Орды

[Л.181]

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси. Холоп твой Сенька Пожарский челом бьет. Нынешняго, государь, 154-го году декабря в 20 день писал я, холоп твой, к тебе, государю, с сунушкой с курчанином с Воином Анненковым, что в Курском уезде в Подгородном стану в деревне Сныхиной, да в деревне Косторной, да в деревне Жеребцовой у твоих, государевых, ратных людей был с татары бой. И милостию, государь, Божию и пречистые Богородицы помощью и твоим, государя царя и великого князя Алексея Михайлович^{<а>} всеа Руси, счастьем на тех боях тотар побили и языки поимали, а во языцех взяли Болшова Нагаю Ел мурзу Бей мурзина сына Урмаметева, да с ним взяли тотар пять человек. И тово бою я, холоп твой, послал к тебе, государю, одново татарина Бобатая Амеева с курчанином сыном боярским с Карпом Селеховым декабря в 26 день. А Ел мурзу Урмаметева и с ним татар четырех человек, которые тотарове на тех боех взяты, // [Л.180] послал к тебе, государю, с курченином з головою с Кузмою Виденьевым и с послужники, хто тех татар имал генваря в 23 день. А хто, государь, твоих, государевых, ратных людей курчан голов, и сотенных людей, и черкас, и полковых казаков на тех боех тебе, государю, служили и билися явственно, и татар побили, и языки имали, и таму я, холоп твой, послал к тебе, государю, послужнай списак за своею рукою, запечатов в лист, с курчанином з головою с Кузмою Виденьевым и велел, государь, ему отписку и послужнай списак подать и послужником языки, татар, объевити в Розряде

² Корепанов Алексей Лукин сын (ум. 1649) – подьячий Посольского приказа в 1626–49 гг. [6, с.285].

твоим, государевым, думным дьяком Ивану Гавреневу да Михайлу Волошенинову да дьяку Григорью Ларионову. // [Л.181 об.] Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа <Русии>. В Розряд. <715>4-го февраля в 3 день подал курченин <К>узма Виденьев. //

РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.203. Столп.1. Л.180–181 об.

III

***1654 г., апреля 28–30. – Память из Посольского приказа
в Разрядный приказ о записи князя Федора Навруз мурзина
сына Шейдякова в разрядном списке в стряпчих***

[Л.343] Лета 7162-го апреля в 28 день. По государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу память думному дворянину Ивану Офонасьевичю Гавреневу да дьяком думному Семену Заборовскому, да Григорью Ларионову, да Дмитрею Протопопову, да Ивану Северову, да Григорью Семенову. В прошлом, во 160-м, году крещен в православную христианскую веру Казыевской Белек мурза Навруз мурзин сын Шейдяков, а во крещение имя ему князь Федор. А государева жалованья оклад ему учинен поместной пятсот пядесять четьи, денег тритцать пять рублев. Да ему ж велено давати поденного корму по гривне на день. И за крещение ему государево жалованье дано. И указал государь отослати ево в Розряд и написати в списку в стряпчих. // [Л.344] И тот князь Федор Шейдяков к вам в Розряд послан. И по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу думному дворянину Ивану Офонасьевичю Гавреневу и дьяком думному Семену Заборовскому, и Григорью, и Дмитрею, и Ивану, и Григорью ж учинити о том по государеву указу. [Скрепа дьяка] Иван Плакидин³. // [Л.344 об.] Справил Ивашко Хоненев⁴. // [Л.343 об.] [Помета дьяка] 162-го апреля в 30 день по сей памяти Федора велено в списке справить. //

РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.250. Л.343–344 об.

IV

1654 г., май (?). – Челобитная дворянина московского князя Михаила Бий мурзина сына Урмаметева об отправлении его на полковую службу в сотню с его «братъею» и записи его имени в полковой список и выписка по челобитной

[Л.373]

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси. Бьет челом холоп твой Мишка князь Бий мурзин сын Урмаметев. Пожалован я, холоп твой, по московскому списку, а в служилом списку

³ Плакидин Иван – дьяк Посольского приказа 10 апреля 1654 – 3 декабря 1655 г. [5, с.132].

⁴ Хоненев Иван – подьячий Посольского приказа в 1641–58 гг. [6, с.607].

именишка моего ни в котором чину нет. А моя братья все написаны в полку за тобою, государем. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне быть на своей, государеве, службе за собою, государем, в полку в сотне с моею братьею вместе и в список именишко мое справить. Царь государь, смилуйся, пожалуй. //

[Л.372]

В прошлом, во 159-м, году октября в 9 день по госуда<реву> цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу и по помете на выписке думн<ого> диака Семена Заборовского велено новокрещона князя Михаила Бий мурзина сына Урмаметева по ево челобитью за подначалство и за крещень<е> написати по московскому списку. А помес<ной> ему оклад учинен тысяча сто четьи, денег ис <Чети> сто пятьдесят рублей. Писал Васка Михайл<ов>⁵. //

РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.250. Л.372–373.

V

1656 г., не позднее июня 6 – июня 6. – Челобитная князя Давыда княж Алексеева сына Шейдякова о пожаловании в чин и резолюция о его пожаловании «по жилецкому списку» и в сотню

[Л.182]

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу. Бьет челом холоп твой Давытка княж Алексеев сын Шейдяков. Указано мне, холопу твоему, твоего [sic], царское, жалованье поденной корм, а ни в которой чин я, холоп твой, не пожалован. А моя, государь, братья служат тебе, государю, в столниках, и в стряпчих, и во дворянх московских. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, написать меня в чин, в какой ты, государь, пожалуешь, чтоб мне твоей, государевы, службы, не отбыть. Царь государь, смилуйся. //

[Л.183]

164-го июня в 6 день государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец у своего, государева, пешево смотрю пожаловал князя Давыда княж Алексеева сына Шейдякова по ево челобитью, велел ему быти у себя, государя, в житье, и указал государь ево написать в сотню. //

РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.247. Л.182–183.

⁵ Михайлов Василий – подъячий Разрядного приказа в 1649–64 гг. [6, с.358].

VI

1657 г., сентябрь. – Челобитная стольника князя Ивана Большого Каплан мурзина сына Шейдякова о поверстании его поместным окладом и денежным жалованьем и выписка по челобитной

[Л.1]

Царю государю и великому князю Алексею Михайлов<ичю всеа Великия> и Малыя и Белыя Росии самодерж<цу. Бьет челом> холоп твой Ивашко Шейдяков. Служю я, <холоп твой>, тебе, государю, всякие твои, государевы, <службы з> братьею пожалованными вряд, а т<воим>, государевым, жалованьем, помесным оклад<ом> и денежным жалованьем, я, холоп т<вой>, не верстан. А отцу моему оклад бы<...> твоего, государева, жалованья, ты<сяча четьи>, а денег сто рублей. Милосердый государь <царь> и великий князь Алексей Михайловичь в<сеа> Великия и Малыя и Белыя Росии самодерж<жец>, пожалуй меня, холопа своего, <...> службишко вели, государь, меня <поверстать> своим, государевым, жалованьем, пом<есным> окладом и денежным, как тебе, государю, обо мне Бог известит. Царь государь, смилуй<ся>. // [Л.1 об.] <Госуда>рь пожаловал, велел выпи<са>ть. //

[Л.2]

Бьет челом государю царю и велик<ому князю> Алексею Михайловичю всеа Велик<ия> и Малыя и Белыя Росии самодерж<цу> столник князь Иван Каплан мурзин сын Шейдяков, чтоб государь ево <пожа>ловал, велел поверстать своим, <государевым>, жалованьем, помесным окладом <и ден>гами, как государю Бог известит.

А на пример князю Ивану Шейдякову выписаны, которые верстаны помесными и денежными оклад<ы> вновь.

Столники

1000 четьи, 100 рублей

Князь Тихон Барай мурзин сын Кут<умов>.

600 четьи, 40 рублей

Князь Прокофей Деян мурзин сын Смайлев.

550 четьи, денег 25 ру<блев>

Князь Федор княж Никитин сын Ис<упов>.

А Шейдяковым никому помесны<х> и денежных окладов в Розряде не сыскано. [Помета сверху л.2 на левом поле] Справлен. //

[Помета рукой думного дьяка С.И. Заборовского по сствам листов 1 и 2 и на л.2] 166-го сентября <...> день государь пожаловал, велел ему оклад уч<инить> семсот <четьи>, денег пятд<есят> рублей>. //

РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.288. Л.1–2.

VII

1658 г., апрель. – Челобитная стольника князя Романа княж Абрамова сына Шейдякова о поверстании его поместным окладом и денежным жалованьем и выписка по челобитной

[Л.266]

Царю государю и великому князю Алекс<ею Михайловичю> всеа Великия и Малыя и Бел<ья> Росии самодержцу. Бьет челом холоп твой <Ромашка княж> Обрамов сын Шейдяков. Служу <я, холоп твой, тебе>, государю, в столниках лет з десеть, < а твоим, государевым, жалованьем, помесным> и денежным окладом, не ве<рстан. Милосердый> государь царь и великий князь Алексей Ми<хайлович> всеа Великия и Малыя и Белья <Росии> самодержец, пожалуй меня, <холопа> своего, своим, государевым, жало<ваньем>, вели меня, холопа своего, помес<ным> и денежным окладом поверстать. Царь государь, смилуйся. //

[Л.267]

И против сей челобитной в Розряде выписано.

В прошлом, во 158-м, году великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец пожаловал князь Рамана княж Абрамова сына Шейдякова, велел ему быти у себя, великого государя, в столниках, а государевым жалованьем, помесным и денежным окл<адом>, князь Раман не верстан.

И государю царю и великом<у князю> Алексею Михайловичю вс<еа Великия> и Малыя и Белья Росии <самодер>жцу бьет челом столник <князь Раман> Шейдяков, чтоб государь <ево пожало>вал, велел своим, <государевым, жало>ваньем, помесным <и денежным> окладом, повер<стать, как> государю Бог известит>.

И выписаны <князь Раману> Шейдякову на при<мер>

Столники ж //

[Л.268]

700 четьи

Денег из Чети 50 рублей

Князь Иван Большой Каплан мурзин сын Шейдяков.

По 550 четьи

30 рублей

Князь Михайло княж Иванов сын Черкасской.

25 рублей

Князь Федор княж Микитин сын Ис<у>пов.

450 четьи

17 рублей

Князь Степан княж Мик<и>тин <сын Ше>йсупов. //

[Помета рукой думного дьяка С.И. Заборовского по составам листов 266 и 267, 267 и 268 и на л.268] 166-го апреля <...>⁶ день государь пожаловал, велел ему оклад учи<нить> 550 ч<етъи ...>. //

РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.288. Л.266–268.

VIII

7172 (1663/64) г. – Смотренный жилецкий список (извлечение)

[Л.55]

Князь Давыд княж Алексеев сын Шейдяков. Корму дают по 5 алтын по 4 деньги на день. //

[Л.227]

Князь Борис княж Васильев сын Юсупов. Служит с отцова помесья, а за отцом 57 д[воров], и с того служит сам да их 3 брата. //

[Л.402]

Князь Иван княж Васильев сын Юсупов. Помесья нет, а за отцом 57 д[воров], и с того служит сам да их 3 брата. //

РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.1107. Л.55, 227, 402.

IX

1667 г., октября 26. – Сказка жильцов князя Василия, князя Бориса и князя Ивана княж Васильевых детей Юсуповых о боеготовности и поместном обеспечении

[Л.11]

176-го октября в 26 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца указу сказали жилцы князь Василей, да князь Борис, да князь Иван княж Васильевы дети Юсупова. Будем мы на государеве службе на конех, да за нами по человеку з боем. А на людей великого государя денежного жалованья не имавали. А поместейца, государева жалованья, и вотчинки за нами нет нигде ни по единой чети. То наша и скаска. //

[Л.11 об.]

К сей скаске Васка Юсупов руку приложил и места братьей своих по их велению. //

РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.427. Л.11–11 об.

X

1668 г., июня 28. – Сказка жильца князя Никиты княж Васильева сына Кошумова о поместном и кормовом обеспечении

[Л.16]

176-го году июня в 28 день сказал по святей непорочной евангельской заповеди господни жилец князь Микита княж Васильев сын Кушумов

⁶ Число неясно.

ей ей. За мною государева жалованья, поместейца и вотчинки, нет нигде ни единой четверти. Толко мне идет государево жалованье корм по алтыну на день. То моя и скаска. А скаску писал площадной подьячий Володка Торопов. //

[Л.16 об.]

К сей скаске жилец князь Никита княж Васильев сын К<ушумов> руку приложил. //

РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.427. Л.16–16 об.

XI

1669 г., июня 18. – Сказка жильца князя Никиты княж Васильева сына Кошумова о поместном и кормовом обеспечении

[Л.18]

177-го июня в 18 день сказал жилец князь Никита княж Васильев сын Кушумов по евангелской Христове нипорочной заповеди еже ей ей. Государева жалованья, поместейца и вотчинки, нет ни единой четверти. Толко идет мне государева жалованья поденного денежного [sic] корму по алтыну на день. А скаску писал сытник Тимофей Селиверстов. //

[Л.18 об.]

К сей скаске князь Никита княж Васильев сын Кушумов руку приложил.

[Помета] Июня в 21 день отдана с стола. //

РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.422. Л.18–18 об.

XII

1669 г., июня 28. – Сказка жильца князя Давыда княж Алексеева сына Шейдякова о поместном и кормовом обеспечении

[Л.64]

177-го году июня в 28 день сказал жилец князь Давыд княж Алексеев сын Шейдяков по евангилской непорочьной [sic] Христовой заповеди еже ей ей. Помесья и вотчинки нет за мною нигде ни единые четьи. А идет мне поденной месечной корм по пяти алтын по четыре денги на день из Большаго приходу. То моя и скаска. А сскаску [sic] писал Григорей Серчев по ево, князь Давыдову, велению. [Помета] В списке пис[ана]. //

[Л.64 об.]

К сей скаске князь Степан Смайлев вместо князь Давы [sic] Шедякова по ево велению руку приложил. //

РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.422. Л.64–64 об.

XIII

1677 г., март, около 21. – Сказка стряпчего князя Василия Меньшого княж Никитина сына Юсупова о поместном обеспечении

[Л.71]

185-го марта в день сказал стряпчей князь Василей княж Никитин сын Юсупов по святей непорочной евангильской заповеди господни еже ей ей. Государева жалованья за мною, поместья и вотчины, в розных городех – в Галиче да в Шуе, на Вологде да в Кашине – сорок дворов крестьянских и бобыльских. То моя и скаска. //

[Л.71 об.]

К сей скаске князь Юрья Байтереков вместе князь Василья Юсупова по ево велению руку приложил. //

РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.528. Столп.2. Л.71–71 об.

XIV

1677 г., марта 23. – Сказка жильца князя Михаила княж Исаева сына Шейдякова о поместном и кормовом обеспечении

[Л.368]

185-го марта в 23 день князь Михайла княж Исаев сын Шейдяков сказал. Государева жалованья идет мне поденной корм по гривне на день. Да за мною ж в Дмитровском уезде два двара задворных людей. И за те за два двара вычитают ис тое ж гривны по два рубли в год. То моя и скаска. //

[Л.368 об.]

К сей скаске князь Петр Шейдяков вместе брата своево князь <Ми>хайла по ево велению руку приложил. //

РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.528. Столп.1. Л.368–368 об.

XV

1677 г., марта 28. – Сказка жильца князя Тихона княж Петрова сына Кейкуватова о поместном и кормовом обеспечении

[Л.366]

185-го году марта в 28 день сказал жилец князь Тихон княж Петров сын Кекуватов. Государева жалованья идет поденного корму по два алтына на день. А поместья за мною в Володимерском уезде по писцовым книгам четыре двора крестьянских. А ныне за мною три двора. И вычитали на мне по рублю в год за два двора. И ныне я вывел из бегов дворишка крестьянской. И всего за мною в живуше [sic] три дворишка. То моя и скаска. //

[Л.366 об.]

К сей скаске Ахмет сеит Шакулов вместе княж Тихана Киков<а>това по ево велению руку приложил. //

РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.528. Столп.1. Л.366–366 об.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белоусов М.Р. «Сказки» членов Государева двора – выходцев из тюркской знати как источник информации боярских списков об их готовности к полковой службе (середина XVII в.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №2. С.95–116. DOI: 10.22378/2410-0765.2023-13-2.95-116.
2. Беляков А.В. Ногайская знать в России XVI–XVII веков. М.: Старая Басманная, 2023. 324 с.
3. Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: Рязань. Мир, 2011. 512 с.
4. Беляков А.В., Акчурина М.М. Князя Шейсуповы (Шайсуповы): модель интеграции в русскую правящую элиту // Средневековые тюрко-татарские государства. 2020. №12. С.12–26.
5. Богоявленский С.К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. М.: Языки славянской культуры, 2006. 608 с.
6. Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700): Биографический справочник. М.: Памятники исторической мысли, 2011. 720 с.
7. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Квадрига, 2020. 1040 с.
8. Тюменское и Сибирское ханство / под ред. Д.Н. Маслюженко, А.Г. Ситдикова, Р.Р. Хайрутдинова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. 560 с.

Информация об авторе:

Белоусов Максим Рудольфович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-2564-9714; e-mail: vonrheineck@gmail.com

Поступила 30.04.2025

Принята к публикации 20.05.2025

New documents of the Moscow department of the Razriadny Prikaz of 1645–1677 on the representatives of the Nogai Princes

M.R. Belousov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article publishes and introduces into scientific circulation for the first time twenty documents from 1645–1677 containing information about representatives of the family tree of Nogai Princes – Akhmetev, Bayterekov, Keykuvatov, Koshumov, Kutumov, Smailev, Urmametev, Sheydiakov, Yusupov Princes. All the documents presented in the article were deposited in the fund of the Razriadny Prikaz of the Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). The introduction names the types of pub-

lished office documents, lists the names of the persons mentioned in them, and sets out the rules for transmitting the text. For the first time, a representative of the Nogai Princes, zhilets Prince N.V. Koshumov, was identified. The article is addressed to specialists in the history of the Sovereign's Court, social history, history of public administration, source study of office documents.

Keywords: Nogai Princes, Razriadny Prikaz, office documents, Moscow nobles, stolniki, striapchie, zhiltsy

For citation: Belousov M.R. New documents of the Moscow department of the Razriadny Prikaz of 1645–1677 on the representatives of the Nogai Princes. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.2, pp.130–144. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-2.130-144> (In Russian)

REFERENCES

1. Belousov M.R. "Tales" of members of the Sovereign's Court – natives of the Turkic nobility as a source of information from boyar lists about their readiness for regimental service (mid-17th century). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.2, pp.95–116. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-2.95-116> (In Russian)
2. Belyakov A.V. *Nogai nobility in Russia of the 16th–17th centuries*. Moscow: Staraya Basmannaya Publ., 2023. 324 p. (In Russian)
3. Belyakov A.V. *Chinggiside in Russia of the 15th–17th centuries: prosopographical study*. Ryazan: Ryazan. Mir Publ., 2011. 512 p. (In Russian)
4. Belyakov A.V., Akchurin M.M. Sheysupov (Shaysupov) Princes: a model of integration into the Russian ruling elite. *Medieval Turkic-Tatar states*. 2020, no.12, pp.12–26. (In Russian)
5. Bogoyavlensky S.K. *Moscow clerical apparatus and office work of the 16th – 17th centuries*. Moscow: Languages of Slavic culture Publ., 2006. 608 p. (In Russian)
6. Demidova N.F. *Service bureaucracy in Russia in the 17th century (1625–1700): biographical handbook*. Moscow: Monuments of historical thought Publ., 2011. 720 p. (In Russian)
7. Trepavlov V.V. *History of the Nogai Horde*. Moscow: Quadriga Publ., 2020. 1040 p. (In Russian)
8. *Tyumen and Siberian Khanate*. Ed. by D.N. Maslyuzhenko, A.G. Sitdikov, R.R. Khairutdinov. Kazan: Kazan University Publ., 2018. 560 p. (In Russian)

About the author:

Belousov Maxim Rudolfovich – Cand. Sci. (history), Associate Professor, Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-2564-9714; e-mail: vonrheineck@gmail.com

Received April 30, 2025

Accepted for publication May 20, 2025

НОВЫЕ КНИГИ, РЕЦЕНЗИИ

УДК 929(297.1)

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-2.145-149>

Китапка бәяләмә: Гәрәева-Акчура А. Төркиядә табылган татар эзләре: публицистик мәкаләләр, эсселар, тәржемәләр (Конья, 2024)

А.Г. Хәйретдинов

*ТР ФА Ш.Мәрҗани исем. Тарих институты
Казан, Россия Федерациясе*

Әлеге бәяләмә Төркиядә басылган һәм XX гасырда бу илгә күченеп киткән татар мөһажирләренң тормыш юлларына һәм иҗтимагый эшчәнлегенә багышланган яңа китапның эчтәлегенә һәм фәнни әһәмияткә белән таныштыра. Басманың фәнни кыйммәте авторның исемнәре татар тарих язмасында аз билгеле булган татарларның биографияләрен яңа табышлар белән тулыландыруыннан гыйбарәт. Моннан тыш, автор Төркия вакытлы матбугатында татарлар турында басылган мәкаләләр белән таныштыра.

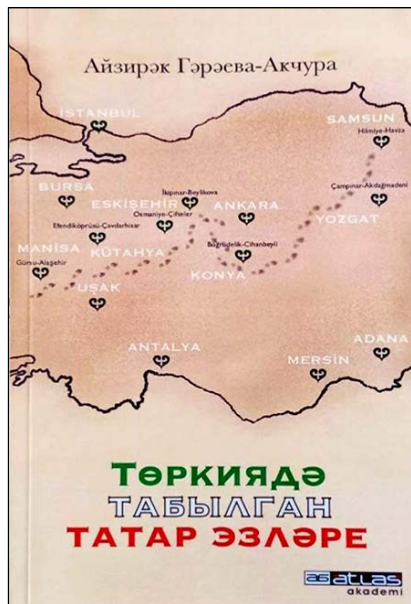
Ачык сүзләр: Төркиядә татарлар, татар мөһажирлегенә, төрек вакытлы матбугаты татарлар турында, татар публицистикасы, биографияләр

2024 елда Төркиянең Конья шәһәрнендә «Atlas Akademi» нәшриятында якташыбыз журналист Айзирәк Гәрәева-Акчураның «Төркиядә табылган татар эзләре: публицистик мәкаләләр, эсселар, тәржемәләр» исемле китабы дөнья күрде.

Татар мөһажирләренң язмышлары белән кызыксынучы, аларның Төркия үсешенә, бу илнең иҗтимагый яшәешенә, мәданиятенә, фәнненә, мәгарифенә керткән өлешләрен белән кызыксынучы кеше буларак та, галим буларак та мин бу китапны игътибарымнан читтә калдыра алмыйм. Бу йөздән аның турында кыска гына бер бәяләмә, ягъни рецензия язып, әлеге хезмәт турында хәбәрне татар жәмәгатьчелегенә житкерергә теләм, хәтта бурычым дип саныйм.

Әлеге китапны миңа Айзирәк ханым үз куллары белән бүләк итте. Айзирәк ханым белән күрешеп танышу миңа Мөхлисә Бубыйның 155 еллыгына багышланган конференциядә насыйп булды. Әлеге фәнни чара

2024 елның 27 нояберендә Иж-Бубый авылында (Татарстан Республикасы Әгерже районы) үткәрелде.

Безгә танышу гына аз булыр иде, аралашып китүебез дә табигый, чөнки язмыш безнең тарихка, шәхесләребезгә караган тикшеренүләребезнең юлларын кисештерде: көннәрдән бер көндә икебез дә Бубыйлар нәселенең татар милли хәтереннән өзелеп югалып калган, онытылган вәкиләсе Мәрһәм ханым Бубый (Нигъмәтуллина) Атмажаның катлаулы, мажаралы, фажиғалә язмышына юлыктык, «ah» итеп, хәйран калып бу олы күңелле, корыч холыклы, мәгърур татар хатыны турында, әлбәттә, язарга, аның исемен татар халкына кайтарырга кирәк дигән карарга килгән идек.

Искә алынган китап юка тышлыклы, гадәти форматтан бераз зуррак кимәлдә, күләме 312 сәхифәдән гыйба-

рәт булган басмадыр [1]. Китап авторның төрек һәм татар телләрендә язылган кереш сүзе белән башлана. Моннан соң китапның эчтәлегә бирелә һәм Коньядагы Сәлжүк университеты укытучысы, филология фәннәре кандидаты Алсу Шәмсутованың «Горурланыр елъязмалар» исемле кереш мәкаләсе белән давам ителә.

Китапның эчтәлегә дүрт бүлектән гыйбарәт. Беренче бүлек «Социаль барлык» дип атала. Биредә авторның 2017–2024 елларда төрле татар матбугат басмаларында чыккан татар-төрек халыкларының мөнәсәбәтләренә, аралашуларына кагылышлы хатирәви публицистик мәкаләләр урын ала. Бубыйлар нәселенең газиз парчасы булган Мәрһәм ханым Атмажага багышланган мәкалә дә бу бүлектә урын ала. Йөрәкләрен майга төреп салмаганның күңелләрен елатырлык язмышлар кичкән бу ханымның тарихын биредә сөйләп тормыйм, чөнки бәяләмә язучының максаты да Айзирәк ханымның китабына игътибарны җәлеп иттереп, укучыда аны үз кулларына алып укып чыгарга этәрүдер.

Икенче бүлек «Төрөкчә китапларда, матбугатта татарлар язмышы» дип атала. Биредә урын алган язмалар аркылы автор татарларга карата игътибарның Төркиядә һичкайчан да сүнмәгәнлеген, тикшеренүчеләрне кызыксындыра торган, үзе турында яздыра торган мәүзугә (тема) булып торганлыгын бәян итә.

Өченче бүлек «Сәяхәтнамәләр, эсселәр» дип аталган. Биредә шулай ук автор ханымның әүвәлге елларда басылып чыккан мәкаләләр урын

ала, укучыны уртакт татар-төрөк мохитенә, ике тугандаш халыкның галәменә хыялый сәфәр шул рәвешле дәвам ителә.

Дүртенче бүлек «Автор белән әңгәмәләрдән өзекләре» дип аталып, тирәнлегә һәм киңлегә белән дәрҗәга тиң булган темага укучыны житәкләп диярдәй озатуын дәвам итә, бу хакта уйлануларга, моңлануларга чумдыра. *«Ни кызганыч, Россиядән күчкән мөһәтирләрнең балалары бакыйлыкка күчеп бара, ә мөһәҗир бабаларын, әбиләрен бала чакта күрү калган буын олыгаеп килә»*, – дип яза Айзирәк ханым [1, б.285].

Дөрестән дә, татар халкының дөнья буйлап сибелгән асыл затлары бихисап. Үз илләрендә кадер-хөрмәт күрү бар көчләрен туган җирләренә үсешенә, алгарышына сарыф иткән булсалар иде, дөньялар да башкача булыр иде дә бит, язмыштан узмыш юк шул. Мәрхәмәтсез тарих туфанны ул асыл кешеләргә генә түгел, алар турындагы хатирәләргә дә инде юкка чыгарып бара: нәсел дәвамчыларының хатирәләре, саргайган гәзит-журнал сәхифәләре – һәммәсе фани, һәммәсе акрынлап тарала бара, сүнә бара. Шуңа күрә ул таралган язмышларны, чәлпәрәмә килгән гүзәл өметләргә калдыкларын бүген без күз яшьләрен түгә-түгә бөртекләп жыябыз, барлайбыз, табышлар булса сөнәбез, тергезелүе мөмкин булмаган югалтуларга юлыкмаск көнәбез. Татар халкы тарихын аның вәкилләренә аянычлы тәкъдирләргә аша язучы шул рәвешле дә дәвам ителә. Айзирәк Гәрәева-Акчураның хезмәте дә бу эшнең кыйммәтле бер өлеше булып тора.

Якташыбыз Айзирәк бу юнәлештә эзләнүләрен дәвам итәр дип ышанасы килә, чөнки дөнья буйлап сибелгән татарларның Төркиядә төпләнү калган вәкилләренә караган табышлар әле күп булачак.

ЧЫГАНАКЛАР ҺӘМ ӘДӘБИЯТ ИСЕМЛЕГЕ

1. Гәрәева-Акчура А. Төркиядә табылган татар эзләре: публицистик мәкаләләр, эсселәр, тәрҗемәләр. Конья: «Atlas Akademi», 2024. 320 б.

Автор турында белешмә:

Хәйретдин Айдар Гарифетдин улы – фәлсәфи фәннәр кандидаты, доцент, ТР ФА Ш.Мәрҗани исем. Тарих институтының Я.Г. Абдуллин исемендәге диннәр һәм иҗтимагы фикер тарихы бүлегә мөдиренең урынбасары (Казан, Россия Федерациясе); ORCID: 0000-0003-0648-0466; e-mail: khaidar67@mail.ru

Редакциягә керде 20.03.2025

Кабул ителде 25.04.2025

Рецензия на книгу:

Гараева-Акчура А. Татарские следы, обнаруженные в Турции:
публицистические статьи, эссе, переводы (Конья, 2024)

А.Г. Хайрутдинов

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

Рецензия знакомит с содержанием и научной значимостью опубликованной в Турции книги, посвященной биографиям и общественной деятельности представителей татарской эмиграции, переселившихся в упомянутую страну в течение XX в. Ценность издания заключается в том, что автор дополняет новыми сведениями данные, относящиеся к судьбам татар, имена которых до сих пор остаются малоизвестными для татарской историографии. Кроме этого, автор презентует публикации о татарах в турецких периодических изданиях.

Ключевые слова: татары в Турции, татарская эмиграция, турецкая пресса о татарах, татарская публицистика, биографии

Для цитирования: Хайретдинов А.Г. Китапка бәяләмә: Гәрәева-Акчура А. Төркиядә табылган татар эзләре: публицистик мәкаләләр, эсселәр, тәржемәләр (Конья, 2024) [Рецензия на книгу: Гараева-Акчура А. Татарские следы, обнаруженные в Турции: публицистические статьи, эссе, переводы (Конья, 2024)] // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №2. С.145–149. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-2.145-149>

Информация об авторе:

Хайрутдинов Айдар Гарифутдинович – кандидат философских наук, доцент, и.о. заведующего отделом истории религий и общественной мысли им. Я.Г. Абдуллина, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-0648-0466; e-mail: khaidar67@mail.ru

Поступила 20.03.2025

Принята к публикации 25.04.2025

Book review: Garayeva-Akchura A. Tatar traces founded in Turkey:
publicism articles, essays, translations (Konya, 2024)

A.G. Khairutdinov

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

The review introduces the content and scientific significance of the book published in Turkey, dedicated to the biographies and social activities of representatives of the Tatar emigration who moved to the aforementioned country during the 20th century. The value of the publication lies in the fact that the author supplements the data related

to the fates of the Tatars, whose names still remain little known to Tatar historiography, with new information. In addition, the author presents publications about the Tatars in Turkish periodicals.

Keywords: Tatars in Turkey, Tatar emigration, Turkish press about Tatars, Tatar journalism, biographies

For citation: Khairutdinov A.G. Book review: Garayeva-Akchura A. Tatar traces founded in Turkey: publicism articles, essays, translations (Konya, 2024). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.2, pp.145–149. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-2.145-149> (In Tatar)

REFERENCES

1. Garayeva-Akchura A. *Tatar traces founded in Turkey: publicism articles, essays, translations*. Konya: Atlas Akademi Publ., 2024. 320 p. (In Tatar)

About the author:

Khairutdinov Aidar Garifutdinovich – Cand. Sci. (philosophy), Associate Professor, Acting Head of the Abdullin Department of the History of Religions and Social Thought, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-0648-0466; e-mail: khaidar67@mail.ru

Received March 20, 2025

Accepted for publication April 25, 2025

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 929

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-2.150-160>

В поисках историко-культурного и литературно-художественного наследия татарского народа (посвящается памяти Марселя Ибрагимовича Ахметзянова)

А.М. Гайнутдинов

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

Статья посвящена научной деятельности известного в России и за ее пределами татарского ученого, доктора филологических наук, профессора Марселя Ибрагимовича Ахметзянова. В работе рассматриваются основные вехи биографии ученого и дается анализ его научной деятельности. Также публикуется список основных трудов М.И. Ахметзянова, посвященных разным областям истории, культуры и литературы татарского народа.

Ключевые слова: Марсель Ахметзянов, татарский ученый, биография, научные работы, археограф, эпиграфист, историк

Для цитирования: Гайнутдинов А.М. В поисках историко-культурного и литературно-художественного наследия татарского народа (посвящается памяти Марселя Ибрагимовича Ахметзянова) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №2. С.150–160. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-2.150-160>

18 апреля 2025 г. татарский научный мир понес тяжелую утрату – на 86-м году жизни скончался выдающийся ученый, доктор филологических наук, профессор Марсель Ибрагимович Ахметзянов (1939–2025). Он был известен как ученый-энциклопедист: археограф, литературовед, текстолог, историк, лингвист, эпиграфист, фольклорист, этнограф, педагог. В татарском мире не так много личностей, обладающих столь широкой эрудицией, энциклопедическими знаниями во многих областях науки. Такие люди рождались едва ли не раз в сто лет. Если в XIX – начале XX в. такими учеными были Шигабутдин Марджани, Ризаэтдин Фахретдин, то спустя век, безусловно, Марсель Ахметзянов.

М.И. Ахметзянов родился 26 марта 1939 г. в пос. Шугурово Шугуровского района ТАССР (ныне Лениногорского р-на РТ). Его предки были родом из с. Большой Менгер современного Атнинского района РТ. Генеалогия ученого такова: Марсель сын Ибрагима сына Ахметзяна сына Гай-

нутдина сына Галиасгара сына Габдрашита сына Муслима сына Арслана сына Абака сына Джабака.

В 1943 г. семья Ахметзяновых переехала в с. Новый Кинер Кзыл-Юлского района ТАССР (ныне Арского р-на РТ), где прошла его юность и учеба в школе. Поэтому его похоронили именно на кладбище этого села (возможно, это была его последняя воля).

Когда маленькому Марселю исполнилось семь лет, родители отдали его в русский класс средней школы в Новом Кинере. Ребенок, научившийся думать и выражать свои мысли только на татарском языке, видимо, не мог сразу же воспринимать обучение на русском языке и постепенно вообще отказался от учебы. Русскоязычные преподаватели, несмотря на прекрасное знание своей профессии, наверно, позже поняли, что не смогут привить ему интерес к учебному процессу на неродном языке. Осознав свою ошибку, родители были вынуждены перевести ребенка на следующий год в татарский класс. Вскоре он начал показывать отличные результаты, получал хорошие оценки, выделялся среди сверстников неумолимой тягой к знаниям. Во время учебы в школе одноклассники М.И. Ахметзянова даже шутя называли его «профессором». Спустя годы эти шутки сбылись, благодаря своим усилиям М.И. Ахметзянов стал действительно настоящим профессором, написал множество трудов и получил широкую известность во всем татарском мире.

После окончания в 1957 г. школы будущий ученый не сразу связал свою судьбу с наукой – некоторое время он работал простым рабочим на разных заводах и предприятиях.

В 1963 г. М.И. Ахметзянов поступил на вечернее отделение Казанского государственного университета и в 1968 г. успешно его окончил, получив специальность историка, и тем самым осуществил свою давнюю мечту.

Конечно, для человека, который всегда стремился к знаниям и науке, простое окончание университета не могло удовлетворить его духовные потребности в полной мере. Возможно, именно поэтому в 1972 г. М.И. Ахметзянов поступил в аспирантуру Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова АН СССР, впоследствии написал диссертацию по языкознанию под руководством Ф.С. Фасеева. В то время в Татарской республике по какой-то причине временно закрылся совет по защите диссертаций – он отправился для защиты научной работы в г. Алма-Ату Казахской ССР. Кандидатская диссертация М.И. Ахметзянова «Изучение татарских родословных в источниковедческом и лингвистическом аспектах: (по источникам XIX–XX вв.)» [1] получила высокую оценку ученых.

После присуждения ученой степени кандидата филологических наук, старательному и подающему надежду молодому человеку предложили работу в Институте языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова, где он остался работать, чтобы служить своему народу и приносить пользу обществу.

Среди достижений М.И. Ахметзянова – его работа в области поиска и изучения древних татарских генеалогий. Он изучил и ввел в научный оборот большое количество древних татарских родословных. М.И. Ахметзяновым был написан первый монографический труд, посвященный вопросам составления родословных разных этнотерриториальных групп татар, проведен текстологическо-филологический анализ материалов шеджере, определены появление их новых видов за последние двести лет [3]. Его работы по проблематике и истории родословий татарского народа выполнялись на основе изучения богатых документальных материалов, собранных большей частью лично им во время археографических экспедиций. В то время как научный интерес к татарской генеалогии угасал, М.И. Ахметзянов возродил эту область и доказал, что родословные являются бесценными источниками для изучения истории татарского народа. Можно сказать, что во всем мире не было никого, кто бы так хорошо знал татарскую генеалогия, как он. В последние десятилетия у населения появился запрос к изучению своих родословных и можно с уверенностью сказать, что М.И. Ахметзянов сыграл в этом определенную роль. Отрадно, что в 2013 г. за серию работ «Татарские родословные» ученый был удостоен Государственной премии Республики Татарстан в области науки и техники.

Ученый посвятил практически всю свою жизнь изучению татарской литературы, истории и традиционной культуры. Он принял участие в ряде научных экспедиций, собирая огромный археографический материал, а именно древние рукописи и редкие книги, обогащая архив Института, и буквально до преклонного возраста остался преданным этой работе. Никто не станет отрицать огромную важность поиска и сбора фактической информации для реконструкции истории литературы, языка, этнической истории нашего народа. На основе этих археографических материалов М.И. Ахметзянов защитил докторскую диссертацию на тему «Проблемы изучения татарского литературного наследия: результаты методологии изучения литературных источников и исследований» [2]. Ученый проанализировал историю татарской книги, ввел в научный оборот новые источники, десятки неизвестных произведений татарских писателей и поэтов, открыл новые литературные жанры на страницах древних татарских рукописей, разработал методологию изучения древних татарских письменных источников в тесной связи с историей и другими историческими дисциплинами. «Татар кулъязма китабы» («Татарская рукописная книга»), написанная по материалам его диссертации, стала настольной книгой практически каждого ученого-гуманитария [6]. Доктор исторических наук Р.У. Амирханов писал, что она вносит плодотворный вклад в изучение многовекового духовного наследия татарского народа и дает возможность по-новому оценить развитие татарской литературы [4, б.318].

История татарской литературы XVII–XIX вв. до М.И. Ахметзянова не была достаточно хорошо изучена. Для полного раскрытия этого длитель-

ного исторического периода опубликованных литературных памятников оказалось недостаточно. Поэтому ученый, понимая ценность древних рукописей и документов для изучения истории татарской литературы, неустанно трудился в этой области, обогащая и дополняя ее новыми фактами, источниками, произведениями. Например, большинство произведений, посвященных татарской литературе XVIII в., были обнаружены, подготовлены, текстуально обработаны им и представлены читателям. М.И. Ахметзянов принимал активное участие в текстологической подготовке издания сочинений классиков татарской литературы Ф. Амирхана, Х.Такташа и др.

М.И. Ахметзянов – ученый, проделавший огромную работу в области возвращения народу древних памятников устного народного творчества. Большую популярность приобрели его книги, такие как «Каһарман Катил. Дастан» («Герой Катиль. Дастан»), «Угызнамэ дастаны» («Дастан “Угызнамэ”»), «Дастаннар ватаны» («Родина дастанов»). В них текстуально обрабатывались, переводились с арабской графики на кириллицу и представлялись ранее неизвестные широкой публике произведения. Труд ученого «Төш юрау китабы» («Книга толкования сновидений»), изданный в 1991 г. многотысячным тиражом, быстро стал одной из самых популярных книг. Он также издал книгу «Татар халкының борынғы ырым-арбаулары һәм төрле фалнамэләре» («Старинные поверья и различные гадания татарского народа»), в которой представил более 130 ритуальных текстов из древних рукописей, датируемых XVIII–XX вв., проанализировал их и перевел с арабской графики на кириллицу [7]. В работе «Татар археографиясе. Татар халкының кулъязма тыйб хазинәсе мирасы» («Татарская археография. Наследие рукописных медицинских сокровищ татарского народа») М.И. Ахметзянов ознакомил читателей с богатым татарским медицинским наследием, которое он собрал лично [5, 6.6]. Следует отметить, что эта область вообще не была до него изучена. Ученый также опубликовал около 10 книг, содержащих научные описания археографических материалов, обнаруженных в ходе научных экспедиций.

М.И. Ахметзянов приложил большие усилия в области изучения татарской эпиграфики. Начиная с 1970-х гг. он систематически проводил многочисленные экспедиции и собирал эпиграфическое наследие татарского народа практически во всех районах Татарстана, во всех соседних республиках, а также в таких городах, как Санкт-Петербург, Оренбург, Челябинск, Касимов, Екатеринбург, Троицк и др. Эпиграфист Дж.Г. Мухаметшин писал, что не осталось в Татарстане ни одной деревни, где бы М.И. Ахметзянов не побывал и где бы не посетил их кладбища [4, 6.320]. Одна за другой вышли в свет такие бесценные книги ученого, как «Үлгән-нәрнең каберен бел: Әлмәт төбәге эпиграфик истәлекләре» («Знай могилы усопших: Эпиграфические памятники Альметьевского края»), «XVII–XVIII гасыр татар ташбилгеләре» («Татарские надмогильные памятники XVII–XVIII вв.»), «Ташбилгеләргә язылган татар әдәбияты үрнәкләре»

(«Образцы татарской письменности, написанной на надмогильных памятниках»), «Татар археографиясе. Татар эпитафиясын өйрәнү дәверендә тупланган зират культурасы хакындагы кайбер материаллар» («Татарская археография. Некоторые материалы по кладбищенской культуре, собранные во время изучения татарской эпитафики»), «Татарстандагы татар зиратлары ташбилгеләре язмалары» («Надписи надмогильных памятников татарских кладбищ Татарстана»). В этих и других трудах ученого, посвященных изучению древних традиций татарской культуры, показано историческое развитие татарской культуры на протяжении многих веков, подчеркнуты национальные особенности народа, проживающего на обширных географических территориях.

Также М.И. Ахметзянов проделал большую работу по изучению истории и этнографии татар. На основе многочисленных письменных источников он раскрыл этническую историю предков татар, проживавших в Золотой Орде, Казанском ханстве, Касимовском ханстве и Ногайской Орде. Его книги «Меңьеллык татар нәселе: Татар шәжәрәләре һәм этник тарихыбызга бер караш» («Тысячелетний татарский род: Татарские родословные и один взгляд на нашу этническую историю»), «Нугай Урдасы: татар халкының тарихи мирасы» («Ногайская Орда: историческое наследие татарского народа») внесли существенный вклад в развитие отечественной исторической науки в области изучения этногенеза татар.

Еще одним направлением работы М.И. Ахметзянова был сбор картографических материалов. Он отыскал около двухсот древних исторических карт, многие из которых опубликовал [4, б.7]. Эта работа помогла в реконструкции этнической истории татарского народа.

Ученый уделял внимание детальному изучению отдельных районов современного Татарстана. Итогом этой работы стало издание книг «Олы Мәңгәр авылы тарихы» («История села Большой Менгер»), «Ахун авылының нәсел тарихы» («История родословий села Ахун») и др. За заслуги в изучении истории татарского народа ученый был награжден премией имени Р. Фахреддина.

Многие из нас, быть может, не знают, что М.И. Ахметзянов был еще талантливым поэтом и писателем. Тема судьбы татарской нации занимает видное место в его стихах. Большинство из них не опубликованы и сохранились только в рукописном виде в записных книжках ученого. Лишь некоторые из них были изданы в различных газетах и журналах (поэмы о Сююмбике-ханбике, Аметхан-султানে, Янгуга-батыре и др.). Эти произведения ученого повествуют, главным образом, о знаменитых и выдающихся сыновьях и дочерях татарского народа. В 2017 г. вышел сборник его стихотворений и прозаических текстов «Күңел тойгылары» («Чувства души»). М.И. Ахметзянов взял себе псевдоним «Марсель Менгери», поскольку его предки, как указано выше, были из с. Большой Менгер.

Марсель Ибрагимович – автор и составитель около 60 книг, а также более тысячи научных, научно-популярных и публицистических статей (см. приложение). По замечанию доктора исторических наук Ф.Г. Ислаева, для ученого это невероятно большая цифра, достойная занесения в Книгу рекордов Гиннесса [4, б.327]. Он являлся членом диссертационных советов по защите диссертаций в ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ и Казанском федеральном университете, членом редколлегий ряда журналов, академиком Международной Тюркской академии и Академии гуманитарных наук, лауреатом Международной премии имени Кул Гали, заслуженным деятелем науки Республики Татарстан, ветераном труда.

М.И. Ахметзянов посвятил свою жизнь бескорыстному служению науке и стране. Научное наследие ученого требует отдельного исследования. Хочется надеяться, что станут традиционными научные конференции, посвященные ему и изучению исторического наследия татарского народа. Также было бы уместно увековечить память Марселя Ибрагимовича, назвав в его честь Центр письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова, где он трудился до последних дней, а также присвоив имя татарского ученого улицам городов и сел, с которыми неразрывно была связана его жизнь и научная деятельность.

Научная экспедиция в Оренбургскую область. 2010 г. Фото А.Ахунова

М.И. Ахметзянов – старейший член Ученого совета Национального музея РТ – с наградой за многолетнюю деятельность на благо НМ РТ и развитие музейного дела Республики Татарстан. Март 2017 г.
URL: <https://art16.ru/gallery2/v/nmrt/17-03-2017/20170317-dsc01906.jpg>

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список основных трудов М.И. Ахметзянова

1. Такташ И. Әсәрләр: Өч томда. 2 т.: Драматургия һәм проза / томның драматургия өлешен төз., иск. хәзерл. М. Әхмәтжанов. Казан: Татар. кит. нәшр., 1981. 443 б.
2. Нади Такташ – яңа тормыш жырчысы (фәнни конференция материаллары) / төз. М.И. Әхмәтжанов. Казан, 1982. 159 б.
3. Такташ И. Әсәрләр: Өч томда. 3 т.: Әдәбият-сәнгать тәнкыйте, публицистика, биографик материаллар, хатлар / биографик материаллар, хатлар өлешен төз., текст һәм иск. хәзерл. М.Әхмәтжанов. Казан: Татар. кит. нәшр., 1983. 447 б.
4. Әмирхан Ф. Әсәрләр: Дүрт томда. 4 т.: Әдәбият-сәнгать тәнкыйте, биографик материаллар, хатлар / томны төз., текст һәм аңлатм. хәзерл. М. Әхмәтжанов. Казан: Татар. кит. нәшр., 1986. 390 б.
5. Ахметзянов М.И. Татарские шеджере (Исследование татарских шеджере в источниковедческом и лингвистическом аспектах по спискам XIX–XX вв.). Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 158 с.
6. Төш юрау китабы (Тәгъбирнамә, юрамышлар, ырымнар) / текст. тупл., фәнни эшкәрт., иск. авт., жьент. төз. М. Әхмәтжанов. Казан: Татар “Мирас” Фонды, 1991. 47 б.

7. Әхмәтжанов М.И. Татар шәжәрәләре (Беренче китап). Казан: Татар. кит. нәшр., 1995. 128 б.
8. Мөхәммәдъяр һәм аның чоры = Мухаммедъяр и его время / авт.-төз. Ш.Абилов, М.Әхмәтжанов, И.Измайлов. Казан: “Рухият” нәшрияты, 1997. 80 б.
9. Каһарман Катил. Дастан / басм. хәзерл. һәм иск. авторы М.Әхмәтжанов. Казан: Татар. кит. нәшр., 1998. 221 б.
10. Угызнамә дастаны / төз. М. Әхмәтжанов. Истанбул, 1998. 109 б.
11. Әхмәтжанов М.И. Дастаннар ватаны. Кама аръягының көнчыгыш төбәкләре һәм татар әдәбияты тарихы. Казан: Мәгариф, 1999. 158 б.
12. Әхмәтжанов М.И. Үлгәннәрнең каберен бел: Әлмәт төбәге эпиграфик истәлекләре. Казан: Мәгариф, 2000. 159 б.
13. Әхмәтжанов М.И. Татар кулъязма китабы. Казан: Татар. кит. нәшр., 2000. 270 б.
14. Әхмәтжанов М. Олы Мәңгәр авылы тарихы. Казан: ГУП ПИК «Идел-Пресс», 2000. 73 б.
15. Әхмәтжанов М.И. Меңбеллык татар нәселе: Татар шәжәрәләре һәм этник тарихыбызга бер караш. Казан: Мәгариф, 2001. 63 б.
16. Әхмәтжанов М.И. Нугай Урдасы: татар халкының тарихи мирасы. Казан: Мәгариф, 2002. 343 б.
17. Әхмәтжанов М., Солтанов В. Ахун авылының нәсел тарихы. Казан: Гуманитария, 2004. 180 б.
18. Әхмәтжанов М.И. Мирасханә: фонд һәм коллекцияләр күрсәткече. Казан, 2005. 224 б.
19. XVIII гасыр татар әдәбияты. Поэзия / төз., иск. һәм аңлатм. әзерл. М.Әхмәтжанов. Казан: “Дом печати” нәшрияты, 2006. 363 б.
20. Ахметзянов М.И. Память о предках татар Поволжья и Приуралья (Судьба татар Ногайской Орды). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2007. 48 с.
21. Әбелгазый Баһадир хан. Шәжәрәи төрек / кереш мәк. авт. М.Әхмәтжанов, төз. М.Әхмәтжанов, Ә.Сабирова. Казан: Татар. кит. нәшр., 2007. 271 б.
22. Әхмәтжанов М.И. Касыым шәйех-газиз. Казан: ТФА Ш.Мәржани исем. Тарих институты, 2008. 48 б.
23. Әхмәтжанов М.И. Мирас истәлекләре. Казан, 2008. 160 б.
24. Әхмәтжанов М.И. Мәгариф, археографик эзләнүләр. Казан: ТФА Ш. Мәржани исем. Тарих институты, 2009. 188 б.
25. Әхмәтжанов М.И. Нугай Урдасы: татар халкының тарихи мирасы. Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. 351 б.
26. Әхмәтжанов М.И. Турай, Миякә арасы – бар да меңнәр баласы. Казан, 2010. 56 б.
27. Солтан Бибарс: тарихи роман / әсәрне басмага әзерл. М.Әхмәтжанов, Ә.Сабирова. Казан, 2010. 316 б.
28. Әхмәтжанов М. Дәшми калмам – Газраилне күргәндә дә... Казан: Паритет, 2010. 190 б.
29. Ахметзянов М.И., Шарифуллина Ф.Л. Касимовские татары (по генеалогическим и этнографическим материалам). Казань: Магариф, 2010. 375 с.
30. Әхмәтжанов М.И. XVII–XVIII гасыр татар ташбилгеләре. Казан, 2011. 260 б.

31. Әхмәтжанов М.И. Татар археографиясе: Милли-мәдәни мирас хәзинәләре системасына сәхифәләр. Казан, 2011. 216 б.
32. Әхмәтжанов М.И. Ташбилгеләргә язылган татар әдәбияты үрнәкләре. Казан, 2011. 215 б.
33. Ахметзянов М.И. Татарская археография: Отчеты о результатах археографических экспедиций (1972–2010 гг.). Ч.1. Казань, 2011. 188 с.
34. Ахметзянов М.И. Татарская археография: Отчеты о результатах археографических экспедиций (1972–2010 гг.). Ч.2. Казань, 2011. 180 с.
35. Әхмәтжанов М.И. Татар археографиясе (соңгы елларда археографик экспедицияләр вакытында тупланган кулъязмаларның тасвирламалары). Сигезенче кисәк. Казан, 2011. 196 б.
36. Әхмәтжанов М.И. Татар шәжәрәләре: I т. Казан: Татар. кит. нәшр., 2012. 407 б.
37. XVIII йөз татар әдәбияты: Проза / төз. М. Әхмәтжанов. Казан: Г. Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институты, 2012. 444 б.
38. Әхмәтжанов М.И. Татар археографиясенә сәхифәләр. Тарих пәрделәре күтәрелгәндә. Казан, 2012. 132 б.
39. Татар халкының борынгы ырым-арбаулары һәм төрле фалнамәләре / текст. эзләп табып, аларны укучы, басм. хәзерл., иск.-сүзлекч. бир., кереш мәк. авт. М.Әхмәтжанов. Казан, 2012. 272 б.
40. Әхмәтжанов М. Татар археографиясе. Татар эпиграфикасын өйрәнү дәверендә тупланган зират культурасы хакындагы кайбер материаллар. I т. Казан, 2013. 360 б.
41. Әхмәтжанов М.И. Татар археографиясе. Соңгы елларда археографик экспедицияләр вакытында тупланган кулъязмаларның тасвирламалары (1972–2012 еллар). Өченче кисәк. Казан, 2013. 255 б.
42. Әхмәтжанов М.И. Еллар кичә килгән фикерләр (публицистик мәкаләләр жынтыгы). Казан, 2014. 283 б.
43. Әхмәтжанов М. Татар археографиясе. Татар эпиграфикасын өйрәнү дәверендә тупланган зират культурасы хакындагы кайбер материаллар. 2 т. Казан, 2014. 276 б.
44. Әхмәтжанов М.И. Татар шәжәрәләре: II т. Казан: Татар. кит. нәшр., 2014. 239 б.
45. Әхмәтжанов М.И. Әйтер сүзләрем шушыдыр (мәкаләләр жынтыгы). Казан, 2015. 336 б.
46. Әхмәтжанов М.И. Археографик экспедицияләр һәм Габдулла Тукай хатирәләрдә. Казан, 2015. 132 б.
47. Әхмәтжанов М.И. Татар халкының борынгы ырым-арбаулары һәм төрле фалнамәләре. Тулыландырылган икенче басма. Казан, 2015. 308 б.
48. Әхмәтжанов М. Татар археографиясе. Татар халкының кулъязма тыйб хәзинәсе мирасы. Казан, 2016. 156 б.
49. Әхмәтжанов М.И. Татар археографиясе. Соңгы елларда археографик экспедицияләр вакытында тупланган кулъязмаларның тасвирламалары (1972–2012 еллар). Бишенче кисәк. Казан, 2016. 224 б.
50. Әхмәтжанов М.И. Татарстандагы татар зиратлары ташбилгеләре язмалары. Беренче кисәк. Казан, 2016. 92 б.

51. Әхмәтжанов М.И. Татар археографиясе. Соңгы елларда археографик экспедицияләр вакытында тупланган кулъязмаларның тасвирламалары (1972–2012). Алтынчы кисәк. Казан, 2016. 212 б.
52. Мәнгәри М. Күңел тойгылары. Казан, 2017. 72 б.
53. Әхмәтжанов М.И. XIV гасыр татар поэзиясе ядкәре “Шаһнамә” поэмасының археографик экспедиция вакытында кулъязмасы табылып басмага хәзерләнгән тексты. Казан, 2017. 60 б.
54. Әхмәтжанов М.И. Борынгы татар риваятьләре хәзинәсеннән. Казан, 2017. 104 б.
55. Әхмәтжанов М.И. Археографик эзләнүләр юлында. Беренче кисәк. Казан, 2017. 284 б.
56. Әхмәтжанов М.И. Татар шәжәрәләре: III т. Казан: Татар. кит. нәшр., 2019. 380 б.
57. Әхмәтжанов М.И. Сайланма хезмәтләр. Казан: ТӘҺСИ, 2019. 336 б.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахметзянов М.И. Исследование татарских шеджере в источниковедческом и лингвистическом аспектах (по спискам XIX–XX вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1981. 25 с.
2. Ахметзянов М.И. Новые археографические материалы и их значение в исследованиях по истории татарской литературы: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Казань, 1998. 67 с.
3. Ахметзянов М.И. Татарские шеджере (Исследование татарских шеджере в источниковедческом и лингвистическом аспектах по спискам XIX–XX вв.). Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 158 с.
4. Әхмәтжанов М.И. Сайланма хезмәтләр. Казан: ТӘҺСИ, 2019. 336 б.
5. Әхмәтжанов М. Татар археографиясе. Татар халкының кулъязма тыйб хәзинәсе мирасы. Казан, 2016. 156 б.
6. Әхмәтжанов М.И. Татар кулъязма китабы. Казан: Татар. кит. нәшр., 2000. 270 б.
7. Татар халкының борынгы ырым-арбаулары һәм төрле фалнамәләре / текст. эзләп табып, аларны укучы, басм. хәзерл., иск.-сүзлекч. бир., кереш мәк. авт. М. Әхмәтжанов. Казан, 2012. 272 б.

Информация об авторе:

Гайнутдинов Айдар Марселевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-7119-8830; e-mail: aydargm@yandex.ru

Поступила 30.04.2025

Принята к публикации 20.05.2025

In search of the historical, cultural and literary-artistic heritage of the Tatar people (dedicated to the memory of Marcel Ibragimovich Akhmetzyanov)

A.M. Gaynutdinov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article is devoted to the scientific work of the Tatar scientist, Doctor of Philology, Professor Marsel Ibragimovich Akhmetzyanov, who is well-known in Russia and abroad. The work examines the main stages of the scientist's biography and provides an analysis of his scientific work. A list of the main works of M.I. Akhmetzyanov, devoted to various areas of history, culture and literature of the Tatar people, is also published.

Keywords: Marcel Akhmetzyanov, Tatar scientist, biography, scientific works, archaeographer, epigraphist, historian

For citation: Gaynutdinov A.M. In search of the historical, cultural and literary-artistic heritage of the Tatar people (dedicated to the memory of Marcel Ibragimovich Akhmetzyanov). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.2, pp.150–160. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-2.150-160> (In Russian)

REFERENCES

1. Akhmetzyanov M.I. *Study of Tatar shejere in source studies and linguistic aspects (based on lists from the 19th – 20th centuries)*. *Dissertation Abstract of a Candidate of Philological Sciences*. Alma-Ata, 1981. 25 p. (In Russian)
2. Akhmetzyanov M.I. *New archaeological materials and their significance in research on the history of Tatar literature*. *Dissertation Abstract of a Doctor of Philological Sciences*. Kazan, 1998. 67 p. (In Russian)
3. Akhmetzyanov M.I. *Tatar shejere (study of Tatar shejere in source studies and linguistic aspects based on lists of the 19th–20th centuries)*. Kazan: Tatar book Publ., 1991. 158 p. (In Russian)
4. Akhmetzyanov M.I. *Selected works*. Kazan: Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2019. 336 p. (In Tatar)
5. Akhmetzyanov M.I. *Tatar archaeography. The manuscript medical heritage of the Tatar people*. Kazan, 2016. 156 p. (In Tatar)
6. Akhmetzyanov M.I. *Tatar handwritten book*. Kazan: Tatar book Publ., 2000. 270 p. (In Tatar)
7. *Ancient superstitions and various legends of the Tatar people*. Compiled by M.I. Akhmetzyanov. Kazan, 2012. 272 p. (In Tatar)

About the author:

Gaynutdinov Aydar Marsilevich – Cand. Sci. (philology), Senior Researcher of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7119-8830; e-mail: aydargm@yandex.ru

Received April 30, 2025

Accepted for publication May 20, 2025

УДК 929

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-2.161-170>

Историк-энциклопедист.
В память об Айдаре Ильсуровиче Ногманове

С.Р. Хамидуллин

*Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

Статья посвящена жизни и деятельности Айдара Ильсуровича Ногманова (1965–2025) – известного историка, который совсем недавно ушел от нас. Его труды внесли большой вклад в изучение и сохранение историко-культурного наследия Республики Татарстан, а исследования правового положения татар дореволюционной России заслужили высокую оценку коллег-историков. Отмечены его научные достижения и история создания основных трудов, приводятся личные воспоминания автора о совместной работе.

Ключевые слова: А.И. Ногманов, ученый, законодательство о татарах Поволжья и Приуралья, история населенных пунктов, Республика Татарстан, Новотатарское кладбище Казани

Для цитирования: Хамидуллин С.Р. Историк-энциклопедист. В память об Айдаре Ильсуровиче Ногманове // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №2. С.161–170. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-2.161-170>

Благодарность: Автор благодарит Наталью Ногманову за предоставленные материалы.

Я никогда не думал, что доведется вспоминать и готовить подобную статью о нашем заведующем, о сильном человеке в расцвете лет. А ведь он вел здоровый образ жизни, но судьба распорядилась иначе...

28 марта 2025 г. друзья, родственники, коллеги из Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, помня о юбилее Айдара Ильсуровича, с раннего утра дружно поздравляли его с днем рождения. Желали здоровья, семейного счастья, научных успехов. Ближе к полудню как снег на голову пришла шокирующая новость... поздравления сменились вереницей соболезнований. Айдар Ильсурович ушел от нас в день своего 60-летия, да еще и в день своего профессионального праздника – Всемирного дня историка. Это была пятница, предпоследний день священного для всех мусульман месяца Рамадан.

Айдар Ильсурович Ногманов родился 28 марта 1965 г. в г. Кировграде Свердловской области в простой семье заводского рабочего и учительницы. Его родители Ильсур Ногманович и Сафия Ибрагимовна Ногмановы были родом из одной деревни Шикши Сабинского района ТАССР. Отец после службы в армии уехал к родственникам на Урал, в г. Кировград, где устроился работать на металлургический завод. Сафия Ибрагимовна сначала окончила Арское педагогическое училище, потом историко-филологический факультет Казанского педагогического института. Приехав к мужу в г. Кировград, она какое-то время работала учителем истории, здесь у них родился сын Айдар. Когда Айдару было 3 года, семья решила вернуться на родину. Конец 1960-х гг. ознаменовался началом строительства крупных промышленных гигантов на востоке республики – нефтехимических заводов в Нижнекамске и КамАЗа в Набережных Челнах, а также бурным развитием самих городов. Семья молодых специалистов выбрала Нижнекамск, их не пугала перспектива какое-то время пожить в вагончике-временке. Впоследствии они получили квартиру.

По словам его мамы, Айдар рос смышленным, любознательным мальчиком. Рано научился читать и проявлял особенный интерес к истории, так как в семье было много исторической литературы, которую Сафия Ибрагимовна использовала для подготовки к урокам. Авторитет матери – учителя истории был всегда значимым, поэтому к окончанию средней школы сомнений, кем стать, у Айдара не было. В 1982 г. он поступил на исторический факультет Казанского государственного университета (КГУ) – в то время одного из самых престижных вузов страны за пределами Москвы и Ленинграда.

На первом курсе истфака Айдар Ногманов проявил интерес к изучению истории сословия служилых татар и лашман под научным руководством известного доктора исторических наук, востоковеда М.А. Усманова. Однако после первого курса внезапно пришлось прервать учебу на 2 года. Судьба сыграла неожиданную шутку практически со всеми студентами той поры. Многие забыли и называют этот приказ андроповским, но изменения в закон о призыве на срочную службу студентов-очников были приняты еще в конце 1980 г., с началом афганской кампании. В полной мере эти поправки заработали с весеннего призыва 1983 г. Таким образом, сразу после успешной сдачи летней сессии первого курса в конце июня 1983 г. студент Ногманов был призван в Вооруженные силы Советской армии. 2 года службы прошли в военных частях Азербайджанской ССР и Грузинской ССР. Айдар Ильсурович никогда не жалел о том, что пришлось прервать учебу на это время и с интересом рассказывал различные эпизоды армейской службы. Подтверждением этому является то, что впоследствии он и его сослуживцы практически ежегодно встречались в Москве или других городах страны, крепким было их боевое братство. После окончания службы он какое-то время даже поработал рабочим на птице-

фабрике в Нижнекамске, что, конечно, было полезно с точки зрения и жизненного опыта, и финансового положения молодого человека.

На второй курс исторического факультета Айдар Ногманов восстановился только в сентябре 1986 г. Тему отражения истории нерусских народов Среднего Поволжья в российском законодательстве XVIII в. он продолжил изучать под тем же научным руководством М.А. Усманова. Тем временем страна стремительно менялась, полным ходом шла перестройка. Произошли изменения и в личной жизни Айдара Ильсуровича, в 1987 г. он женился на студентке исторического факультета Наталье, в 1988 г. у них родилась первая дочь Диана. Можно представить трудности молодой студенческой семьи в то время с тотальным дефицитом на все. Несмотря на все сложности, Айдар Ильсурович продолжал успешную учебу и в 1990 г. с красным дипломом закончил истфак КГУ. В этом же году он поступил в аспирантуру на кафедру истории татарского народа к своему профессору М.А. Усманову. В студенческие и аспирантские годы он был участником многих археографических экспедиций под его руководством. Именно М.А. Усманов заложил в нем навыки профессионального, критически мыслящего ученого-историка. Начало 90-х гг., на которые пришлось аспирантская молодость Айдара Ногманова, было одним из самых сложных периодов в истории страны, но ни финансовые, ни семейные трудности не стали препятствием для учебы и научной работы. В 1994 г. Айдар Ильсурович успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Российское законодательство второй половины XVI–XVIII вв. как источник по истории татарского населения Среднего Поволжья и Приуралья» [1]. В ней он подробно исследовал правовое положение различных слоев татарского населения и эволюцию законодательства царской России в их отношении начиная с правления Ивана Грозного и до конца эпохи Екатерины II. Автором были рассмотрены такие аспекты, как религиозная жизнь, органы и механизмы судопроизводства, торговая деятельность, лашманская повинность.

В 1994–2015 гг. Айдар Ильсурович работал на различных должностях в Институте Татарской энциклопедии (ИТЭ) Академии наук РТ. В 1995 г. в семье Ногмановых родилась вторая дочь – Мадина. В этом же году Айдар Ильсурович возглавил вновь созданный отдел истории населенных пунктов ИТЭ. Под его руководством отдел стал ведущим центром изучения истории городов, поселков, сел и деревень республики. Как итог научно-исследовательской работы в данном направлении в 1997 г. был опубликован справочник «Населенные пункты Республики Татарстан» [2]. Айдар Ильсурович был автором и редактором сотен статей фундаментальной 6-томной «Татарской энциклопедии» (2002–2014), «Татарского энциклопедического словаря» на русском (1999) и татарском (2002) языках (в 2005 г. удостоены Государственной премии РТ) и других значимых изданий института. В 2011–

2013 г., будучи заместителем директора, координировал деятельность института с органами власти и управления, образовательными и культурными учреждениями республики, отвечал за издание энциклопедической и другой культурно-просветительской продукции. Параллельно, в период с 2003 по 2008 г., Айдар Ильсурович был доцентом кафедры истории татарского народа (с 2007 г. – кафедра истории и культуры татарского народа) исторического факультета Казанского государственного университета.

Айдар Ильсурович проводил большую общественную работу. С 2007 г. он член топонимической комиссии г. Казани. С 2011 г. в комиссии по мемориальным доскам при Министерстве культуры РТ, с 2014 г. входил в состав комиссии по памятникам монументального искусства при Министерстве культуры РТ. Неоднократно выступал на заседаниях Топонимической комиссии города с аналитическими материалами по вопросам городской топонимики. Ряд его предложений по наименованию улиц, общественных пространств, станций метро («Яшьлек», «Северный вокзал») были реализованы на практике. В качестве члена комиссии по мемориальным доскам при Министерстве культуры РТ принимал участие в увековечивании памяти видных представителей татарской культуры, ученых, государственных и общественных деятелей, хозяйственных руководителей, связанных с Казанью и Татарстаном. Работая в комиссии по монументальному искусству при том же министерстве, участвовал в экспертизе проектов памятников государственному и политическому деятелю С.Максуди, ученому-богослову Ш.Марджани, Герою Советского Союза Б.К. Кузнецову, воинам-интернационалистам (позже установлены в Казани).

Мы с Айдаром Ильсуровичем познакомились в августе 2015 г., когда он, по приглашению Р.Р. Салихова, возглавил отдел историко-культурного наследия народов Татарстана Института истории им. Ш.Марджани АН РТ. Основным направлением работы отдела с того года стала подготовка и публикация серии коллективных монографий по программе «Сохранение национальной идентичности татарского народа». Этой работе всегда предшествовала небольшая (продолжительностью 3–4 дня) экспедиция в Арский, Зеленодольский, Альметьевский, Лениногорский и Актанышский районы РТ. Как говорил Айдар Ильсурович, мы должны своими глазами увидеть тех, чью историю будем создавать – пообщаться с местным населением, старожилami; послушать их истории и легенды; сфотографировать памятники и родники, достопримечательности и виды населенных пунктов. Айдар Ильсурович был ответственным редактором и одним из авторов этих изданий. Под его руководством в рамках указанной программы были подготовлены коллективные монографии: «История селений Ашитского джиена Заказанья» (посвящена населенным пунктам Арского р-на РТ) [3], «История татарских селений Горной стороны» (Зеленодольский р-н РТ) [4], «Татарские селения Юго-Восточного Закамья: очаги про-

свещения и культуры» (Альметьевский и Лениногорский р-ны РТ) [5], «Татарские селения Восточного Закамья» (Актанышский р-н РТ) [6].

Вручение наград сотрудникам отдела. Р.Р. Салихов и А.И. Ногманов (справа).
17 февраля 2017 г.

Параллельно с 2017 г. отдел начал научно-исследовательские работы по теме «Исторические некрополи Казани». В апреле, как только растаял снег, Айдар Ильсурович, Айдар Гайнутдинов, Сайрус Хамидуллин и Олег Владимиров приступили к фронтальному обследованию всех мусульманских кладбищ Казани: Биш-Балта, Пороховое и Ново-Татарское. Мы знали, что объем работ на последнем будет самым большим, но насколько это грандиозный масштаб, поняли только на месте. Работа на Ново-Татарском кладбище заняла больше двух месяцев. Каждый день брали наши нехитрые инструменты, фотоаппараты и работали с 9 утра до наступления темноты. За это время мы буквально подружились с ним. Айдар Ильсурович не боялся тяжелой работы, помогал всем нам. Здесь необходимо сказать, что, несмотря на возраст, физически он был сильнее всех нас, сказала армейская закалка (мы примерно на 20 лет моложе его и в армии не служили). Его армейский опыт выручал и в других сложных моментах поле-

вой экспедиции. Обедали в местной столовой, после работы иногда заходили перекусить в знаменитую перемячную на улице Тукая, здесь готовят самые вкусные перемячи в Казани. Айдар Ильсурович не забывал о семье, помню, он брал много перемячей, чтобы угостить домашних татарским деликатесом, он любил татарскую кухню.

Экспедиция в Актанышский район РТ. С водителем А.В. Мучтукаевым.
Май 2021 г.

Обследование кладбища завершилось только в конце июня. Затем у него и Айдара Гайнутдинова началась масштабная работа по анализу и систематизации собранных материалов, у каждого по своему направлению. По словам Айдара Ильсуровича, за время экспедиции он сделал около 20 тыс. фотографий. Через 3 года кропотливой работы он издал капитальный каталог-справочник «Ново-Татарское кладбище Казани. Каталог-справочник памятных захоронений» [7]. В него вошли биографические статьи 720 выдающихся личностей, нашедших последний покой на этом некрополе. Все герои издания представлены прижизненными фотографиями и их надгробными памятниками. Айдар Гайнутдинов расшифровал и перевел на современный татарский язык более 1400 арабографичных эпитафий, сохранившихся к 2018 г.: «Казанның Яңа Татар бистәсе зираты

эпиграфик истэлеклэре» [8]. Сейчас данные труды выдвинуты на Государственную премию Республики Татарстан в области науки и техники. Эти и другие издания представлены в электронном виде на сайте Института истории им. Ш.Марджани АН РТ в разделе «Библиотека»¹.

Как руководитель отдела, Айдар Ильсурович много сил посвятил организации и проведению крупных научных конференций, таких как, например, «Казанское адмиралтейство (1718–1830 гг.): народы Поволжья и традиции российского судостроения», посвященная 300-летию основания Казанского адмиралтейства (2018 г.). В сентябре 2022 г. в Казани с размахом прошла Всероссийская научная конференция «Петровские преобразования в исторических судьбах народов России», посвященная 350-летию со дня рождения Петра I и 300-летию его пребывания в Казани. Айдар Ильсурович был научным редактором 4-го номера научного журнала «Из истории и культуры народов Среднего Поволжья» за 2022 г., где были опубликованы материалы этой конференции [9].

Как заведующий отделом, Айдар Ильсурович был очень интеллигентным, спокойным и демократичным руководителем. Если были вопросы, в том числе и личные, сотрудники в любой момент могли обратиться к нему. В то же время он и сам никогда не стеснялся спрашивать мнение коллег, если вопрос касался их компетенции. Как и у всех, у нас возникали разногласия, но конфликтов никогда не было. В то же время он запомнился как истинный патриот своей страны.

Другой чертой Айдара Ильсуровича было стремление к творческой самостоятельности. Помню, к нему приходили друзья и они вместе готовили оригинальные поздравления на дни рождения коллег и однокурсников. Мы, его коллеги, запомнили его поэтическое поздравление к юбилею основателя и научного руководителя Института истории АН РТ Рафаэля Сибгатовича Хакимова в феврале 2022 г. Это был неожиданный сюрприз:

*Простите
нас,
товарищ Хакимов,
с присущей
душевной ширью,
что часть
на науку
отпущенных слов
на здравницу
мы
растранжирим.*

¹ См.: URL: <http://татаровед.рф/libraries> (дата обращения: 02.04.2025)

*От имени тех,
кто недавно
был
в деревни
погружен истою,
я изложу
наш
общий
наказ...*

Айдар Ногманов был награжден Почетной грамотой Академии наук РТ (2002), Благодарственным письмом Министерства науки и образования РТ (2007), медалью «В память 1000-летия Казани» (2009), Благодарственным письмом Председателя Государственного Совета РТ (2015), Благодарностями Мэра Казани (2015, 2019), Почетной грамотой Министерства культуры РТ (2015, 2017). Удостоен почетного звания «Заслуженный работник культуры Республики Татарстан» (2020).

29 марта 2025 г. мы простились с Айдаром Ильсуровичем Ногмановым на Ново-Татарском кладбище Казани, на том самом, которому он посвятил столько сил и времени. Прощайте, Айдар Ильсурович, мы всегда будем помнить вас!

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ногманов А.И. Российское законодательство второй половины XVI–XVIII вв. как источник по истории татарского населения Среднего Поволжья и Приуралья: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1994. 275 с.
2. Населенные пункты Республики Татарстан. Краткий справочник. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 1997. 390 с.
3. История селений Ашитского джидана Заказанья: коллективная монография / под ред. А.И. Ногманова. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. 240 с.
4. История татарских селений Горной стороны (Акзегитовская волость Цивильского уезда Казанской губернии): коллективная монография / отв. ред. А.И. Ногманов. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2018. 348 с.
5. Татарские селения Юго-Восточного Закамья: очаги просвещения и культуры: коллективная монография / отв. ред. А.И. Ногманов. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2019. 388 с.
6. Татарские селения Восточного Закамья / отв. ред. А.И. Ногманов. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2021. 276 с.
7. Ново-Татарское кладбище Казани. Каталог-справочник памятных захоронений / авт.-сост. А.И. Ногманов. Казань, 2021. 388 с.
8. Гайнетдинов А.М. Казанның Яңа Татар бистәсе зираты эпиграфик истәлектәре. Казан: Конверс, 2023. 800 б.

9. Ногманов А.И. Предисловие // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т.12, №4. С.6–9.

Информация об авторе:

Хамидуллин Сайрус Русланович – младший научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0001-8404-4611; e-mail: tatartarih@mail.ru

Поступила 30.04.2025

Принята к публикации 20.05.2025

Historian-encyclopedist.
In memory of Aidar Ilsurovich Nogmanov

S.R. Khamidullin

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article is dedicated to the life and work of Aidar Ilsurovich Nogmanov (1965–2025), a famous historian who recently passed away. His works made a great contribution to the study and preservation of the historical and cultural heritage of the Republic of Tatarstan, and his studies of the legal status of the Tatars of pre-revolutionary Russia have earned high praise from his fellow historians. His scientific achievements and the history of the creation of his main works are noted, and the author's personal memories of their joint work are provided.

Keywords: A.I. Nogmanov, scientist, legislation on the Tatars of the Volga and Ural regions, history of settlements, Republic of Tatarstan, New-Tatar cemetery of Kazan

For citation: Khamidullin S.R. Historian-encyclopedist. In memory of Aidar Ilsurovich Nogmanov. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.2, pp.161–170. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-2.161-170> (In Russian)

Acknowledgments: The author is grateful to Natalia Nogmanova for the provided materials.

REFERENCES

1. Nogmanov A.I. *Russian legislation of the second half of the 16th – 18th centuries as a source on the history of the Tatar population of the Middle Volga and Ural region. Dissertation of a Candidate of Historical Sciences*. Kazan, 1994. 275 p. (In Russian)

2. *Settlements of the Republic of Tatarstan. Brief reference book*. Kazan: Institute of Tatar Encyclopedia of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 1997. 390 p. (In Russian)

3. *History of the villages of the Ashitsky djien of Zakazanye: collective monograph*. Ed. by A.I. Nogmanov. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2017. 240 p. (In Russian)

4. *History of Tatar villages of the Mountainous Side (Akzigitovskaya volost of the Tsivilsky district of the Kazan province): collective monograph*. Ed. by A.I. Nogmanov. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2018. 348 p. (In Russian)

5. *Tatar villages of the South-Eastern Trans-Kama region: centers of education and culture: collective monograph*. Ed. by A.I. Nogmanov. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2019. 388 p. (In Russian)

6. *Tatar villages of the Eastern Trans-Kama region*. Ed. by A.I. Nogmanov. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2021. 276 p. (In Russian)

7. *New-Tatar cemetery of Kazan. Catalogue-reference book of memorial burials*. Compiled by A.I. Nogmanov. Kazan, 2021. 388 p. (In Russian)

8. Gainutdinov A.M. *Epigraphic monuments of the New-Tatar cemetery of Kazan*. Kazan: Converse, 2023. 800 p. (In Tatar)

9. Nogmanov A.I. Foreword. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2022, vol.12, no.4, pp.6–9. (In Russian)

About the author:

Khamidullin Cayrus Ruslanovich – Junior Researcher of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0009-0001-8404-4611; e-mail: tatartarih@mail.ru

Received April 30, 2024

Accepted for publication May 20, 2025

2025

**ГОД ЗАЩИТНИКА ОТЕЧЕСТВА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН**

Академия наук Республики Татарстан является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.
Любое использование материала данного издания (размещение
в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или
частично, без разрешения правообладателя запрещается

The Tatarstan Academy of Sciences is a holder of exclusive property
rights of its own publications. Any use of the material
of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.), in whole
or in part, without permission of the rights holder is prohibited

Из истории и культуры народов Среднего Поволжья.
2025. Том 15, № 2

From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region.
2025, vol. 15, no. 2

Компьютерная верстка – *Л.М. Зигангареева, А.Р. Тухватуллина*

Оригинал-макет подготовлен
в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ
420111, ул. Батурина, 7, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация

Подписано в печать 23.06.2025 г. Дата выхода в свет 30.06.2025 г.

Формат 70×100 ¹/₁₆ Печ. л. 10,75 Тираж 100 экз.

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Академии наук Республики Татарстан
420111, ул. Баумана, 20, Казань,
Республика Татарстан, Российская Федерация
E-mail: izdat.anrt@yandex.ru

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф